

МЕЖДУНАРОДНАЯ АКАДЕМИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА «ХОЛМ ПОЭТОВ»

Андрей Тремасов
Ярослав Кауров

ТЕАТР ПОЭТОВ

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ
В ПОЭТИЧЕСКИХ СПЕКТАКЛЯХ

МОНОГРАФИЯ

Нижний Новгород
2004

ББК 84(2Рос=Рус)6 -5

Т 29

Библиотека журнала «Холм Поэтов»
основана в 2002 году

Тремасов А.Н., Кауров Я.В.

Т 29 Театр поэтов: Всемирная история в поэтических стихотворениях.— Моногр.— Н. Новгород, 2004.— 396 с. (Библиотека журнала «Холм Поэтов»).

Восемнадцать поэтических спектаклей вошедших в сборник своеобразный „взгляд на историю сквозь призму искусства“. Авторы в стихотворной форме излагают свое понимание истории, начиная с древнего Египта и вплоть до России XX века. Взятый ими за основу цивилизационный подход вполне современен и отвечает поставленной цели: воздействовать на умонастроения молодых людей различных социальных групп с помощью рефлексивно поэтического тренинга.

Исторические спектакли Театра Поэтов помогают прочувствовать атмосферу, колорит той или иной исторической эпохи.

ББК 84(2Рос=Рус)6 5

© Тремасов А.Н., Кауров Я.В., 2004
© Журнал «Холм Поэтов», 2004

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЮ

Новая книга — новая судьба. Почти всегда рождению книги предшествует длительная работа автора над замыслом, борьба с многочисленными сомнениями, связанными с тем насколько эта книга окажется полезной, насколько широк будет круг читателей, и что это будет за читатель? И лишь тогда, когда все «За» перевешивают все «Против», когда появляется чувство уверенности в собственных силах и в том, что нужные слова и формулировки займут свое место на страницах, автор получает право поделиться своими раздумьями и открытиями с людьми, способными воспринять личностное «Я» другого человека, умеющими ценить радость общения с книгой.

Мы приглашаем Вас, уважаемые читатели, в удивительное путешествие по временам. Эта книга является и книгой стихов, и своеобразным учебником по всемирной истории. Да, да — это действительно так. Историю можно изучать по-разному. Можно копаться в архивах, бесконечно уточняя детали какого-либо события, значимой даты или биографии исторического деятеля — это общеизвестный путь профессионального историка. Авторы же предлагают изучать историю несколько иначе, изучать ее эмоционально, погружаясь в мир исторических образов, ассоциаций и даже мистификаций, поскольку создание стихотворного произведения всегда сопровождается волей проридения.

Надеемся, что в нашем лице, вы найдете приятных собеседников и весьма осведомленных спутников, которые знают, о чем они говорят и знают зачем они это делают.

В заключении, хочется выразить нашу признательность и поблагодарить за участие в становлении Театра художественного руководителя Галину Дмитриевскую — заместителя директора дома-музея Н.А. Добролюбова (именно в этом доме долгое время проходили премьеры Театра Поэтов), Марину Метелеву — ведущую целого ряда радио-программ, в том числе тех, где звучали радиоверсии спектаклей Театра Поэтов и, и, конечно, вспомнить добрым словом Евгения Георгиевича Филатова — талантливого радио-журналиста, несколько раз оказывавшего поддержку нашему Театру Поэтов.

ИТАК, МЫ ОТКРЫВАЕМ ЗАНАВЕС !

ВМЕСТО ВСТУПЛЕНИЯ

Рекомендую в члены СП России

Андрея Тримасова.

С Андреем Тримасовым и его книгами я знаком в последние пять лет.

Постоянно читаю выпуски альманаха „Художник“, книги поэтического круга, я сразу же видел из авторских имен вслед за Юрием Кадоровым схожий стиль Андрея Тримасова.

Несомненно, это проявляло биографию его отца, Николая Захаровича Тримасова, заслуженного художника СССР, одного из первых учеников „старшего Саргса“, и обнаружилось в своеобразном „приведении“: пастрации и пейзажи. И это сразу стал открытым именем Андрея Тримасова в исторической теме.

Даже не именем, а глубокие знания, ходоречие отмечает, письма стихи поэта, но русский и еврей. Вместе с Фёдором Кауровым, А. Тримасов создает свою концепцию группы поэтов, альманах, выпущен серия поэтических книг.

Они существует уже два года. Я их приводил в прессу в Союз писателей России только один раз. Эта группа существует сама по себе, имеет свой круг писателей и поэтов, — Андрея Тримасова — как автора поэтического альманаха и, кроме этого, он

- 2

Хочу создавать судьи в Бурятии с
нашим Соколом, национальной Россией.

Широтное пение - зерно, наше самое сокровенное и активное. В соревнованиях 2004 года я был восхищен их выступлениями
во главе хора "Барс".

Рукод А. Тренинса (как в Казахстане) -
исходящий момент в жизни Бурятской
национальной организации.

Н. Абданак,

граждане СР России с 1965г.

Рекомендация в члены СП России

Ярославу Каурову

Я знал Ярослава Каурова более пятидесяти лет. Помню, он готовил свою первую выставку и я велся написать к ней предисловие.

Тогда я покрепче порадовался его таланту.

В ту пору Ярослав только что закончил Горьковский медицинский институт, и работал на машине "Старый комодус".

С той поры многое изменилось: некогда

Кауров - доктор медицинских наук, он прекратил ~~и~~ переводить в единственный и единственный от факта ухода медицинского ученого, где готовят фармацевтов из пограничных воин.

Но он широко известен как поэт, как прозаик, обладающий многими литературными, выдающимися художественными качествами.

Кауров пишет всеми приобретенными традициями старой русской школы XIX- начала XX веков.

Его лирика делает различной подтекстность стиха. Он не потеряет засоречности традиции. Всегда будет на ее плечах к историческим темам.

Графика Ярослава Каурова из горьковской подземной школы. Мне обрадовал с его

птических в СН - делах птиц моих
современных погиб.

Это очень важный шаг в создании
общегородской организации.

Первым спасителем Каурова (и А. Ремесла)
в нашем кинешемском Сокол-орке сформирован
момент в общегородском спасительном
организации.

Юрий Адрианов,
член СН России с 1965 года.

Андрей Николаевич Тремасов

Родился 8 апреля 1963 г. в городе Арзамасе-75 (16), ныне г. Саров. Окончил историко-филологический факультет Горьковского государственного университета (ГГУ). Первый поэтический сборник «Венок Сонетов» вышел в свет в 1991 году. В разные годы опубликовал еще ряд поэтических сборников — «Андреевский флаг» (1993), «Книга стихов» (1996), «Сказки» (1997), «Четыре венка сонетов» (1998). Один из создателей Театра Поэтов (1995), библиотеки Театра Поэтов (1997) и библиотеки журнала «Холм Поэтов» (2002). В настоящее время — главный редактор журнала «Холм Поэтов», член Российского Союза профессиональных литераторов, кандидат психологических наук, доцент Нижегородского коммерческого института, Член-корреспондент Международной Академии Психологических Наук (МАПН), автор более двадцати научных статей по рефлексивной психологии, стихотерапии, проблемам современного терроризма, автор оригинальных методик «Рефлексивно-поэтический тренинг», «Фильм-тренинг» и «Театр-тренинг», изучающих эмоциональные состояния человека в экстремальных ситуациях. Хобби: фехтование, стрельба, дартс.

БИОГРАФИЯ

доктора медицинских наук

Каурова Ярослава Валерьевича, 1964 г.р., русского.

Кауров Я.В. в 1989 году окончил Горьковский медицинский институт. В 1990 году закончил интернатуру по специальности «неврология» и прошел специализацию по иглорефлексотерапии, после чего работал врачом-невропатологом в поселке Линда. С 1992 года работал врачом на Нижегородской подстанции скорой медицинской помощи. С 1995 года ассистент на кафедре патологической анатомии НГМА. В 1995 году была защищена

кандидатская диссертация.

В 2001 году защитил докторскую диссертацию. Создал ряд принципиально новых методов лечения и приборов в области электробиоэнергетики, неврологии, психотерапии, кардиологии, микробиологии, патофизиологии, гепатологии, онкологии и др. с успехом применяемых в клиниках города. Разработал и патофизиологически обосновал на материале электробиоэнергетических исследований теорию возникновения и эволюционного становления жизни. Является автором 72 публикаций, 36 рац-предложений, 20 изобретений. С 2003 года является членом корреспондентом Международной Академии Психологических Наук.

Ведет практические, семинарские занятия и читает лекции. В настоящее время проводит занятия, семинары со всеми категориями обучающихся на кафедре. Кауровым Я.В. подготовлен ряд учебно-методических разработок, пособий, учебных программ для слушателей.

На клинических базах проводит лечебно-диагностическую и консультативную работу, проводя клинические обходы в отделениях с врачами, принимая участие в консилиуме сложных больных, патологоанатомических конференциях.

Прошел специализации и имеет сертификат специалиста по специальностям терапия, скорая помощь, токсикология, кардиология, неврология, иглорефлексотерапия.

Член Союза литераторов России, автор 12 стихотворных сборников. Член редакционного совета литературно-поэтического журнала «Холм поэтов».

Является одним из создателей «Театра поэтов».

ЕГИПЕТ —
КОЛЫБЕЛЬ СТРАХА

* * *

А.Т. От Египта остался чарующий страх,
Забирающий слабые души...
Аркаим — это доблость, что скрыта в веках,
Звон мечей, долетевший сквозь стужи...

За Египтом безмолвие трех пирамид,
Правда ариев за Аркаимом...
Страх невидим, но доблость его усмирит,
Усмирит или сделает зримым...

Зримый страх даже слабому вряд ли к лицу,
Он озвучен мольбами и стоном...
Фараон, изливающий душу жрецу,
Не проснется уже фараоном...

Храбрость воина, мудрость, красивая речь —
Вот извечные ценности Света...
Не напрасно в руке исцеляющий меч,
Без такого меча нет Поэта!

* * *

Я.К. Бог, спустившийся с небес,
Был прекрасен словно ирис.
Он обрёл и рост и вес
И зовут его Озирис.

Расцвела при нём страна —
И роскошна, и богата.
Всё сумел герой познать
Кроме ненависти брата.

Справедлив его совет,
Велика его дружина,
Но подкрался злобный Сет
И измерил господина.

Тот, придя к себе домой,
Гордо спал в себе уверен.
Ты велик, Озирис мой,
Но отныне ты измерен.

Сет ужасный правит пир,
Поднимает кубок пенный,
И блистает, как кумир,
Дивный ящик драгоценный.

Верный плану своему,
Сет вещает: «Пусть запомнят!
Я дарю его тому,
Кто его собой заполнит!»

Пир клубится как в раю,
Не предчувствуя потери,
Каждый в очередь свою
Ящик на себя примерил.

Лёг в него и Бог живой,
Как в постель свою ночами,
И упёрся головой,
И ногами, и плечами.

Полыхнул на небе луч,
Крышки тяжкий стук раздался.
Повернулся в бездне ключ.
Ящик гробом оказался.

Он почил в ужасном сне
И, разорванный на части,
Был разметан по стране
Бог причастный к высшей власти.

Пусть народа сгинет часть,
Вновь король — герой найдётся,
Но измеренная власть
Снова брату достаётся.

Так когда-то на земле
Зародилось государство
В пользе, страхе и во зле,
В жертвенности и коварстве.

С той поры священный трон,
Богом дарованный людям,
Как катящийся закон,
Жернов временем и судеб,

Фараону стал тюрьмой
Обречённой на потерю.
Ты велик, Озирис мой,
Но отныне ты измерен.

* * *

- А.Т. В песках Египта обитает Страх,
Его одели в камень фараоны,
Провозгласив жестокие законы,
Чтоб этот страх существовал в веках...
- Обманы, войны, споры о богах,
Жрецов расчеты, жалкие поклоны...
Измученных рабов глухие стоны
В песках Египта породили Страх!
- Змееподобный Страх, крадущий сны!
Им слабые и сильные больны,
И даже те, чьи недруги убиты...
- Он отнимает волю и мечты,
В пустыне воздвигая пирамиды
Из пустоты...

* * *

- Я.К. Морали, принципов и моды
Так глубоко в нас въелась соль,
Что в беспощадности природы
Для нас загадка, страх и боль.
- В природе всё для нас прекрасно,
Но как понять её закон,
Которому судьба подвластна,
Что слабый вечно обречён?
- И как простить случайность смерти
И наказанье без вины?
И кто рулетку эту вертит,
Не зная случаю цены?
- Стихий могущество случайных.
Случайнostей жестокий рок.

И в этом всём сокрыта тайна,
Что повторить боится слог,

Что разрушает здравый разум,
Что разрывает знаний суть,
И в смысл рождающейся фразы
Как в ад боятся заглянуть.

Так жизнь боится смерти тленья,
Но тот, кто всё-таки убил,
Внёс акт убийства, как творенье
И проявление высших сил.

И от простейших форм природы
Идёт цепочкой вечной к нам
Жестокость творческого рода,
Как жертвоприношенья храм.

И в этом жертвоприношеньи,
В котором магия огня,
Есть сила, воля и решенье
Творить и жечь, и изменять.

Есть воля убивать в пророке,
Жреце, учёном и царе,
И, проповедуя жестокость,
Служить сквозь ночь иной заре.

И тот почувствует глубоко
Предназначение своё,
Кто понимает и жестокость
И воспевает и её.

А кто откажется от силы
В гордыне, в робости своей,
Заплатит раннею могилой
Друзей и собственных детей.

* * *

А.Т. Тайну смерти хранят пирамиды,
 Тайну тайн пирамиды хранят...
 Фараоны, что славой убиты,
 Тем, кто болен тщеславием, мстят.

Обжигающий ветер пустыни,
Как дыхание Сфинкса и бед...
Часть проклятий сбывается ныне,
Это чувствует бледный поэт...

Это знают сакральные строки
На папирусе и на песке...
В лабиринтах мы все одиноки
С умирающей свечкой в руке...

Но живых вечно манят гробницы,
Манит золото и тишина...
Древний сон защищают ресницы
От еще не рожденного сна...

Тайну смерти хранят пирамиды,
Тайну тайн пирамиды хранят...
Фараоны, что властью убиты,
Властолюбцам из прошлого мстят!

С прошлым смыслы грядущие слиты,
В спретом воздухе копится яд...

* * *

Я.К. Такое людям может лишь присниться.
Увидеть это — им не хватит сил,
Когда в толпе Сохмет металась львицей
И заливала кровью полный Нил.

Стекала кровь со львиных лап передних,
Катился пот со львиного лица.
Тот и Анубис на суде последнем
Устали мёртвых взвешивать сердца.

И мудрый Ра задумался глубоко —
Над кем он дальше будет суд вершить
И сможет ли своё живое око
Богиню дочь Сохмет остановить.

В те времена остановил он бойню,
Но, будто это было всё вчера,
Опять народ нубийцев недостойный
Задумал зло на солнечного Ра.

* * *

А.Т.

Я проснулся в пирамиде!
На яву ночной кошмар!!!
Люди, выход осветите!
У меня бесценный дар!!!

Я — нетронутая тайна,
Жрец, творящий чудеса...
Я попал сюда случайно,
Случай склеил мне глаза...

Помню маску фараона,
Чашу алого питья...
Двух рабынь во власти стона
И восторг небытия...

...Дальше — пустота и холод,
В золотой гробнице сон,
Где скрестились серп и молот,
А под ними наш Атон...

Сфинкс, песок и пирамида —
Порожденье общих бед...
Чаша ужаса допита,
Двух рабынь иссущен след...

Так зачем же я проснулся?
Лабиринт нельзя пройти...
Вот гробница, круг замкнулся,
Рев отчаянья в груди!

Этот рев подвинет стены,
Этот рев спасет жреца...
И начнутся перемены,
Перемены без лица...

ПИРАМИДЫ

Я.К.

Позвольте прикоснуться к вам мне.
Как вечной тяжести салют,
Стоят магические камни.
Стремятся линии к нулю.

А это образ пирамиды,
Как иероглиф торжества.
Картина не имеет вида,
Как мысль — природа колдовства.

Как нити полотна культуры,
Неся могущество и страх,
Летят абстрактные структуры
В иных неведомых мирах.

Рождая магмы возмущенья,
Пройдя сквозь отрешённый мозг,
Ничто рождает воплощенье
Сминая атомы, как воск.

* * *

А.Т.

Среди египетских песков
Родился ужас. Он поныне,
Впитав все ужасы веков,
Швыряется песком пустыни...

Иссушивая души тех,
Кто покорился фараонам...
Чьи стоны, жалобы и смех
Не противостоят законам

Жестокости холодных глаз,
Пронзающих, подобно стрелам,
Надежды, сны и каждый час
Жрецов, обремененных делом...

Их дело — собиранье грез,
Сомнений и предположений...
Слеженье за полетом звезд,
Влияющих на ход сражений...

Их дело — ужас бытия,
Без ужаса мертвое сознанье...
Он — торжествующий судья,
Тревожащий воспоминанья...

Среди египетских песков
Родился Ужас — Бог Богов!

* * *

Я.К. Вечность на моих часах.
Страшен вид любого склепа,
Но иной рождает страх
Скальный храм Ментухотепа.
Этой силе стать святой
Стон помог людских давилен.
Перед нею — ты ничто.
Перед нею ты бессилен.
И несётся этот стон,
Ощутим костями всеми,
И великий Фараон
Смотрит на тебя сквозь время.
Он один всегда стоит,
Не имеет смысла смена.
Пирамида пирамид —
И Хеопса, и Хефrena.
Всё пред ним и тлен, и прах —
Синтетическая сила —
Это не природный страх
Пасты льва и крокодила.
Не боится он мечей,
Не себя, а вечность славит.
Мерной поступью своей
Он на свете всё раздавит.
Фараон творец всего,
Пища для него — мученья,
И искусство для него —
Только формула правленья.
Страх воды и страх огня,
Даже смерти страх великий,
Ты спаси от них меня,
От кошмара этих ликов.
Время брошенное вспять,
Вечность брошенная наземь,
Этого нельзя понять,
Это отнимает разум.
В этой формуле закон
Не из нашего пространства —

Это вечный Фараон
И мучений постоянство.
Создан он в иных мирах
На погибель нам несчастным.
Если вырвешь этот страх,
То сознание угаснет.

* * *

Я.К. Власть, конечно, только власть
Всё заменит, всё подарит.
Ради власти можно пасть
Ниже самой мерзкой твари.

Ради власти можно всё.
Всё всегда она окупит,
И познавший счастье её
Это место не уступит.

Деньги, слава, сила, честь —
До отмерянного часа
Всё у этой власти есть,
Властью вырванное с мясом.

Можешь думать про себя,
Что властитель безобразен.
Только трубы прорубят,
И улыбка, как проказа

Искажит твоё лицо,
И подломятся колени.
Ляжет власти горб свинцов,
И воскликнешь ты:

„Он — гений!“

Он взошёл на пьедестал
Весь кровавый, как младенец,
И урод кровавым стал,
Застрахован от падений.

Власти дымом он пропах,
И отныне всем придётся
Уловить в его чертах
Красоту и благородство.

Это новый эталон
Совершенного созданья.
Должен быть таким вот он —
Отдающий приказанья.

И ужасный парадокс —
Прямо пропорционален
Крови выжатой поток
И покой плебейских спален.

Чем страшнее — тем сильней,
Чем сильнее — тем дороже
Тот, кто хлещет нас — коней,
Тот, кто с нас сдирает кожу.

Горд и радостен народ,
И доволен, и спокоен,
Чем свирепее урод
Высшей власти удостоен.

Всё отдать не жалко ей —
Этой самой низкой страсти,
Чтобы встал простой плебей
У горнила высшей власти.

* * *

А.Т.

Попарно проносятся кони
Семи боевых колесниц...
Я снова во власти странниц,
Во власти смертельной погони...

По линиям смуглой ладони
И трепету длинных ресниц,
Я ту, из склонившихся жриц,
Узнаю, что будет на троне...

И с нею, еще не царицей,
Пойду за седьмой колесницей
Туда, где рождается страсть...

Где в стонах египетской ночи
И страшно, и сладко пропасть,
Целуя прикрытые очи...

Купивший недорого власть!

* * *

- А.Т. Клеопатра — царица пустыни!
Клеопатра — царица ночей!
В жилах кровь у любовников стынет
Под укусами первых лучей.
- Клеопатра — предсмертное право!
Клеопатра — огонь и восторг!
Для царицы — простая забава,
Для любовников — дьявольский торг...
- Клеопатра — дарящие губы!
Клеопатра — рассветная мгла!
Ласки царственны, жадны и грубы,
Обнаженные дерзки тела...
- Клеопатра — холодные очи!
В них разгадка египетской ночи...

* * *

- Я.К. Кораллы, бирюза и золото
На утончённых их плечах,
Песками времени не смолото
Величие в цветных очах.
- Их позы — нежно обольстительны,
Движенья — юные светлы
И так пленительно медлительны,
И так обманчиво круглы.
- Они — больные повелители,
Прекрасные, как алебастр.
Они — нагие искусители
Прозрачных ирисов и астр.
- Глазами тонко подведёнными
Они глядят за часом час
И кажутся всегда влюблёнными
И отстранёнными от нас.
- И мысли их о чём-то трепетном,
Невыразимо дорогом

До нас доходят детским лепетом
О тихом, вечном и благом.

Они навечно обнажённые
В плену несбывшихся надежд,
А мы застыли поражённые
Великолепием одежд.

И головных уборов сложности,
Непостижимые для нас,
Рождают мысли о ничтожности,
Чаруя утомлённый глаз.

Они стройны и вечно молоды
Прозрачные, как алых.
Кораллы, бирюза и золото
На утончённых их плечах.

* * *

А.Т.

У пустых пирамид
Ты ничтожен и глуп...
Ужас душу клеймит,
Он безжалостно груб...
Ужас смерти велик
И горяч, как песок...
В камне прячется крик
Не родившихся строк...
Не написанных книг,
Что предвидит пророк...

* * *

Я.К.

Всё из меня, ко мне вернётся
И снова будет только мной,
И изменять меня рванётся,
Сминая образ мой земной.

И, балансируя по краю,
Забыв в азарте обо всём,
Я прохожу, я исчезаю,
Кружась в сознании своём.

Как в скорлупе зародыш птицы,
Я сам в себе, тверда печать.
И как же можно ухитриться
В конце себе же проиграть.

И дело только в отношенье
Изменчивом, как свет луны,
В котором есть и утешенье.
И сны кошмарами полны.

* * *

- Я.К. Как золото блестает и лучится,
 Тугая плоть жарка, пылают веки.
 И только после сможешь научиться —
 Да, кости это важно в человеке.
- Но вспомни, шли отшельники в пустыне,
Рождая чистый дух, что легче пуха,
И даже не записанное имя,
Звучало через века, коснётся слуха.
- Ты сбросишь всё, что было сердцу мило
Роскошного, литого, дорогого,
Но есть ещё физическая сила,
Которая согнёт в дугу любого.
- Но вот спадают мускулы тугие,
Без сил свисая, мягкие, как плети,
И открывает истины другие
Душа на остывающем скелете.
- Есть в бедности освобожденья слёзы,
От ангелов пришёл на землю в гости
Ты для того, чтоб воплотились грэзы.
Останутся лишь только дух и кости.

АРКАИМ

* * *

А.Т. Древний Египет и наш Аркаим —

Два параллельных пути...

В памяти прошлое мы воскресим,

Чтобы себя обрести...

В тайнах затерянных — будущий день,

Будущий плач или смех...

Там — фараона зловещая тень,

Здесь — долгожданный успех...

Цивилизаций магический круг

Новое имя замкнет...

Лишь бы перо не упало из рук,

И не прервался полет...

Смыслы крылатость стихам придают,

Дарят бессмертие им...

Вновь барабаны походные бьют,

Значит — стоит Аркаим!

На колесницу взошел фараон,

Мудрость посеял пророк...

Время пришло, исполняется сон,

Вспыхнувший звездами строк...

Южно-уральские степи и Нил —

Две параллели Земли...

Тот, кто истоки в себе сохранил,

Многое видит вдали...

* * *

Я.К.

В степях, оставленных когда-то,

Поют остывшие ветра,

Ковыль колышется крылато,

Свирили слышится игра.

И там, присутствуя незримо,

И до сих пор блуждаем мы,

И шепчут тайны Аркаима

Волнами вереска холмы.

Там круг семейный собирался,

И там встречали вы меня,

И вечный Агни вырывался
Из печи крыльями огня.
И там, присутствуя незримо,
И до сих пор блуждаем мы,
И шепчут тайны Аркаима
Волнами вереска холмы.

Когда-то в вечность заглянули
Планет и солнечных систем
Круги магические улиц
И неприступность тёмных стен.
И там, присутствуя незримо,
И до сих пор блуждаем мы,
И шепчут тайны Аркаима
Волнами вереска холмы.

* * *

- А.Т. Три круга стен оберегали смыслы,
Построившие славный Аркаим...
Предания, магические числа
Мы в памяти отрывочно храним...

Не эти ли арийские истоки
Величие Руси вдохнули в нас?..
Поэты — беспокойные пророки,
Что превращают истину в алмаз...

Игра алмаза искушает очи,
Способствуя прозрению души...
Не потому ли снами бредят ночи
В погасших окнах и степной глухи?..

Не потому ли, с плеч стряхнув столетья,
Арийский вождь садится на коня...
И, юным показав пример бессмертья,
Летит в сраженье на восходе дня?..

Три круга стен мы видим пред собою
И ариев, всегда готовых к бою!!!

* * *

Я.К. Мы готовы к судьбе каждый час,
 Мы одни, нас не может быть много.
 Бог устроил охоту на нас,
 Мы коней повернули на Бога.
 Почему всё прощая лжецам,
 С благородных сдираешь ты кожу?
 И успех в жизни им, а не нам?
 Выходи и ответствуй, о Боже!

Лязг и грохот от рыцарских лат.
Мы под градом комет невредимы.
Черен рай, разрушается ад.
Эти рыцари — непобедимы.
 Пусть я смертен, а Бог навсегда,
 И стрелять ему нас не в новинку,
 Но зачем ему вечность стыда,
 Проигравшему мне в поединке?

* * *

А.Т. Ветер, конь и звонкий меч —
 Вот арийские святыни...
 ...Голова слетала с плеч
 В прошлом, как слетает ныне...

 Голова, в которой ложь
 От прямого взгляда скрыта...
 Лжец, ты все равно умрешь!
 Доблость предков не забыта...

 Эта доблость нас ведет
 К громкой славе и победам,
 Что Россия обретет,
 Древний меч вручив поэтам...

 Ветер, конь и звонкий меч,
 Голова слетает с плеч!!!

* * *

Я.К.

Когда все чувствовали: скоро
Изменится покров земли,
Из северных степных просторов
Златые арии пришли.
И, повергая мир в смятенье,
И сея страх, огонь и дым,
Не ведали сопротивленья
Блестящим армиям своим.

Не любит дерзких смерть-старуха,
Но этот северный народ
Создал то состоянье духа,
Что в битве первенство даёт,
Когда-то найденное ими
То состояние души,
Что битвы делает святыми
И достижение вершит,

К Яриле вхожие в чертоги,
Они менять лицо земли
Своей приближенностью к богу,
Свою яростью могли.

И мир смотрел, глазам не веря,
И проступала пота соль,
Они перерождались в зверя,
Не ощущающего боль.

Потом берсеркы плыли в лодках,
Потом Перуновы сыны...
Быть благодарны за находку
Мы древним ариям должны.

Я помню телом это счастье,
В бою настигшее меня:
Душа вдруг наделялась властью
И всеми свойствами огня.

И нам, когда вскипает ярость,
Ложится в руки тот же меч,
Что из предвечного пожара
Сумели арии зажечь.

* * *

А.Т.

Алмазы сияют в небе,
Пятаются силы тьмы...
Южно-уральские степи
Благословляем мы...
Сбросив века забвения,
Древним стихом храним,
Нам подарили мгновение
Истины Аркаим...

Город — обсерватория,
К звездам привыкший глаз...
Мистика и история
Знаньем прошли сквозь нас...
Ариев племя славное,
Племя из млечных лет...
Мудрое, богоравное
Смотрит потомкам вслед...

Алмазы сияют в небе,
Тихая ночь светла...
Южно-уральские степи,
Русские купола!

* * *

Я.К.

Мой путь не важен по земле —
И только образ остаётся.
Не важно, как иду во мгле,
Как дышится и как поётся,

И все законы бытия,
И даже то, что змей бумажный,
И только мысль важна моя
И то, что выгляжу отважным.
И одиночество вершин
Встречает первый луч рассвета...
Колокола моей души
Зовут меня к немому свету.

И пусть забудется мой лик,
И пусть забудется мой голос,

Но крепче мыслей, выше книг
Не создавал никто престола.

Забвенье краткое моё
Предвечным сменится прозреньем,
И я познаю бытиё,
Что дарит только воскресенье.
И одиночество вершин
Встречает первый луч рассвета...
Колокола моей души
Зовут меня к живому свету.

* * *

Я.К.

Хранятся в памяти виденья
Родных, давно забытых сцен:
В них Аркаим — волхвов творенье —
Вздымал круги священных стен.

День солнца, будь благословен ты!
И степь возрадовалась вся,
И шла процессия до центра,
Дары великие неся.

И круг чертили колесницы
По деревянным мостовым,
Как колеса большого спицы,
Вздымался к небу серый дым.

Играли блики пряжек медных
В спокойных воинских рядах.
И я там шёл, и блеск победный
Лучился в голубых глазах.

Там гордо всадники скакали
Арийских избранных родов,
И колесницы измеряли
Страну великих городов.

Век золотой забылся скоро,
Нашлись друзья, нашлись враги,
Но от арийского простора
С тех пор расходятся круги.

* * *

А.Т.

Вихрем мчатся колесницы,
Остановит ли их враг?
Кровью пишутся страницы
Сотни лет, и только так!

Кровью пишутся победы
Без которых жизнь скучна..
Алой лентою рассветы
Отделяют явь от сна...

Мчатся бешеные кони,
Стрелы избранных разят...
Кровь дымится на ладони,
Кровь дымится, стынет взгляд...

* * *

Я.К.

История, ещё история
И вера ариев жива,
И в городе обсерватории
Звенят заветные слова,
Жива и преданность, и искренность,
И в землю пали семена,
Но нужно, чтобы наших истинных
Богов звучали имена.
Богини Ардви имя чистое,
Что так упруга и светла,
Прозрачная и серебристая,
Как юных девушек тела.
О Митра — бог предвечной честности
И верности своим друзьям,
За что заложник ты безвестности?
За то, что яростен и прям.
Ещё не все знаменья найдены,
Хранится мудрости состав,
Хаома вечный даст нам знание,
Священной сомой напитав.
Не вся земля победно пройдена,
И не иссякла сила в нас,
Вертранги, Вотана и Одина
Настанет светоносный час.

* * *

Я.К.

Страх, власть и деньги —
Ваши рычаги.
Здесь дети
Продаются за долги,
Мы жаждем для людей
Иных даров:
Идеи
Заменяют хлеб и кров.
Мы ценим храбрость,
Щедрость, ум и честь.
И эта радость
В нас с рожденья есть.
Другая вечность,
Небо и земля.
Вам просто нечем
Нами управлять.
Из вечного,
Того, что любит жизнь,
Вам нечего
Нам просто предложить.
Для нас бесцельна
Эта кутерьма,
Все ваши деньги —
Цепи для ума.
Другого знанья
Требует ладонь,
Других желаний
Теплится огонь,
В других стремлениях
Душа дрожит,
Миг наслажденья
Заслоняет жизнь.
Богослужением
В иных мирах
Вино сраженья
Заслоняет страх.
И нет прощенья
Вам за ту игру,
Вы — угощенье
На моем пиру.

И заклинанья,
И коварный яд —
Все ваши знанья
Вам лишь повредят.

Мы — арии,
Древнее всех племен.
Мы — арии,
Податели имен.

Мы — арии,
И нам не прекословь.
Мы — арии,
И в росах наша кровь.

Я независим
От любой игры,
Из разных истин
Разные миры.

И этот меч,
И эту плоть, и стать
Вам не увлечь,
Ничем не запугать.

Я, словно ветер,
Увлечен собой,
И нету смерти —
Только пир и бой.

Святая ярость
Выжигает страх,
Я встречу старость
На семи ветрах.

* * *

- А.Т. Три истины тебе укажут путь —
Поэзия, наука и отвага...
И ты без них не сделаешь ни шага,
Они пронзят однажды мозг и грудь...
- Трем истинам до смерти верен будь —
Слова и смыслы сохранит бумага...
Иди вперед, не бойся сна и мрака,
Тебя ничто не сможет обмануть...

Ты слишком хорошо вооружен,
В твоих глазах луч солнца отражен,
Исполнены достоинства движенья...

Ты — воин и ценитель красоты,
Не растеряй в пути свои мечты,
На свете нет другого утешенья!

* * *

- Я.К. За горизонтом много стран,
Но линия от нас уходит.
За ней уходит мальчуган,
Одет как раз не по погоде.
И ждут его сокровища ума
И девушки, смеющиеся страстно,
А может быть, и истина сама,
Она должна быть юна и прекрасна.
Та линия тебя манит.
Она и грезится, и снится.
Она касается ланит,
Смежая нежные ресницы.
Ученого преследует всегда
И вдохновляет юного поэта.
За горизонтом вспять бегут года —
То грань добра и зла, и тьмы, и света.
Ловить ее напрасный труд —
Проигрываешь изначально,
Но если вас хоть где-то ждут,
То линия вполне реальна.
Там в холода натопленная печь
И хлеб на деревянном темном блюдце.
Да, уходя, ее не пересечь,
А, возвращаясь, можно дотянуться.

* * *

- А.Т. Среди богатых декораций
Поэт — по-прежнему поэт,
Несущий миру тайный свет
Не ради славы и оваций...

Не ради вздохов юных граций
Он вновь берется за сонет,
Срываю покрывало лет,
Не требующих сатисфакций...

В поэзии бесценно слово,
Что узнаваемо и ново,
Оно тревожит чуткий слух...

Ему трагически подвластны,
И в тех трагедиях прекрасны,
Вселенский разум, вечный дух!

* * *

- Я.К.
- Постой над великой рекой
И снова в дорогу готовься.
Я вижу Россию такой,
Какой её не было вовсе.
Арийская верность и мощь
На этих просторах не смята,
Страна из берёзовых рощ
Умна, и щедра, и богата.
И замки белее снегов
Стоят на холмах вознесённых,
И серые кости врагов —
Подножие твёрдое трону.
Россия, не знавшая бед, —
Прямая наследница воинов,
Что всюду оставили след,
Пройдя континенты достойно.
От Индии до берегов,
Сокрытых за вечными льдами,
Что Родиной были богов
С пророческими именами.
Нас мало осталось, но мы
По крови — властители мира,
Гонители вечные тьмы,
Хранители звёзд эликсира.
Мы помним великий зарок,
Что арии провозгласили —
Под солнцем святое добро
Покоится только на силе.

ЭХО ЭЛЛАДЫ

* * *

А.Т.

Вы слышите — эхо Эллады
Доносится из далека...
Ждут Боги назначеннай платы,
А плата Богам велика...

Вы слышите мудрые речи,
Волны набегающей плеск...
Готовьтесь к обещанной встрече,
Смотрите, Вы видите блеск?

То блеск вдохновенной культуры,
Восторженных чащ и мечей...
Величия архитектуры
И звезд темно синих ночей...

О Греция, тайны и мифы,
Свобода и рабство во всем...
Коней обезумевших гривы,
Ладонь с Олимпийским огнем...

Вы слышите — эхо Эллады
И грома раскаты!

* * *

Я.К.

Чудный мерцающий лес,
Полный незримых чудес,
Тени дриад и сатиров.
До появленья вещей
Это родилось в душе
До сотворения мира.

Словно прекрасные сны,
В свежем дыханье весны
Кружатся легкие пары.
И в подтверждение снов
Из-за древесных стволов
Вздохи могучих кентавров.

Что это — страх или смех?
Что родилось раньше всех,
Словно в листве дуновенье?

Кругом идет голова,
Не воплотятся в слова
Трепетные ощущенья.

Что это — детства игра,
Посланная из вчера,
Или напутствие предков?
Или предвестник иных
Новых открытий земных
В душах, лучах или ветках?

* * *

А.Т.

Спелая гроздь винограда,
Жаркое солнце Афин...
Снова мне снится Эллада —
Край вдохновенья и вин...

Край состязаний и споров,
Странствий и тайных надежд...
Незабываемых взоров,
Легких как ветер одежд...

Песни Гомер там слагает,
Боги рождают Богов...
Парус мечта напрягает,
Храбрость карает врагов...

Спелую гроздь винограда
Дарит Эллада...

* * *

Я.К.

Есть где-то чудный сад любви,
Там, как запретные улады,
Встают аркады из листвы
И из деревьев колоннады.

В саду том царство полуснов,
И утомляют лаской взоры
Изящных листьев и цветов
Неповторимые узоры.

Там слились юные тела
Существ, что избежали слова,

Там нежность лилии бела
И вечность ирисов лилова.

Там царствует, величью чужд,
Проказник, плакальщик, гадальщик,
Амур — и юноша, и муж,
И вечный шаловливый мальчик.

Невидимы его следы,
Но, вся от страха цепенея,
В его волшебные сады
Стремилась юная Психея.

Мечты сбылись — ее на «ты»
Назвал он, став ее супругом,
И распустились все цветы,
Когда они нашли друг друга.

Но умолял сын божества,
Кто он — не спрашивать у листьев,
Нельзя любовь облечь в слова,
Остановить или осмыслить.

Ах, как же хочется узнать,
Чтоб имя повторять, как счастье,
Как этот образ называть,
Что стал над нежным сердцем властен!

Она спросила — и в ответ
Исчез, как облако тумана,
Тот, кто ей нужен был, как свет,
А стал отныне вечной раной,

И вот теперь узнали вы
То, что повторено другими:
Не спрашивайте у любви
Ее загадочное имя.

* * *

Я.К.

Есть страна за облаками,
За горами и за морем
Тот, кто с чистыми глазами
В той стране не знает горя.

Припев:

Прославляют это царство
Золотого винограда,
Несравненное лекарство
И забвенье, и отраду
Македонец грубоватый
И богатый коринфянин,
И спартанец туповатый,
И болтливый афинянин.

Там играют и смеются
Рядом смертные и боги.
Друг о друга кубки бьются
И сдаются недотроги.
В царстве Бахуса и Пана,
Диониса и Селена
Громче звуки, ярче страны
И белей морская пена.

Припев:

У горбатого, хромого
Сразу вырастают крылья,
Льется песня у немого,
Как из рога изобилья.
Там забвенье от могилы
Дали боги всеблагие,
И сверкают как бериллы
Виноградины тугие.

Припев:

* * *

А.Т. Фермопилы — вот место неравного боя
Тех трехсот, чей девиз не забыт до сих пор...
Тех трехсот, заслонивших Элладу собою,
Обессмертивших имя свое среди гор...

Меч, копье и натянутый лук...
Прочь позорные мысли о плене!
Становились спартанцы в развернутый круг,
Если падали, не на колени...

Эти камни от пролитой крови темны,
Это небо от крови багрово...
Греки памяти павших героев верны
И верно их свободное слово...

Фермопилы — вот место не равного боя
Тех трехсот, заслонивших Элладу собою!

* * *

Я.К. На склоне дня, уставший от работы,
Во сне мгновений — капель дождевых —
Благословляю повседневные заботы,
Что нас хранят от мыслей роковых!

Лучом зардевшимся портал колонн украшен,
Афины лик не омрачен ничем,
Из стройной амфоры вино струится в чашу...
Как сладок миг общения со всем!

Вот женщина склонилась на колени,
Играют дети, давят виноград,
Вот наша жизнь — и только размышления
Крадут плоды естественных услад

Мысль о конечности существованья,
О краткости усилий на земле...
Как страшен миг такого осознанья,
Как душит надвигающийся тлен!

Тот жил разгульно, этот — слишком строго,
Тот властвовал, а в старости забыт...
Какой бы в жизни ни пошел дорогой,
Раскаянье в конце тебя спалит.

Кто закопал талант, кто продал душу,
Кто славен был, но не имел детей,
Кто, испугавшись, сам любовь разрушил,
Кто разочаровался в доброте.

Лучом зардевшимся портал колонн украшен,
Афины лик не омрачен ничем,
Из стройной амфоры вино струится в чашу...
Как сладок миг общения со всем!

На склоне дня, уставший от работы,
Во сне мгновений — капель дождевых —
Благословляю повседневные заботы,
Что нас хранят от мыслей роковых!

* * *

А.Т.

Я иду по тропе мирозданья
Со спартанским плащом на руке...
Сочиняя стихи и преданья,
Оставляя следы на песке...

Меч короткий на солнце сверкает,
В нем элитная память веков...
Мне она побеждать помогает
Самых сильных и злобных врагов...

Я иду по тропе мирозданья,
Сочиняя стихи и преданья...

* * *

Я.К.

Славен и счастлив, живущий под небом великой Эллады!
Если сметлив, то получит он статных рабынь и богатство,
Если силён он и храбр, то получит почёт и награды.
Славен, пока не попал он, закованный, в вечное рабство!

Сам для себя ты живой, а для всех почитаешься мёртвым,
Дорог себе ты, для всех же дешевле слепого барана,
Жизнь твоя легче на вес жалкой лепты, меняю стёртой,
И не заплачет никто над твоей кровоточащей раной,

Раб — это вещь, потерявшая силу над всякою вещью.
Но и свободный, как раб, у богов воле высшей внимает.
Боги — рабы у желаний своих — неотступных, зловещих,
Старые мойры для всех жребий их роковой вынимают.

Рок не имеет желаний, бездушен — ни плоти, ни счастья,
И как слепому — восход, как оглохшему — лира, ему
ничего здесь не нужно.

Так для чего же и кто наделил его полною властью?
Только затем, чтобы правили преданность, вера и дружба.

Нет, кроме смертных оков, благородному эллину плена,
Сам для себя ты решай — быть хозяином иль попрошайкой.
Разум и мысли твои — вот достойная сущему мена.
Часто бывает и так, что рабу достаётся хозяйка.

* * *

А.Т.

Сpartанцы, вперед!
Не видеть врагу нашей крови...
Пусть память живет
О мужестве в камне и слове...

Сpartанцы, вперед!
Мы славная песня Эллады...
Нас вечность зовет,
Плеснув нам на плечи закаты...

Веди, Леонид,
Железную горстку героев...
Ты будешь убит
И ляжешь, свой гнев успокоив...

Под тучами стрел
К Богам мы отправимся следом..
Чтоб лжец не посмел
Тягаться с грядущим поэтом...

Сpartанцы, вперед!
Не видеть врагу нашей крови...
Пусть память живет
О мужестве в камне и слове,
Сpartанцы, вперед!!!

* * *

Я.К.

Прекрасна жизнь философа в Элладе,
Как в полдень моря блещущего гладь:
Жить и не помышляя о награде
И с кроткою улыбкой умирать.

В обнимку с кубком в тишине беспечной
В тенистый сад спустившись на закате,
Следить, как возникает пояс млечный
И жизнь струится к вечности в объятья.

И с добрыми друзьями как прекрасно
Сидеть, забыв о череде веков,
И рассуждать о том, что неподвластно
Ни суете людей, ни промыслу богов.

* * *

А.Т.

Почему мы играем Спарту,
Завернувшись в спартанский цвет?
Потому что верны азарту
И другого примера нет.

Почему на краю могилы
За стихи мы вступаем в бой?
Потому что не равны силы
И нельзя дорожить собой.

Потому что в последнем шаге
Наша правда и наша кровь,
Проступившая на бумаге,
В виде строк, победивших вновь.

Потому что за нами право
Улыбаться врагам на зло,
Вызывающе и кроваво,
Как бы не было тяжело.

Мы сегодня сменили лиру
На короткий спартанский меч,
Чтоб вернуть благородство миру
Или в землю красиво лечь.

Красота — это плащ поэта,
Им больная душа согрета!

* * *

Я.К.

Бывают чувства в тишине,
Ни с чем не связаны как будто,
Они тревожат, жгут оне,
Приносят странные минуты.
И бесполезно вопрошать,
К чему же сердца замиранье.
Томится сумрачно душа,
В груди стесняется дыханье.
Для осмысленья их систем
И знаний оказалось мало,
Их в мире образов ни с чем
Сознанье наше не связало.
Но где-то в суете людей,
Рождая их, воюют страны,
Рождает их и смерть друзей,
И пробуждение вулкана.
И если б поняли, к чему
Сжимает грудь иное чувство,
Доступней стали бы уму
Страданья в жизни и в искусстве
Но забываются они,
Себе не видя подтвержденья,
И продлевает наши дни
Неведенье и заблужденье.

* * *

А.Т.

Икара восславим,
Что к солнцу стремился,
Опасность презрев...
...И плечи расправим,
Икар не разбился,
Красиво сгорев...

Бесстрашным величьем
Служители муз
Восторгались не раз —
Умением птичьим...
Летели из уст
Их стихи на Парнас...

В наш век не осталось
Ни дерзких икаров,
Ни магов пера...
Как крылья распалась
Во власти пожаров
Их тайна, пора!

Восславить Икара,
Что солнца достиг
И коснулся его...
Небесная кара
Оставила крик,
А мечта высоко...

Восславим Икара! Восславим Икара!
Восславим Икара!

* * *

Я.К. Эллада — пир богов под рокот моря,
Под пенье сладковзвучное Пегаса,
Пристроились они на косогоре
Неважно уж — Олимпа иль Парнasa.

С полубогами боги пировали
На облаках нежнейших полусидя,
А три прекрасных мойры танцевали
Сиртаки в полуобнаженном виде.

Красавец Пан с весталкой целовался
В отместку тощей девственной Киприде,
А песик Кербер за хвостом гонялся
Под хохот добродушного Аида.

Козлы сыграли радостную пьесу,
И забавлялся злой самаритянин:
Обманывал он простака Гермеса,
Играя с ним краплеными костями.

«Восславим, боги, альтруизм Нарцисса, —
Сказала простодушная Цирцея, —
Все яблоки забрал он у Париса,
Оставил без компота злого Гея».

По яблоку Париса получили
Две грации — Медуза и Геката.

Допив нектар, уже вино все лили,
Но и оно закончилось к закату.

А без вина-то и богам несладко,
И стали все судиться и рядиться,
Кого послать в торговую палатку,
Чтоб всем богам до чертиков напиться.

У Зевсова осла большая сила.
«Слетай», — ему кричат, а он ни с места.
И жертвенная Гера предложила:
«Отправим быстроногого Гефеста».

А он как спьяну костили откинет —
И взял, как говорится, руки в ноги...
И ждут его там боги и доныне,
И потому бессмертны ныне боги.

О зритель! Строго не суди поэта:
В общении с богами нужен опыт.
И снисходительно взгляни на это
Глазами прозорливого Циклопа

* * *

А.Т. Посейдон растревожил море,
 Волны, пенясь, грозят бедой...
 Аргонавты с Судьбою споря,
 Не спешат расстаться с мечтой...

Им руно золотое снится,
Ослепителен этот сон...
Вот корабль обгоняет птица,
Ей доверил мечту Ясон...

Слишком поздно столкнулись скалы,
Боги к храбрым благоволят...
Даже если зарницы алы,
Новый день различает взгляд...

В новом дне берега Колхиды
И Медеи бесценный дар...
Хитроумный Эет, обиды,
Затаенных желаний жар...

В новом дне красота победы,
О которой поют поэты...

* * *

Я.К. О несравненное, дивное небо Эллады!
Что же осталось навеки в тускнеющем взоре?
Земли раскинулись благоухающим садом,
После скитаний увидели эллины море.

Легкий Эол в море выстроил храмы волнами,
Мечет на берег морской хризолита колонны,
Их пронизал Аполлон золотыми струнами,
Эхом по берегу медленный шаг Посейдона.

Солнцем облита твоя незабвенная память,
Словно усилия гребцов на летучей триреме,
Наше сознанье твоими полно голосами,
Шаг Посейдона твои отмеряет поэмы.

О несравненное, дивное небо Эллады!
Смежит философ к утру воспаленные веки.
После раздумий прозренье познал он в награду:
Боги в желаньях и скорбях равны человеку.

Поняли эллины перед природою равны
В сонме иллюзий на этом мерцающем свете
Кружатся в танце дриады, наяды и фавны —
Души деревьев и трав — богоравные дети.

О несравненное, дивное небо Эллады!

* * *

А.Т. Я славлю гордую Элладу,
Ее неукротимый дух...
Девиз спартанца ловит слух,
В бою нашедшего усладу...

Я славлю гордую Элладу,
Словоохотливость Афин...
И состязания мужчин,
Вдохнувших жизнь в Олимпиаду...

Я славлю силу и движенье,
Талант Гомера, красоту...
Икара дерзкую мечту,
Горгоны злое отраженье...

Я славлю миф о Прометее
И Галатее...

* * *

Я.К. Закончилась Эллады вечной драма,
Но мысли не меняется природа,
И спорим мы всегда о тех же самых
Понятиях, возвреньях и подходах.

Но в мире всё понять не в нашей власти,
И истины правдивы лишь отчасти.

О греки, греки — колыбель сознанья,
Впервые извлечённая порода!
Вы корни наших изначальных знаний
И истины в общении с природой.

Страшна за убеждения расплата,
Когда-то да поставят вне закона
И доброту беспечного Сократа,
И даже идеальный мир Платона.

Как много мы прекрасного забыли,
Сократа толпы черни покарали,
И стоиков, что логикой открыли
Добра необходимость и морали.

Пророчила безумная Кассандра:
Прекрасные учения забыты
Анаксимена и Анаксимандра,
Сенеки, Эпикура, Демокрита.

О греки, греки — колыбель сознанья
И лживого понятия свободы!
Сбываются все ваши предсказанья,
И гибнут от безумия народы.

Жаль, в мире всё понять не в нашей власти
И истины правдивы лишь отчасти.

Не сосчитать безумные потери,
Но сладостна для ищущего духа
Та мысль о восхождении материи
К высотам пламенеющего духа.

ДРЕВНИЙ РИМ

* * *

А.Т.

Римская монета
На груди, как тайна...
Найденная где-то,
Может быть случайно...

Что за тайна это?
Не поймать на слове...
Слишком мало света,
Слишком много крови...

* * *

А.Т.

Сегодня их пришло на много больше,
Я против друга выхожу с мечом...
Нам нужно умирать как можно дольше,
Пока один не станет палачом...

Судьба у гладиаторов такая,
Что и с мечом в руках свободы нет...
Дымится кровь, по лезвию стекая,
Темнеет на песке кровавый след...

Рим жаждет зрелица, и Рим его получит!
Однажды цепи разорвут рабы...
Они всех римлян к ужасам приучат,
Патрициям раскраивая лбы...

Сегодня их пришло на много больше,
Мы на арене начинаем бой...
Нам нужно умирать как можно дольше,
Играть перед бездушною толпой...

Я буду умирать как можно дольше
И ради брата жертвовать собой...

* * *

Я.К.

Вот древних римских бань отрада,
Незыблемых во тьме времён,
Неуловимая прохлада
Прозрачных мраморных колонн.

И наслажденье, как работа,
Туман, клубящийся в глазах,

И выступают капли пота
На сильных бронзовых телах.

Болтает молодой патриций,
Что новый цезарь — душегуб.
Тягучее вино струится
В воронку алых нежных губ.

Всё, что за стенами, — неважно,
Забылось до иного дня.
И испаренье жарко, влажно,
И увлажнилась простыня.

Важна жара, вино и жажды.
И кубок золотой вспотел.
В нём винограда отблеск бражный,
Хранящий свет небесных тел.

Рабыни юные стройны,
Неторопливы их движенья,
И в бане наготовой равны
С патрициями в наслажденье.

Все взгляды томно — безразличны,
В их распоряжении — века,
И по сравнению с их величьем
Жизнь человека коротка.

* * *

А.Т.

Цезарь ведет легионы,
Мир покоряет он!
Слышатся рабские стоны,
Римский царит закон!

Цезарь — избранник славы,
Консул — один из двух!
Жаждет, ради забавы,
Трона, все слаще слух!

Цезарь, лишенный свиты,
Как и своих побед...
В сенате лежит — убитый,
Цезаря больше нет!

Величье слепит порою,
Но гибель к лицу герою!

* * *

Я.К.

Шлем раскаленный на висках,
Не зная отдыха, от порта
Идет в железе по пескам,
Ступает римская когорта.

И плавится вокруг песок
От огнедышащего жара,
И солнца шлем горит, высок,
И пышет пламенем Сахара.

Покрытый шрамами от ран,
Как в бой когда-то шли спартанцы,
Идет спокойный ветеран,
Убивший перса и германца.

Не чувствуя иссохших вен
И злобу солнца презирая,
Они идут на Карфаген —
Пристанище земного рая.

Богиня ужаса сама
От их презренья разозлилась:
Песок поднялся, пала тьма
И в вихре воины заблудились.

Но одолев пустыни злость
И слыша звучные приказы,
Они прошли ее нас kvозь
И с лязгом лат вошли в оазис.

И там в объятьях черных жен
Для них остановилось время.
И древний сохранив закон,
Могучее родилось племя.

* * *

А.Т.

Любовь заставила тебя
Мечом показывать на Рим...
Однако воины, скорбя,
В конце концов остались с ним.

Не в силах помешать врагу
Ты на предательство смотрел...
И смерть хотелось на скаку
Принять от выпущенных стрел.

У Клеопатры на руках
Ты ждал последнего суда...
Вручив Александрии крах,
Ловя возлюбленной уста!

* * *

Я.К.

Меня суровый рок минует,
Меч пронеся над головой,
И смерть патрициев приму я
В преддверье славы мировой.

Пройду, сражаясь и пируя,
Грядущих рыцарей король,
Прославлю новую игру я
И новую для мира роль.

В благоуханной теплой ванне
Кровь хлынет ручейками вен,
И нет златых ворот желанней
Оставить жизни сладкий плen.

Пылает солнца свет пока мне,
Но вижу в сонной тишине:
Напишут на гранитном камне,
На век поставленном на мне:

«Жил, наслаждаясь и играя,
Великой силою храним,
И умер он, сонет слагая,
Как кровью истекая им».

* * *

А.Т.

Надменный римлянин безжалостен к рабам,
Ведь над рабами господин имеет власть...
Он бьет с усмешкою рабыню по губам,
Чтоб заглушить, в груди проснувшуюся, страсть...

Рабыня юная отводит влажный взгляд,
Она послушна в недоступности своей...
Не потому ли губы жалят словно яд,
И этот яд любой надменности сильней...

Несчастный римлянин трагически влюблен,
Ему помочь никто не в силах, только меч...

И вот уж кровью плащ страдальца обагрен,
И тело верные рабы готовы сжечь...

Надменный римлянин наказан и сожжен,
Не досчитается солдата легион!

* * *

А.Т.

Орды варваров весело
Опрокинули Рим...
Все, чем прошлое грезило
Опрокинулось с ним...

Легионы империи
Отреклись от орлов...
Больше нет кавалерии,
Нет надменных послов...

Тех, что римские правила
Диктовали врагу...
Их история славила,
Но осталась в долгну...

Перед городом мира,
В час кровавого пира!

* * *

А.Т.

Античные ветра
Нам выжигали лица.
Не ладилась игра,
И римская волчица
Ночами на луну
С тоскою смертной выла,
Тревожа тишину,
Вчера все это было!

А ныне страх и пыль,
Разграблен Вечный город,
И это тоже быль,
Рождает храбрость голод!

Чужие племена
Завоевали право
На наши имена
Серьезно и кроваво —

Античные ветра, Античные ветра

РЫЦАРИ

*Посвящается Андрею Тремасову
и Виталию Данилову*

* * *

Я.К.

Лишь только глаза закроются
Иль их подниму к небесам,
Я длинный меч крестоносца
Несу на плече по пескам.

И снова толпа сарацинов,
Как стая голодных собак,
Обложит вепря пустыни —
Магистра безжалостных драк.

И снова вырвусь из круга,
В их ребра врубаясь вновь,
И лягут они друг на друга,
И с кровью смешается кровь.

В живых никого не оставив,
Я снова уйду один,
Юным внушая зависть,
Своей души господин.

Пустыни божественный голос...
Луна из-за звездных чащ
Осветит песчаник голый
И мой белоснежный плащ.

Как будто по тени звездной,
За мной идет надо мной,
Луны утирая слезы,
Христос в тишине ночной.

И видя трепет эфира,
Я не по рассказам, а сам
Земли спасителя мира
Запомню на век чудеса.

* * *

Я.К.

В любом сраженье встретите его:
Где кровью истекает бой жестокий,
Не замечая словно ничего,
Спокойно скачет всадник одинокий.

Жара кругом иль белые снега,
Коня он в гущу боя направляет,
Но не поднимет руку на врага,
Оружие свое не вынимает.

Вокруг друг друга воины разят,
К нему приступят, яростью томимы,
Но глянут в его серые глаза —
И скачут, не оглядываясь, мимо.

Вот на людей окончилась охота,
И опускается на землю ночь..
Он мрачно ходит, словно ищет что-то,
И, трупы оглядев, уходит прочь.

Рыцарь красоты

Я.К.

Как просто верить в господа Христа,
За всех нас выбор сделавшего честно:
И доброта доступна и проста,
И будущее ясно и известно.

Как чисто нищим путником босым
Учить добру, на зло не отвечая,
Любить за муки, глядя на кресты,
И веровать в святую вечность рая.

Но Боже, что за нищенский итог,
Когда за годы странствий и мучений
Тебя всесильный и премудрый Бог
Низвергнет в бесконечность наслаждений!

А на земле еще печальней след
За выстраданное непротивленье:
Пожнет кровавые плоды побед
Тупица, недостойный откровенья.

Как трудно делать выбор каждый раз,
Ответственность его беря на плечи,
И знать, что не вернешь решенья час —
Раскаянье ошибку не излечит.

Как грязно, убивая подлецов,
Быть выпачканным липкой вонью крови!
Ханжи с упреком вечным наготове
В жестокости перед толпой глупцов.

И знать итог судьбы — она сама,
Жить миг, и не надеяться на вечность,
Любить за глупость жизнь, за блеск ума,
И за расчетливость, и за беспечность.

Согласен, я согласен продолжать
Теснить врагов гармонии и света,
Без злобы, ненависти и запрета
С жестокостью уничтожать.

Что ж — выбор сделан: рыцарь одинок,
Хотя привык в строю с друзьями драться.
Я весел, беспощаден и жесток,
И все же вечно буду сомневаться.

И если так короче будет путь
До красоты, гармонии и света,
Я сброшу злато лат, подставлю грудь —
И странником босым пойду по свету.

* * *

Я.К. Сегодня ты, а завтра я, но ты — сегодня!
Прости, прости, я не могу так долго ждать.
Навечно смерть меня записывает в сводни
За нетерпенье и уменье побеждать.

Сегодня ты, а завтра я — не в этом дело:
И к ратнику приходит смерть, и к королю.
Но ты сражался просто крайне неумело,
А я умею это делать и люблю!

От тренажера пропитан я кровавым потом.
Я убиваю — драться просто не с руки,

И выполняю я любимую работу,
Ломая шеи, вырывая кадыки!

Ты получил, мой друг, плохое воспитанье,
Ты незнакомым так настойчиво грубишь.
Удары сыплются, плывет твое сознанье,
Один бросок — вот видишь, ты уже летишь!

Смотри — я вскользь твои удары пропускаю,
Один рывок — и ты напился допьяна!
Я хорошо тебя, дружище, воспитаю,
Вот только мертвому наука не нужна.

* * *

- Я.К. Я человек, предпочитающий иллюзии
Реальной грязи, смраду и разврату.
Гоню коня по пыльной Андалузии,
Любуюсь морем с палубы фрегата.
- И не пугаюсь я реальных выстрелов:
В грязи, в песках — и в льдинах Антарктиды
Я выживу, я вынесу, я выстою,
Любуюсь на сады Семирамиды.
- И мне не надо большего и меньшего,
И мне не надо лучшей половины.
И, может быть, за это любят женщины
И слушаются рыцаря мужчины.

Баллада

- Я.К. Среди любви, среди забав
Владыкою земель
Жил храбрый рыцарь, знатный граф,
Колдун и менестрель.
- Познал он мудрость всех веков,
Постиг он тайны ада,
Он знал, как вызывать любовь
И как готовить яды.
- Был замок его прочнее скал,
Цвела его земля,

И зависть рыцарь вызывал
У жадного короля.

О замке графа слухи ползли,
Что темными ночами
Там пламя взвивалось из земли
И демоны кричали.

И часто прохожий пилигрим —
Лист, ветром занесенный, —
У замка блуждая путем ночных,
Сквозь стены слышал стоны.

Смеялся над слухами рыцарь сам
И женщины в народе.

Он был любовник знатных дам
И девушек безродных.

Ласкать, сжимать, любить без сна
Имел он Божий дар,
Умел быть нежным, как волна,
И страстным, как пожар.

В объятьях бились, как в огне,
И девушка нагая
Кричала в сонной тишине,
От страсти изнывая,

Но вот явилась дева одна —
Глаза, как сладостный сон,
Как лук, гибка и нежна, как луна, —
И рыцарь был покорен.

Она сочетала в себе весь мир:
И тайну бутона розы,
(Был голос ее, как струны лир,
Алмазными были слезы),

Веселость мальчика, ум мудреца
И ангела красоту,
Она могла сквозь года прорицать,
Стрелу ловить на лету.

Ни в битве и ни в чарах его
Никто победить не мог,
Но отнял король у него любовь
И в сердце вонзил клинок.

И чтобы ее от пыток спасти,
Горящий скрывая взор,
Поклявшись королю отомстить,
Колдун взошел на костер.

И жалкий придворный, смеясь, смотрел,
Как, скованный цепями,
В мученьях колдун на костре горел
И догорало пламя.

Но все, кто окружали трон,
От страха окаменели,
Они услыхали гитары звон
И песню менестреля.

Взглянули в костер — и страх, как боль:
Под пеплом похоронен,
Стоит обугленный король
В оплавленной короне.

* * *

Я.К.

Следя за карточной игрой
Страданья и везенья,
Как проклинаем мы порой
Слепые заблужденья!

Но зная вечный смерти пир
И случая гримасы,
Реально видя этот мир,
Не проживешь и часа.

Чтоб не замкнули жизни круг
Ужасные виденья,
Ты выбирай себе, мой друг,
По вкусу заблужденье.

Пусть будет радостным оно,
Пусть будет благородным,
И воду превратит в вино,
И сделает свободным.

А если сделаешься ты
Расчетливо-богатым,

То будешь, позабыв цветы,
Рабом на куче злата.

Как миннезингера копье,
Как лютня у трувера,
Пусть заблуждение твое
Поддерживает вера.

И станут праздничным дворцом
Прекрасные виденья,
Но знай: тебя в конце концов
Погубят заблужденья!

Альба

Г.Д.

Я.К. Утро, солнечное утро...
Гнется ветром легкий стебель...
Все, что ночью было смутно, —
В яркой свежести на небе.

Не спеши, мой друг, проснуться
В ливне золотого света.
Души радостные вьются,
Солнцем праздничным согреты.

Утро, солнечное утро,
Гнется ветром легкий стебель.
Замка силует причудлив
На весеннем ясном небе.

Как приятно окунуться
Душам в водопад сиянья!
Пусть слова мои вольются
Через сон в твое дыханье.

Золотятся солнцем скалы,
Гладки стройных замков плиты,
Стены каменных провалов
Шелком вереска укрыты.

Пусть душа, что светом дышит,
Для любви накопит силы.
Ты во сне меня услышишь
И полюбишь, ангел милый...

* * *

Г.Д.

Я.К.

Просыпайся, просыпайся!
 У дверей стою твоих.
 Звуки, словно поцелуй, —
 Лишь для той, кого люблю я,
 Для тебя и ночь, и стих.

Просыпайся, просыпайся!
 Звук крадется по лицу.
 Сквозь ресницы улыбайся
 Серенаде и певцу.

Просыпайся, просыпайся!
 Под гитары тихий звон
 В шелк шуршащий одевайся,
 Выди, выди на балкон.

Просыпайся, просыпайся!
 Звуки стонут, тиши губя...
 Это сладостное пенье,
 Это жаркое волненье
 Пусть разбудит лишь тебя.

Ростовщик

Я.К.

Я богаче короля — и что ж?
 Ни за что гоним, презрен, страдаю.
 Ненавидят, гонят, словно вошь,
 И того гляди еще раздавят.

Грубый рыцарь дал пинка под зад —
 Ничего, зачтется негодяю, —
 Все продам — именье, дом и сад:
 Пусть поползает, поумоляет!

Все по краю пропасти идут,
 Золота не зная превосходства,
 Верят в басни, верят в ерунду,
 В честь, отвагу, верность, благородство!

Ничего — пройдут еще века, —
 Все полюбят, все меня признают,

А пока век чести, а пока —
Ненавидят, бьют, не уважают
Честного! Ростовщика!

Жестокость

Я.К. Как утихают жадности раздоры,
 Как ярче загораются светила,
 Когда подъемлет общество уздою
 Жестокости живительная сила!

Жестокость проповедует героев,
Глаза ее становятся твоими,
Когда мечом и логикой присвоит
Она священной праведности имя.

И жадность ненасытная трепещет,
И глупость больше нагло не кичится,
И трусость пылкою отвагой блещет,
Безвыходности взнуздана десницей.

И ростовщик в поту, лишенный власти,
И демагог, его прислужник, бледен,
И деньги не приносят больше счастья,
И только смерть притягивают деньги.

У силы предпочтенье к благородству,
У жадности — лишь подлость и коварство.
Когда растет предательства уродство,
Жестокости рождается лекарство.

Романтика крестов во имя власти,
Романтика костров во имя Бога
Рождает необузданные страсти,
Величие выковывая строго.

Как чернь всегда пролитой крови рада!
Собравшись на трусливое застолье,
Как шепчется испуганное стадо:
„Вчера соседа ночью закололи...“

Как бьется сердце, чувствуя желанья:
Таинственно, опасно, интересно!
Кого настигнет поутру страданье?
И жить желанно, празднично, не пресно.

Настанет день, пройдет совсем немного —
И лицемерные падут обличья,
И снова вы поклонитесь, как Богу,
Жестокости на службе у величья.

* * *

Я.К.

Так много утекло песка,
Что, кажется, сменилась млечность,
А мысль, как луч, с тех пор узка,
Но достигает бесконечность.

Когда и где все было это —
Хранит молчания обет.
В неизреченный час рассвета
Горел, пылал великий свет.

Забылось то, что было свято,
Огонь все призрачней мерцал,
И, тьмою зависти объятый,
Он постепенно угасал.

И собралось могучих воинов
С тех пор священное число,
Суровых рыцарей достойных,
Не знавших страх, презревших зло.

Я не скажу, где было это:
Храня призвание к мечу,
От этого святого света
Взял каждый рыцарь по лучу.

С тех пор обязан посвященный
Для брата нового сберечь —
Поэт придет или ученый —
Луч — тьмою выкованный меч.

* * *

Я.К.

Он возвратится в отчий дом,
В края пустых полей.
Откуда эта сила в нем? —
От древних королей.

Он пьет парное молоко,
Смеясь, глядит во тьму.
Придет малыш, и все легко
Покажется ему.

И каждый встретить будет рад
Творителя чудес.
Откуда этот светлый взгляд? —
От ангелов с небес.

Он знает мир, каков он есть —
Родной ему всему.
За возвращенье слова “честь”
Поклонимся ему.

Он возвратится в отчий дом,
В краях пустых полей.
Откуда эта сила в нем? —
От древних королей.

* * *

Я.К.

Кто это путник, идущий по дикой равнине?
Взгляд его знает свободу, и силу, и счастье,
А капюшон серый странник на плечи откинул,
Ветру подставив лицо без тревоги и страсти.

Тонким узором кинжал драгоценный украшен,
На сапогах пыль дорог и медвяные росы,
Бьется у пояса кубком серебряным чаша,
В сильной руке его — сталью окованный посох.

Кто это — ратник, кочующий в поисках службы?
Может быть, лекарь, спешащий к постели больного?
Иль это рыцарь, что ищет любви или дружбы,
Или учитель, несущий бесценное слово?

Может, мечтатель — им всем не сидится на месте, —
Может, поэт, прорицающий властью чудесной,
Или гонец, что приходит с нежданною вестью,
Или певец, распевающий древние песни?

В пряжке плаща его встретились солнце и месяц,
Это кочующей правды великий наместник,
Это защитник и сеятель дружбы и чести,
Врач, и учитель, мечтатель, и ратник, и вестник.

* * *

Я.К. Полные сладостной, чувственной лени,
Струнные звуки слетали с мансарды.
Как на молитву склонивши колени,
Слушали скрипку усталые барды.

Девушка стройную скрипку держала,
Губы шептали, а звуки летели...
Словно осколки звенящего жала,
Падали звенья литых ожерелей.

Бардов-кочевников темные лица
Были недвижными в свечном мерцанье.
Только глаза голубые молиться
Стали воздушной, изнеженной тайне.

Раз за столетье они собирались
В старой мансарде у девушки Элли,
Чтобы звучала откуда-то радость
В песнях из ужаса, тьмы и метели.

* * *

Я.К. На Рейне или на Урале
В дрожащем голубом дыму
Холмы угрюмые лежали
И слушали оврагов тьму.

Их покрывают чешуюю
Доспехи серые камней.
Они изломанной грядою
Хранят пещеры робких фей.

Меж ними пыль смертей осела,
Меж ними травы проросли.
Они и нежно, и несмело
Плетут покров глухой земли.

Там на одной вершине острой,
Склонившись мрачно над холмом,
Стоит, причудливый, как остов,
Огромный дуб, объятый сном.

Его не гнет лобзаньем ветер,
Он будто камни впил в себя.
Однажды воду он заметил
И вдруг окаменел, любя.

Под ним, алмазами играя,
Взметает лепестки вода.
Она свежа и опьяняет.
О Боже, я хочу туда!

* * *

Я.К. Я вижу мир, я ухожу в него.
Я вижу ясно, как дано поэту.
Я выбрал путь, мне нужно только это:
Мой светлый мир — и больше ничего.

В нем замки высятся, стройны, как сны,
В просторных комнатах стоят библиотеки,
И вечно в полусомкнутые веки
Стучится солнце детское весны.

Мой мир — мир мудрых и простых людей,
Искусных мастеров, вещей прекрасных
Волшебной музыки, поэтов страстных,
Мир храбрых рыцарей и добрых королей.

В нем каждый — мастер, воин и поэт,
Создатель красоты, ее хранитель,
Ее поклонник, вечный победитель,
В нем все защищены, в нем злобы нет.

Мир хрупких женщин, стойких, как земля,
Нарядов, драгоценных украшений,
И нежных слов, и нежных отношений,
И той любви, что жизни дни продлят.

В нем красоты великой торжество.
Мир только счастья — буйного, хмельного!
Я выбрал — мне не надо остального.
Я не приемлю больше ничего.

Я вижу мир, я ухожу в него,
Я вижу ясно, как дано поэту.
Я выбрал путь, мне нужно только это:
Мой мир златой — и больше ничего.

* * *

Я.К.

Да, господа, всё это роскошь —
Писать стихи, дарить стихи,
Когда расчётиливая пошлость
Плодит убогих и глухих.

Любовь, и дружба, и отвага, —
Конечно, роскошь, господа,
Раз не дают ступить и шагу
Продажность, жадность и вражда.

Я славлю этот образ жизни:
Он для богов — он для меня,
Пусть соки солнечные брызнут
В бокалы красного вина!

Всегда готов к любви и драке,
И, несмотря на праздный труд, —
Бродяги, фаты, забияки —
Поэты в роскоши живут.

* * *

Я.К.

Миря проходят сквозь миры,
Порою их не замечая,
Пестры кочевников шатры,
Белы от парусов причалы.

Он рядом, здесь, в нём свой кумир,
Он может быть и добр, и злобен,
Но только погрузившись в мир,
Заметить ты его способен.

Тому, кто в путь ведом звездой,
Земли здесь нет, есть только дали.
Что может мореход седой
Сказать портовому меняле?

Как будто силой чьих-то рук
Иль чародея заклинаний,
Магический очерчен круг
Твоих желаний, мыслей, знаний.

В кромешной тьме горят костры,
Слепые бродят со свечами...
Миры проходят сквозь миры,
Порою их не замечая.

* * *

Я.К.

Он блещет золотом на латах,
Он блещет храбростью в бою,
Его бывалые солдаты
За три шеренги узнают.

Он страшные наносит раны —
И головы слетают с плеч,
Перерубает ятаганы
Его испанский древний меч.

Он вкусной снеди съел корзину.
Для сна имеет он кровать,
Ему обороняют спину
И позволяют убивать.

А я врастяжку, как убитый,
Спал на истоптанной земле.
И панцирь мой, в боях пробитый.
Не преградит пути стреле.

Пожрать не дали и напиться.
В лохмотьях рваные штаны.
И ох как надо мне крутиться.
Чтоб не достали до спины!

Но я врагов убью не меньше.
И я сейчас храбрее всех,
И ярость огненная плещет
Из всех зияющих прорех!

И я ворвусь на стену первым
В крови, как надо палачу,
И я судьбу — злодейку-стерву
За косу тощую схвачу!

И чашу золота добуду.
Одежду, латы и коня,
И отдадут мне город-чудо
На разграбленье на три дня.

И я добуду полонянку
Для упоительных утех.
Пусть не богачку, не дворянку,
Но самую красивую из всех!

* * *

Я.К.

На коне, покрытом сталью,
Весь до пят в стальной броне,
Пролистнув за далью дали,
Рыцарь едет в тишине.

Только лязг его доспехов,
А кругом сплошная тьма,
От его стального смеха
Даже черт сойдет с ума!

Мы брони сносили тонны,
Не один разбили трон,
Каждый стоит легиона
И зарезал легион!

Мы объехали полмира,
Пили разное вино
И растратили в трактирах
Королевство не одно!

Меч его всегда зазубрен:
Подходи любой смелей!
Перед боя звуком трубным
Нет рабов и королей.

Сколько стран один проехал —
Но всегда он одинок.
Искры падали с доспехов
И на землю, и в песок.

То длиннее, то короче
Золотая цепь на нем,
Но богатство так непрочно,
Да гори оно огнем!

Пусть доход его плачен,
Нет в карманах ничего,
У служанок всех харчевен
Есть детишки от него.

Пусть копье его сразило,
Иль устал он от пиров,
Рыцарь держит кружку пива —
Это значит — он здоров!

Это значит — он спокоен
И доволен он судьбой,
Это значит — славный воин
Вновь готов идти на бой!

От кровавой Палестины
И до финских берегов
Гнал припев его старинный
И преследовал врагов!

* * *

Я.К.

По велению магистра
И медлительно и быстро
Снова заполняют склоны
Черных рыцарей колонны
Потрясая неба свод.
В поход! В поход!

Рыцарь крови не жалеет.
Пусть трава вокруг алеет.
Если мы приходим в гости
То трещат хрящи да кости.
И не стоит разбираться
За кого пойдем мы драться.
Возражений не приемлю,
Главное очистить землю,
Что бы вспомнила господ.
В поход! В поход!

Этот рыцарь рылся в книгах,
Тот молясь носил вериги,
Этот пиво пил в подвале,
Тот лежал на сеновале
С поселянкой целый год.
В поход! В поход!

От жены, от ребятишек,
От девчонок и мальчишек
Улизнуть хороший повод.

И коня беря за повод
Мы уходим от забот.
В поход! В поход!

А ростовщики и скряги
Могут с рыцаря бродяги
Взять проценты тумаками
И намятыми боками.
Получай свое, урод!
В поход! В поход!

Если ты остался голым
Не теряй свой дух веселый.
Есть всегда ответ на грубость —
Локти, кулаки да зубы.
Мы в сраженье — на работе.
Ничего с нас не возьмете
Кроме славной оплеухи
И работы повитухи,
Умножающей народ.
В поход! В поход!

Не старайся над судьбою
Главное, что меч с тобою.
Если меч сломался тоже
Горевать совсем не гоже!
Это наше достоянье —
Яростное состоянье.
Если дух в тебе пылает —
Поражений не бывает!
Вот и весь законов свод!
В поход! В поход!

* * *

Я.К. Несется ратник на коне,
 Трезвеет пьяница прожженный.
Пронесся шепот по стране:
Сидит на троне прокаженный!
 Монаха сморщены уста,
 И внемлет рыцарь пораженный.
Падений истина проста:
Сидит на троне прокаженный.

Все эти дивные места,
И город, и святой, и древний,
Когда-то рыцари креста
Отвоевали у неверных.

И все, что покорил их меч,
Завоевало благородство,
Теперь уже нельзя сберечь:
Страна неверным продается.

Вокруг потрескалась земля,
И в душном воздухе зараза —
Живьем сжирает короля
Неутолимая проказа.

А во дворце течет вино,
Смеются купленные жены ,
И в роскоши им все равно,
Что их правитель-прокаженный.

Он всю страну теперь предаст
Для этой плоти обнаженной,
Он все прокутит и продаст,
Он обречен — он прокаженный.

Баллада о дружбе

А.Т. Баллада о дружбе не пишется в ночь
Под шелест дождя за окном.
Когда сновиденья уносятся прочь
И прошлое бродит вином.

Балладу о дружбе не пишут с тоски
При ровном лампадном огне.
Едва освещющим плащ и клинки,
Что мирно висят на стене...

Балладу о дружбе слагает Судьба,
Которой неведома ложь...
Она, как Гомер, гениально слепа,
И стих ее правдой хорош...

Баллада о дружбе врачует сердца,
Седляет в дорогу коня...
В клочки превращает донос подлеца,
Достоинство в жесте, храня...

Баллада о дружбе — баллада баллад —
Надежда на лучший итог...
Не надо бояться простреленных лат,
Взводя ради друга курок...

Балладу о дружбе слагает Судьба,
Она, как Гомер гениально слепа!

* * *

А.Т. Не в первый раз король и королева
Решили двор и знать развлечь турниром...
Кто — рыцарь справа или рыцарь слева
Всеобщим станет к вечеру кумиром?

Вот кони понеслись неудержимо,
За доблесь две награды — смерть и слава!
Удар копьем... и тело недвижимо,
А слева победитель, бывший справа...

Паж

А.Т. Подобрав копье и щит,
За сеньору паж вступился...
Пусть обидчик верещит,
Мальчик в женщину влюбился!

В снисходительный поклон,
В ослепительные руки...
Не шутя, рискует он
Со щитом, но без кольчуги...

И румянец на щеках,
У надменной прежде дамы.
Выдает невольный страх
За исход короткой драмы...

Уцелеть кому в бою
Только Бог один решает,
Подставляя грудь копью,
Что не сразу поражает...

Вера в рыцарей — не миф!
Без нее поэт не нужен...
Ранен паж, а все же жив,
И злодей обезоружен...

* * *

А.Т.

Ангел трубит
В рыцарский рог...
С треснувших плит
Сходит песок...

К прошлым векам
Звуки летят...
Строится храм,
Копится яд...

Толстый монах
С ведьмой грешит...
Стелется страх,
Прячется жид...

В первый поход
Выступил паж...
Конь у ворот,
Белый плюмаж...

...С треснувших плит
Сходит песок...
Ангел трубит
В рыцарский рог...

Похищение

А.Т.

Королеву целую в губы...
Знаю, этому — жизнь цена!
Нас разбудят герольдов трубы,
И навек разлучит война...

Я увез ее в час заката,
Крикнув весело королю,
Что король не достоин клада,
И что я ему вызов шлю...

Пусть слова были слишком грубы,
Королева простила все!
Но простят ли герольдов трубы,
И летящее в грудь копье?

* * *

А.Т. На круглый стол положены мечи,
Король Артур сдержать не в силах гнева...
Влюбилась в Ланселота королева,
Погасло пламя клятвенной свечи...

То самое, дрожавшее в ночи,
Когда рука одаривала руку
Кольцом Судьбы, предчувствуя разлуку,
И холодок под платьем из парчи...

Ну что ж, пусть Божий суд определит –
Кто прав, а кто не прав в возникшем споре...
Достойного – победа окрылит,
Виновного – лишит рассудка горе...

Король собрать всех рыцарей велит,
Но гнева нет уже в печальном взоре...

* * *

А.Т. Стертая монета
На ладонь легла...
Помяну поэта –
Вот и все дела...
Обновлю лампаду
Над его столом...
И начну балладу
О борьбе со злом...

Баллада о борьбе со злом

А.Т. Эй, герольды, трубите в рог!
Нынче рыцарям есть работа...
Кто там беден и одинок?
Повторите путь Дон Кихота...

Из чулана достаньте меч
Во спасенье прекрасной дамы...
Пламя тайной любви разжечь
Только явные могут шрамы...

Великаны и колдуны
Не дают отдохнуть героям,
Насылая дурные сны,
И тревожа, собачьим воем...

Кони бесятся под седлом,
Чуя гибель на полдороге...
В многолетней борьбе со злом
Победителей нет в итоге...

Но у рыцарей жребий свой,
Потому и в броню одеты...
Подстрекаемые молвой,
Исполняют они обеты...

Даже если в груди стрела,
И уже на исходе силы,
Ярость праведников не зла,
Светел взгляд на краю могилы...

Не жалейте проливших кровь,
Не напрасно та кровь пролита...
Преломляются копья вновь
И довольно хохочет свита...

В праздной свите одни льстецы,
Не искавшие славы в битвах...
Лестью тешились их отцы
На ристалищах и в молитвах...

В прочем здесь не о лести речь,
Извратившей заметно вкусы...
Шлем, доспехи, копье и меч
Носят рыцари, а не трусы...

Вера в рыцарей – вера в честь,
Без которой мельчают люди,
Уповающие на месть,
С головою врага на блюде...

Эй, герольды, трубите в рог!
Нынче рыцарям есть работа...
Распахнул милосердный Бог
В царство сладостных грез ворота...
Кто там дерзок и одинок?
Повторите путь Дон Кихота...

Ода вину

А.Т. Хвалебную оду вину посвящаю,
Которым всю ночь я друзей угощаю...
Ничто не сравнится по вкусу с вином —
Янтарным нектаром, разбавленным сном...

Бокалы полны, будет шумным застолье!
Тоске — неудобство, веселью — раздолье...
Пусть звоны заздравные эхом летят
Туда, где, оттаяв, туманится взгляд...

Хвалебная ода — крылатые строки...
Мы пьем за удачу, за тех, кто в дороге!
Пока не оплавилась в доме свеча,
Вино правит миром при блеске меча...

Терзаясь сомненьями ныне, как встарь
В нем истину ищут и витязь, и царь...

* * *

А.Т. Кто-то трубит в рыцарский рог
И прочь прогоняет сон...
В чье-то окно брошен цветок,
В одно из сотен окон...

Где-то копье метит под грудь,
Касается плащ земли...
Мне суждено в тайну шагнуть
И, может быть, в короли...

Мне суждено все испытать,
Не дрогнуть на зло врагам...
Как хорошо просто мечтать
И просто верить стихам!

* * *

А.Т. Конь о землю бьет подковой,
Время рыцарю в поход...
Не без помощи Христовой,
Он вернется через год...

Разорившимся, но в славе,
Или я ошибся в нем?
Если так, печать поставит
Сарацин своим копьем...

* * *

А.Т. Рыцарь преклонил колено
 Перед дамой молодой...
 Что в тебе за перемена? –
 Он спросил ее... Постой –
 Отвечала дама смело –
 Я с другим обручена...
 Жить надеждой надоело,
 Слишком долго шла война!

* * *

А.Т. Целую перекрестье меча,
 Я обречен на гибель дамой сердца...
 В ее руке зажженная свеча,
 Но молится она за иноверца...

 Ему уже победа отдана
 За несколько минут до поединка...
 Ах, как моя изменница бледна!
 Как трогательно катится слезинка...

 Пора, сигналы трубы подают,
 Надежды в прошлом, впереди – забава...
 Меня с завидной легкостью убьют,
 И госпожа убийце крикнет – Браво!

 Ну что ж, роптать не стану на Судьбу,
 Всевышний нам определяет сроки
 И жалует отметиной на лбу...
 За скрытые и явные пороки...

 Целую перекрестье меча!

Перчатка Судьбы

А.Т. Я знаю, завтра будет все, как было прежде,
Опять Судьба швырнет перчатку поутру...
И, перекрыв пути к спасительной надежде,
Толкнет в заведомо нечистую игру...
Я знаю, шансов на удачу просто нет,
Но почему-то с нетерпением жду рассвет!

В лампадном масле догорает сгусток ночи,
Еще немного и продолжится дуэль...
Из пары из шпаг, одна окажется короче,
Зато другая, без труда, отыщет цель...
Я знаю, шансов на удачу просто нет,
Но почему-то с нетерпением жду рассвет!

Конечно, можно прекратить сопротивляться
И, без страха, уповать на белый флаг...
Но не пристало у Судьбы в ногах валяться,
Походный плащ сменив, на бутафорский фрак...
Я знаю, шансов на удачу просто нет,
Но почему-то с нетерпением жду рассвет!

Письмо

А.Т. Сударыня, примите мой поклон,
А вместе с ним негромкое признанье —
Я Вас люблю не как воспоминанье,
Как жизнь саму, похожую на сон...

Быть может, верный рыцарь Ваш смешон,
И силу потеряло заклинанье,
В котором, прежде, слышались стенанья,
Я Вас люблю и возвожу на трон!

Вы — королева, чей победный взор
Несет мне милость или приговор,
Карающий за сладостные грезы...

За мысленно осуществленный грех,
За невеселый, вымученный смех
И слишком пересоленные слезы...

Рыцари красоты

А.Т.

Звезды роняют свет,
Росы роняют розы...
Пишет стихи поэт,
Ради метаморфозы...

Ради красивых грез
И миражей сознанья...
Свет от далеких звезд
Будит воспоминанья...

Призрачные мечты
Душу тревожат снова...
Рыцари Красоты
Свет превращают в слово...

Слово слетает с губ,
Чтобы жила баллада...
Звуки походных труб
Мысли зовут куда-то...

Стелется млечный след
Розовым блещут грозы...
Звезды роняют свет,
Росами плачут розы...

Орифламма

А.Т.

Орифламма! Орифламма!
Гордо вьется на ветру...
В королевском замке дама
Ждет известие к утру

И в окно глядит с надеждой,
Государев пряча крест,
Под пурпурною одеждой...
Сдержан вид ее и жест.

Нет гонца, растет тревога,
Беспощадно судит рок.
Полдень, но пуста дорога,
Как и сто других дорог.

Нет гонца, безмолвны слуги,
Шут и тот сомкнул уста.
Сложены в молитве руки
У подъемного моста.

Орифламма! Орифламма!
Где встречаешь ты ветра?
За тебя молитвы дама
Шепчет с самого утра,

Чтоб блеснули вдруг доспехи,
И знакомый звук трубы
Всем поведал об успехе,
Славя древние гербы.

В зал гонец с полоской шрама
Входит, шпорами звеня,
— Орифламма! Орифламма!
Будет здесь к исходу дня.

* * *

- А.Т. Трубит рожок, из ножен вырван меч,
Суд Божий будет короток и страшен...
Жизнь или смерть, исход не так уж важен,
Важнее честь от нечестии сберечь...
- Вперед! Не стоит уповать на речь,
Пока Ваш кружев кровью не окрашен,
И враг ударом не обезображен,
Высокой речью лучше пренебречь...
- Она придется ко двору потом,
Чтоб послужить счастливчику щитом,
Незримым для вскипающего взгляда...
- Трубит рожок, его услышан зов
Герольдами поверженных веков,
Не верившими в превосходство яда...

Тайна

А.Т.

Случайно, или не случайно,
Меня крылом коснулась тайна
Далеких рыцарских времен,
Нам не оставивших имен...

Тех самых, в ореоле славы,
Возвращенных на лугах кровавых,
Среди сверкающих мечей,
Потерь и траурных свечей...

Имен достойных, но забытых,
И пылью истины покрытых,
В знак примирения двух роз,
Увядших от пустых угроз...

Раздоры Белой розы с Алоей
Свелись к победе запоздалой,
Едва похожей на себя,
Судившей обо всем, скорбя...

Надев подобие улыбки,
Она цеплялась за ошибки,
Прощения которым нет,
На тайну проливая свет...

Случайно, или не случайно,
Меня коснулась эта тайна...

* * *

А.Т.

Едет Рыцарь на коне,
Рыцарь странствует по свету,
Как положено поэту,
Песни рыцаря в цене.

Едет рыцарь и поет
О любви к Прекрасной Даме,
Что давно живет мечтами
И возлюбленного ждет.

Припев:

Ради этих милых глаз
Бился рыцарь и не раз,
Нет числа его победам!
Но еще не вышел срок,
Славный рыцарь одинок,
Как положено поэтам.

Вдруг, откуда ни возьмись,
Злой Волшебник показался,
Поединок завязался,
Рыцарь, молний берегись!

А иначе никогда
Даму верную не встретишь,
Сердцем сердцу не ответишь,
Не исполнится мечта.

Припев:

Ради этих милых глаз
Бился рыцарь и не раз,
Нет числа его победам!
Но еще не вышел срок,
Он влюблен и одинок,
Как положено поэтам.

В кубке пенится вино,
Напирал Волшебник даром,
Он лихим сражен ударом,
Снова зло побеждено.

Рыцарь едет на коне,
Прямо к замку рыцарь едет,
Кто его улыбкой встретит,
Чей платок мелькнул в окне?

Припев:

Ради этих милых глаз
Бился Рыцарь сотни раз,
Нет числа его победам!
Но разлуке вышел срок,
Все на свете рыцарь смог,
Как положено поэтам...

Воздушные замки

А.Т. Воздушные замки разрушить нельзя,
Воздушные замки незримы и вечны...
Небесные рыцари все безупречны,
Они государю не слуги — друзья!

Сверкают мечи, злобных гарпий разя,
Чьи темные Судьбы и дни скоротечны...
Поля же под рыцарской конницей млечны,
Но к полной победе терниста стезя!

Придуманный мир — это наши мечты,
Венчают гербы золотые щиты,
И свет золотой бытие изменяет...

Рождаются строки красивых баллад,
Где образ трех граций поэта пленяет
И миг вдохновенья, как ветер крылат!

ПИЛИГРИМЫ

* * *

Я.К.

В полете, все еще в полете ...

Перед глазами облака ...

Навстречу утренней дремоте

Стремится образ и строка.

В полете, все еще в полете

Кристалл сознанья моего,

И на высокой, дробной ноте

Мерцает искорка его.

Закроете глаза — летите ...

Легко парите над землей:

Душе, когда она в зените,

Телесный незнаком покрай.

Она имеет форму крыльев.

Она свободна и легка,

И в этом и ее всесилье,

И беспредельная тоска.

Так птица крыльями смеется,

Подхватывая ветерки,

Как она в ладони бьется —

Как сердца детского толчки!

Над головой она кружится

Родившегося малыша.

И потому прекрасной птицей

Нам представляется душа.

* * *

Я.К.

Мой путь не важен по земле —

И только образ остаётся.

Не важно, как иду во мгле,

Как дышится и как поётся,

И все законы бытия,

И даже то, что змей бумажный,

И только мысль важна моя

И то, что выгляжу отважным.

И одиночество вершин

Встречает первый луч рассвета ...

Колокола моей души
Зовут меня к немому свету.

И пусть забудется мой лик,
И пусть забудется мой голос,
Но крепче мыслей, выше книг
Не создавал никто престола.

Забвенье краткое моё
Предвечным сменится прозреньем,
И я познаю бытиё,
Что дарит только воскресенье.
И одиночество вершин
Встречает первый луч рассвета ...
Колокола моей души
Зовут меня к живому свету.

* * *

Я.К.

Этот дождь на солнце благодатном,
Этот свет на капельках росы
Словно возвращение обратно
Сквозь столетья годы и часы,

В состоянье детства и покоя
Где без слов и радостен и нем,
Без вопросов: «Что это такое?
И зачем? О, Господи, зачем?»

На полях склоняются крестьяне,
Словно вечно молятся земле.
И пришелец страшен им и странен,
Как огонь на старом корабле.

Я иду, сменяются картины.
Солнце и ветра шлифуют плоть,
Будто спины только что из глины
Вылепил седеющий Господь.

Я чужой, и это всем понятно.
И поверить в Бога не могу.
Боже мой, как страшно и приятно
На пустом остаться берегу.

Слез и крови стертая палитра,
Что сумею в песне передать
И надежда это, и молитва,
И расплата мне, и благодать.

Смех и крик, и песня — та же глина.
Даже то, что скажешь уходя,
Для кого-то это все едино,
Как для нас шум леса и дождя.

* * *

Я.К. За горизонтом много стран,
Но линия от нас уходит.
За ней уходит мальчуган,
Одет как раз не по погоде.

И ждут его сокровища ума,
И девушки, смеющиеся страстно,
А может быть истина сама,
Она должна быть юна и прекрасна.

Та линия тебя манит.
Она и грезится и снится.
Она касается ланит,
Смежая нежные ресницы.

Ученого преследует всегда
И вдохновляет юного поэта.
За горизонтом вспять бегут года
То грань добра и зла, и тьмы, и света.

Ловить ее напрасный труд —
Проигрываешь изначально,
Но если вас хоть где-то ждут,
То линия вполне реальна.

Там в холода натопленная печь
И хлеб на деревянном темном блюдце.
Да уходя ее не пересечь,
А возвращаясь можно дотянуться.

* * *

Я.К.

Утро цвета любви
Подарил листопад.
Розоватою стала
Сухая листва.
И вернувшись к началу
Засветились слова,
И улыбки твои
И счастливый твой взгляд.
И тревожно, и грустно,
И сердце томит,
И предчувствие вечности
На небесах.
Это ноты беспечности
В двух голосах
И касается чувство
Розоватых ланит.

Утро цвета любви,
Утро цвета утрат
Предвещает ненастье
И ветер, и дождь,
Но так хочется счастья
И снова живешь.
Утро цвета любви,
Как мерцающий сад.
Утро цвета любви —
Розовеющий сад.

* * *

Я.К.

Стучась в холодные стальные двери,
Я брался за любой полезный труд,
Но постепенно разучившись верить,
Я понимал — меня нигде не ждут.

В последний вечер небо будет жарким.
Гостям на блюде сердце подадут.
Я вынужден навязывать подарки,
И все равно меня нигде не ждут.

Я предлагаю все — талант и волю,
С поэта только шкуру продадут,
А ей цена — одна лишь горстка соли,
А самого его нигде не ждут.

Когда я попаду в объятья смерти,
И труп мой станет черен и раздут,
То отвернутся ангелы и черти.
Мне кажется, меня нигде не ждут.

Пока живу и после смерти с вами
Один я буду штурмовать редут,
И буду камни расплавлять словами.
Мне все равно — меня нигде не ждут.

* * *

Я.К.

Я вам не должен ничего.
За все надежды и потери,
За то, что ни во что не верю
Я вам не должен ничего.

Вы подарили мне изгнанье
И обесценили его,
Но за такое воспитанье
Я вам не должен ничего.

Вокруг нет ни ума, ни чести,
Не упустить бы своего.
Нет, я не опущусь до мести,
Но я не должен ничего.

Давно уже живу во сне я.
У вас есть все и Бог и страсть,
Но прибыль все-таки важнее
И все-таки сильнее власть.

Я много получил от жизни,
Поверьте много больше вас,
Но вопреки моей отчизне,
Сражаясь с веком каждый час.

Ни уваженья, ни участья,
Ни состраданья моего

Вы не получите и части —
Я вам не должен ничего.

Когда вы скажете:

„Довольно!“
Наточенному палашу,
За холод глаз моих невольный
Прощенья я не попрошу.

Я хочу летать во сне

Я.К.

Я хочу летать во сне
Подниматься над домами,
Над размытыми стенами,
Над ветвями в вышине.

Там на близких скатах крыш
Видеть слой отставшей краски,
Прыгнуть кошкой без опаски
В мир ворон, карнизов, ниш.

Над деревьями парить,
Подниматься на районом
И над городом зеленым.
Разрывать за нитью нить.

И боясь, что упаду,
И пугаясь не вернуться,
Подниматься к солнца блюдцу
Сквозь небесную слюду.

Ощущая облаков
Мягкость, влажность и прохладу,
Прямо к звездному параду,
Вырываюсь из оков.

Звездный чувствуя туман,
Я в слезах невозвращенья
Вспомню все свои мученья,
Как любимейший обман.

* * *

Я.К.

Мой милый солнечный зайчонок,
Как просто все, что хорошо.
И счастья луч силен и звонок
Черезо что бы не прошел.

Сквозь крышу ветхого сарай
И сквозь весеннюю листву,
Сквозь темноту пройдет, играя,
И золотую синеву.

Но лучше, если в наши окна,
В просторный деревянный дом,
В веранды утренние стекла
Заглянет он, судьбой ведом.

Собаки, кошки, оленята
Нас заждались уже давно
Лесов волшебные палаты
Стучатся ветками в окно.

И лошади переминаясь
Глазами влажными глядят,
И ждет, журча, река лесная,
И ждет в цветах тенистый сад.

Мы обойдем с тобой все это
И поцелуем всех зверей.
И бесконечным будет лето
Всех лет теплее и светлей.

А вечерами на перинах,
На теле чувствуя ладонь,
Утомлены дневной картиной,
Смотреть мы будем на огонь.

* * *

Я.К.

Я ухожу. Не ждите, не звоните,
На вешалке остался старый плащ.
Я оставляю вам себя в зените,
А сам скрываюсь в сердце темных чащ.

У пояса широкое мачете,
Бинокль и фляга, компас, патронташ.
Как дороги, любимы вещи эти.
Да будет проклят мир презренный ваш.

Я ухожу. Безлунными ночами
Вам реквием в оврагах пропоет
Привычное за сильными плечами
Короткое, тяжелое ружье.

Я ухожу от мира притязаний
И вечной, жадной, бескорыстной лжи.
Я буду иезуитом-партизаном,
Взрывающим сознания межи.

Я вас взорву, пусть мне не хватит тола,
Я выплавлю его из ваших тел.

Я покажу вам мир другой веселый,
В нем жив лишь тот, кто щедр, силен и смел.

На этой светом избранной планете
Я жадности расчет не потерплю.
Пусть взрывы путь изгнанника отметят,
Как красный плюш дорогу королю.

Я ухожу по листьям, по закату,
По свежему лесному ветерку.
И легкий, одинокий и крылатый
Вступаю я на звездную строку.

И встречу я себя с мечом и в латах,
Идущего по млечному пути,
Что так же в путь один ушел когда-то,
Чтоб никогда на землю не прийти.

Восторг самораспада

А.Т.

Порой грядущее я вижу
На перекрестках млечных троп...
И ноги мне гиены лижут,
И бьет до судорог озноб...

Метанья между тьмой и светом,
Следы сомнений, плач и смех...
Любовь и ненависть к поэтам,
В веках уравнивают всех...

Пройдя круги земного ада,
Покой не обретаем мы...
В застывшей музыке заката —
Дыханье смерти, ужас тьмы...

А свет? Он только отраженье
Сиюминутной суеты,
В котором больше искушенья,
Чем окрыляющей мечты...

Нас ждет безумие победы
Над откровеньями души.
И запоздалые обеты,
Что раньше были б хороши...

Нас ждет восторг самораспада,
И этот рок неотвратим...
Вновь состоится суд Пилата,
И повторится суд над ним...

Когда грядущее я вижу
На перекрестках млечных троп,
Пространство подступает ближе,
И складка рассекает лоб...

<1994>

Маятник ночи

А.Т.

Луна за окном,
Как маятник ночи...
Смыкаются очи,
Плененные сном...

Молю об одном,
Чтоб страсть, кровоточа,
Нашла покороче
Дорогу в твой дом...

Чтоб нас повенчали
Былые печали,
Хотя бы в бреду...

И близость разлуки
Сплела наши руки
На лунном мосту...
<1994>

* * *

А.Т.

За улыбкой не спрячешь тоску,
От тоски все равно не спасешься,
Даже если ты с ней разминешься
На очерченном жизнью кругу...

Пребывая в извечном долгу,
Как себе самому не клянешься,
В мир дурачеств уже не вернешься,
Сломан дом на крутом берегу...

Вслед за этой неменьшая боль
Ранит сердце, и сыплется соль,
И любовь разъедает разлука...

За улыбкой не спрячешь тоску,
На очерченном жизнью кругу,
Находя, мы теряем друг друга...

<1994>

Завтрашний закат

А.Т.

Вот и отгорело
То, что раньше грело
То, что было важным, отошло назад...
Я один, как прежде,
В штопаной одежде,
Угольком рисую завтрашний закат...

Завтрашнее солнце
Шлет в мое оконце
Черный свет пророчеств, вызывая дрожь...
Старые виденья
Ищут отчужденья,
А находят смыслы да загадки сплошь...

Смыслы и загадки,
Встречи с ними кратки...
Долгие разлуки, ради кратких встреч,
Нам необходимы
Все мы — пилигримы,
Угольного Завтра нам не уберечь...

Вот и отгорело
То, что раньше грело...
<1995>

Перепутались звезды

А.Т.

Перепутались звезды,
Затуманились версты,
Разонравились строки,
Не сложились в стихи...
Мы в последней разлуке
Не грустим друг о друге,
Как преступник в остроге,
Вспоминая грехи...

Ничего не осталось,
Даже самая малость,
Из пророчеств цыганки,
Не сбылось на веку...
Распряглись наши кони,
После долгой погони,
Замело полустанки,
А потом и тоску...

Может все это снилось?
И любовь припозднилась...
Душу вкладывать глупо
В заколоченный дом...
...Ей никто не ответил,
Лишь порывистый ветер
Позабавился грубо
В переулке пустом...

Перепутались звезды,
Опрокинулись версты,
Замело полустанки,
Голоса и тоску...
Ничего не осталось,
Даже самая малость,
Из пророчеств цыганки,
Не сбылось на веку...
<1993>

Летний ветер

А.Т.

Летний ветер
Распахнул окно...
Вечер светел,
Весело вино...

Все, как прежде,
Те же — взгляд и жест...
На одежде
Пыль из дальних мест...

Летний ветер
Распахнул окно,
Не заметив,
Что зима давно...
<1995>

Непорванные стихи

А.Т.

Я твою выпустил руку,
Не надеясь на ночь любви...
Нам пророчат стихи разлуку,
Если можешь, ты их порви...

Если можешь, за мною следом
На заплеванный трап шагни...
И тоску раздели с поэтом,
А не можешь, так извини...

Паруса наполняет ветер
С нарисованных берегов...
Все не вечно на этом свете,
Все не вечно, кроме стихов!
<1995>

Ангел смерти

А.Т.

Крутит, вертит
Круговорть...
Ангел смерти
Сеет смерть...

Черный гений,
Всадник тьмы...
На колени
Пали мы...
<1992>

А в Париже-городе...

А.Т. На парижских улицах
Молодежь целуется
В праздники весенние ей не до забот...
А у нас политики,
Одурев от критики,
Конною милицией веселят народ...

Красные полотнища,
Во главе побоища,
Как в году семнадцатом, будоражат кровь...
Всюду крики бранные
Да рубахи рваные,
А в Париже-городе царствует любовь...
<1993>

В белом сне

А.Т. В белом сне,
Как в черный день,
На коне
Промчалась тень...

Тень того,
Кто мертв давно...
В молоко
Стекло вино...

Разметал
Все мысли крик...
И металл
Под плащ проник...

В белом сне,
Извне..
<1995>

Я годы рву

А.Т.

Я годы рву,
Изношенные годы...
Легко, по шву,
Закаты и восходы...

Все отошло,
Распалось на мгновенья...
Добро и Зло
Продолжило забвенье...

Я годы рву
По шву...
<1995>

* * *

А.Т.

Пилигримы — рыцари дорог,
Что Вас манит в призрачные дали...
Боевой рожок, сиянье стали,
Или пылью пахнущий цветок?

Знойные ветра сбивают с ног
И в лохмотья превращают платье...
Пилигримы — названные братья,
В Вашем братстве каждый одинок...

Но не зря дарована Судьба,
Изучив законы мирозданья,
И убрав седую прядь со лба,
Вновь Вы отправляетесь в скитанья...

Не иссякнет млечная тропа —
Место, где сбываются свиданья...
<1995>

Я ветрами крещен

А.Т.

Я ветрами крещен,
Я повенчан с дорогой...
Заклеймен и прощен
Той звездой одинокой,
Что светила в ночи,
В зной и холод светила,

На чужие мечи,
И беду отводила...
Я — счастливый изгой
В этом призрачном мире,
Не принявший покой,
Звучной преданной лире...
Я иду по Судьбе,
Как по лезвию бритвы,
Меря все по себе,
И грехи, и молитвы...
Я кострами согрет,
Я обласкан мечтами —
Пилигрим и поэт
С неживыми чертами...
<1995>

* * *

А.Т. На зубах скрипит песок,
Плащ суконный запылился...
Пилигрим остановился
На скрещении дорог...

Поднял высохший цветок,
Наспех Богу помолился...
И в лице вдруг изменился,
Даровал знаменье Бог...

В небе высветился меч,
Чтобы в корне зло пресечь,
Уберечь любовь от сглазу...

И тогда припал к земле,
Пряча складку на челе,
Тот, кто не любил ни разу...
<1995>

* * *

А.Т. Я верю в одинокую звезду,
Как верит взгляду женщины влюбленный,
В прихожей плащ снимая запыленный,
И обретая новую мечту...

Моя звезда предотвратит беду,
Уснувшее разбудит вдохновенье...
И вечность заключит в одно мгновенье,
Чтоб целый мир повергнуть в немоту...

Я верю в непрочтенные стихи,
В нечеткие портретные штрихи
Людей, со мной встречавшихся когда-то...

Пока струится изумрудный свет,
Не перестанет удивлять сонет
Величием грядущего заката...

<1995>

Последний пилигрим

А.Т. Подошвы стерты, сбиты каблуки,
Туманит разум головокруженье...
Дойдет ли до спасительной реки
Последний пилигрим стихосложенья?

Его собратья солнцем сожжены,
Их имена исключены из списка...
Теперь былье истины смешны,
Но жизнь пуста без глупостей и риска...

Остаток сил он вкладывает в шаг —
Романтик, зацелованный ветрами...
И от дрожащей свечки тает мрак,
И утро проступает над горами...
<1995>

Песенка шкипера

А.Т. Наполняет ветер паруса,
Ниспошли мне, Господи, удачу...
Встав у рулевого колеса,
Без тебя я слишком мало значу...

Ты — мой неизменный капитан,
Штили, штормы — все тебе подвластно...
Сколько раз, решаясь на таран,
Стертый крестик целовал я страстно...

Сколько раз, отбросив прочь кинжал,
За врагов поверженных молился...
Ты меня в несчастьях утешал,
Ты со мной надеждою делился...

Помоги же и в расплатный час
Избежать веревки или пули...
Ради увлажненных женских глаз,
Что когда-то мир перевернули...

Наполняет ветер паруса,
Ниспошли мне, Господи, удачу...
Встав у рулевого колеса,
Без тебя я ничего не значу...

<1993>

Ваганты

А.Т. Трубя в застольный свой рожок,
По свету странствуют ваганты...
И Бахус, спившийся божок,
Подогревает их таланты...

Со звучной лютней за спиной,
С потертым бубном и бутылкой,
Ваганты славят край родной,
Смирившись с добровольной ссылкой...

У них в карманах ни гроша,
Лишь пыль дорог у них в карманах,
Но о любви поет душа,
О причиненных ею ранах...

Ах, эта пестрая толпа,
Пекущаяся о поэтах,
Она то шумна, то груба
В плащах и в бархатных беретах...

Ваганты — рыцари вина,
Неумолимые в гордыне,
С похмелья, спутав времена,
По свету странствуют по ныне...
<1993>

* * *

А.Т.

Я не стану говорить — Прощай,
 Я скажу — До скорого свиданья...
 Боль разлуки лечит ожиданье,
 Впрочем, ждать меня не обещай...

Ты гостей, как прежде, угощай
 Рюмочкой вина и милым взором,
 Да еще веселым разговором,
 Но не слишком этим их смущай...

Я тебе, возможно, напишу
 Пару строк, не требуя ответа,
 И воспоминанья разбуджу,
 Ненадолго воскресив поэта...

Вот и все, светает, ухожу
 По следам туманного сонета...

<1993>

Посвящается Михаилу Шилову

Из азиатского дневника, июль-август 1990 года

* * *

А.Т.

У подножья гор Чимганских
 Так приятно отдохнуть...
 Скор не слышать мусульманских,
 От ножа не прятать грудь...

Штурмовать вершины в паре,
 Каждой имя оставлять...
 И, не зная о загаре,
 Всех загаром удивлять...

* * *

А.Т.

Здравствуй край Хаджи Насредина —
 Край легенд и полупустынь,
 Где от жажды спасают вина,
 Или вкус многосортных дынь...

Где живет тот горячий ветер,
 Что извел бы и нашу грязь...

Где с лицом азиатским дети,
Предлагают кумыс, смеясь...

Где к вагону подносят блюда,
За калым достают жену,
Где гуляют важно верблюды,
Пережевывая слону...

Где среди сплошных тюбетеек
И еще непонятных слов,
Мне не жалко моих копеек
На руины былых веков...

* * *

А.Т. Не приметный полустанок,
 Солнца красный полукруг...
 Чай-то мальчик спозаранок,
 Кормит ослика из рук...

Азиатские сюжеты
Проплывают за окном...
И все жарче дышит лето,
Не давая бредить сном...

* * *

А.Т. Ташкент нас встретил камнем и угрозой,
 Должно быть дань Аллаху такова...
 Здесь говорят сегодня только прозой,
 И все же рифму обретет слова...

Восточный стол в радушном русском доме,
Запомнится изысканностью блюд...
Вином, что пилось в сладостной истоме,
Когда часы уже за полночь бьют...

Не перестанут грезиться и храмы,
Фонтан, весьма желанный в летний зной...
Туристов разноцветные панамы,
Узбекский чай со сладкою халвой...

Ну и конечно старики в халатах,
Хранящие традиции свои...
Придут не раз с легендами о кладах,
Героями театра Навои...

* * *

А.Т. Чимганские горы,
Под солнцем палящим,
Решат наши споры
О дне предстоящем...
С тобою мы будем
Ходить на вершины –
Упрямые люди
С Российской равнины...

* * *

А.Т. Собрав весь мусор общего вагона,
Мы наконец попали в Самарканд,
Где дремлет эхо сабельного звона
И мастеров тимуровских талант...
Нас поразили стены Регистана,
А так же гений древних мудрецов —
Суровых толкователей Корана,
Достойных продолжателей отцов...
Взволнованные смертью Улугбека,
Мы потрясали копьями в мечтах,
Противясь предрассудкам злого века,
Расписываясь кровью на щитах...
Лишь вечером в гостинице дешевой,
Из тайников нахлынувшего сна,
Вдруг появился русский лес сосновый
И белая от инея луна...

* * *

А.Т. Священный город Бухара,
Восточный колорит...
Невыносимая жара
С Аллахом примирит...
Дворец эмира, минарет
Да лавки по пути...
Каких торговцев только нет,
Сторгуешься - плати...
А вот и хитрый Насреддин,
На ослике верхом...
Всю знать дурачит он один,
И каждый с ним знаком...

Будь ты узбек, таджик, туркмен
Иль гость со стороны...
Не попадись соблазнам в плен,
Погибнешь без вины...

* * *

А.Т. Она по-узбекски простилась со мной,
Я понял не много...
Разлука острее всегда под луной,
Но легче дорога...

Ночной холодок, как ее поцелуй,
Покой приносящий...
Шепнул по-приятельски – Зря не тоскуй,
Тоской настоящей...

* * *

А.Т. Когда-то здесь шли караваны,
От жажды страдали купцы...
Им виделись дальние страны,
Правителей щедрых дворцы...
Доверившись слепо удаче,
Они снаряжали коней...
Не все становились богаче,
Дожив до бесхлопотных дней...
Иные, в конец разорившись,
До срока уснули в раю,
С родной стороной не простились...
Иные погибли в бою!
Лишь те, кто был сердцем отважен,
Торговый наладили путь,
Что в наше столетье не страшен,
Погасших страстей не раздуть...

* * *

А.Т. В вагоне тесно, сырьо, душно,
Тошнит от недовольных лиц...
Про чай и спрашивать не нужно,
Нет кипятка у проводниц...
Ночь тянется сплошным кошмаром,
Скорей бы простилил рассвет,
Край неба, охватив пожаром,
А там и город детских лет...

ЗА КУЛИСАМИ
ШЕКСПИРОВСКОГО
ТЕАТРА „ГЛОБУС“

* * *

А.Т. Занавес времени мы приоткроем,
Театр Шекспира сыграем для Вас...
Кто декоратором был, кто героем —
Маски поведают в несколько фраз...

Маски — всегда только маски, не лица,
Лица лишь прячут под масками лет...
Театр Шекспира ликует и злится
В кубке шипящем, что поднял поэт...

Театр Шекспира — загадочный «Глобус»,
Мы повернем его мысленно вспять...
Фразы нечаянно сложатся в опус,
Как и когда — даже нам не понять...

Мы начинаем с подножья Пarnаса,
Крест и кинжал — вот Вам первая фраза!

* * *

Я.К. Во флаконе из слюды,
В блеске полуотраженья,
На поверхности воды
Вижу прошлого виденья.
Как в магическом прозренье,
На поверхности воды
Вижу прошлого следы.

Сердца маятник стучит,
Вяннут лепестки мгновений,
В призме полуотраженья
Мысли собраны в зенит.
Вижу будущего тени.
Все ушло — и боль, и стыд, —
Сердца маятник стучит.

Ни забот и ни наград.
Вдохновенное прозренье —
Вижу я прекрасный сад.
Смысла нет, но есть стремленья.
Ни желаний, ни мучений,
Ни забот и ни наград.
Во флаконе древнем — яд.

* * *

А.Т.

Вином вдохновенья наполнен бокал,
Поэзии сладок вкус...
Сомнения прочь! Я нашел, что искал,
Бессмертье коснулось уст...

Я понял и принял всю магию строк,
Парящих над суетой,
Где каждый в печалах своих одинок
И предан не раз мечтой...

Я пью по глотку вдохновенья вино
При ровном огне свечи...
Мне свыше излечивать души дано
И звезды считать в ночи...

Вином вдохновенья наполнен бокал.
Судьба удалась. Я нашел, что искал!

* * *

Я.К.

Следя за карточной игрой
Страданья и везенья,
Как проклинаем мы порой
Слепые заблужденья!

Но зная вечный смерти пир
И случая гримасы,
Реально видя этот мир,
Не проживешь и часа.

Чтоб не замкнули жизни круг
Ужасные виденья,
Ты выбирай себе, мой друг,
По вкусу заблужденье.

Пусть будет радостным оно,
Пусть будет благородным,
И воду превратит в вино,
И сделает свободным.

А если сделаешься ты
Расчетливо-богатым,

ЗА КУЛИСАМИ ШЕКСПИРОВСКОГО ТЕАТРА „ГЛОБУС“ 115

То будешь, позабыв цветы,
Рабом на куче злата.

Как миннезингера копье,
Как лютня у трувера,
Пусть заблуждение твое
Поддерживает вера.

И станут праздничным дворцом
Прекрасные виденья,
Но знай: тебя в конце концов
Погубит заблужденье!

* * *

А.Т. В лесу любви так просто заблудиться,
Запретный плод съедобен не всегда...
Хотя к нему и тянутся уста,
Плодом волшебным можно отравиться...

Влюбленному уже не исцелиться,
Коль нимфа леса царственno горда...
В глазах надежда или пустота,
Не легче ли поэту удалиться,

Чем медленною смертью умирать,
Швырнув в огонь последнюю тетрадь,
Тетрадь с несостоявшейся Судьбою;

Где скрыта безответная тоска,
В перчатке узкой бледная рука
И маленькая мушка над губою?..

Альба

ГД.

Я.К. Утро, солнечное утро...
Гнется ветром легкий стебель...
Все, что ночью было смутно, —
В яркой свежести на небе.

Не спеши, мой друг, проснуться
В ливне золотого света.

Души радостные вьются,
Солнцем праздничным согреты.

Утро, солнечное утро,
Гнется ветром легкий стебель.
Замка силуэт причудлив
На весеннем ясном небе.

Как приятно окунуться
Душам в водопад сиянья!
Пусть слова мои вольются
Через сон в твое дыханье.

Золотятся солнцем скалы,
Гладки стройных замков плиты,
Стены каменных провалов
Шелком вереска укрыты.

Пусть душа, что светом дышит,
Для любви накопит силы.
Ты во сне меня услышишь
И полюбишь, ангел милый...

* * *

Я.К.

Вздыхало заспанное небо,
Когда на черепицы крыш
Душа упала теплым снегом —
Родился маленький малыш.

Мы увидали два восхода,
Один звезды печальный свет,
И вот уже промчались годы,
И малышу семнадцать лет.

* * *

А.Т.

Никто из нас Судьбы не знает,
Мы все бессильны перед ней...
Из мира света в мир теней
Младенец путь свой начинает...

Его недолго пеленает
Уже стареющая мать,

ЗА КУЛИСАМИ ШЕКСПИРОВСКОГО ТЕАТРА „ГЛОБУС“ 117

Что так умеет понимать,
Чью ласку каждый вспоминает...

Недолго юношу влечет
Сулящий хлопоты почет,
В пустых соблазнах нет улады...

И смысла в жизни тоже нет,
Лишь насмерть раненый поэт
Стреляет в проклятые даты...

* * *

Я.К. Вокруг смеются над судьбой,
 И мы не верим в привиденья,
 Но что-то есть во тьме ночной,
 Что отмеряет нам мученья,

 Рыдает раненой грозой,
 Листву нам под ноги бросает.
 Неясный свет во тьме ночной
 Нас создает и убивает.

* * *

А.Т. Ресниц касается рассвет,
 Недолговечны сны!
 Вопросы не разрешены,
 Не найден вновь ответ...

 В любом скрыт Гамлет и поэт,
 В час солнца, в час луны...
 Мы для сомнений рождены,
 Чтоб обозначить след...

 Чтоб в детях повторить себя,
 Наперекор годам...
 Уйти, о прошлом не скорбя,
 Отдав тепло цветам...

 Но часто, время торопя,
 Не платят по счетам...

* * *

Маме

Я.К. Не надо больше плакать и молиться,
 Открыта на земле тебе услада,
 Из родника холодного напиться —
 Чего тебе еще от жизни надо?

И после долгой и промозглой ночи
 Согреться под рассветными лучами,
 И чтобы кто-нибудь сказал: «Сыночек»,
 Когда уже полжизни за плечами.

Вступление ко второй части

А.Т. Итак, мы представили первую фразу,
 От фразы до действия короток путь...
 Увы, постигаются смыслы не сразу,
 Без зерен сомнений не вызреет суть...

Сомненья — великий талант и проклятье,
 Причина прозрений и вздорного сна...
 Прижато к губам роковое распятье,
 И кажется невыносимой вины...

Ах, сладкие муки вины и прощенья!
 Кому с давних пор не знакомы они?
 Но снова и снова, пройдя очищенье,
 Мир копья ломает о смутные дни...

Смутьянам не нужно загробного рая,
 Поэзия бунта — вот фраза вторая!

* * *

А.Т. Я повторяю, как молитву,
 Один и тот же монолог...
 И кожей чувствую клинок,
 Что помнит прерванную битву...

Меня тень Гамлета тревожит
 Извечным — «Быть или не быть?»,
 Вопрос хотелось бы закрыть,
 Но не могу, никто не может...

Монолог Гамлете
(перевод с английского)

А.Т. Быть иль не быть, вопрос открыт...

Разумно ль

Не отвечать на выпады судьбы?
Не лучше ли затеять с ней сраженье
И изменить соотношенье сил?
Нет! Проще сдаться.

В тишине могил

Спокойна совесть, что мешает счастью,
Она при жизни обладает властью
Над логикой поступков.

Вечный сон —

Бот вам ответ, лишь в нем одном спасенье
От глупости и жадности вельмож,
Готовых душу погубить за грош
И прячущих под маской благородства
Убогость чувств и прочие уродства.
Жаль, сновиденья мертвцев темны,
Иначе бы никто не отказался
Воспользоваться помощью кинжала,
Не правда ли, для бегства нужно мало?
Препятствие в невозвращенье.

Страх

В бессонных отражается глазах,
И облетают лепестками розы
Намеренья осуществить мечты,
Приятно волновавшие когда-то.
Увы, рассвет — мечта и сон заката.
Закат — последний всплеск,

а дальше — тьма —

Незримый пепел воли и ума.
И все-таки досадно упускать
Из слабых рук желанную удачу,
Похоронив уверенность в себе,
Досадно потакать слепой судьбе,
Отлично видя очертанья цели.
О, если б мы хотя бы раз посмели
Преодолеть медлительность в делах,
Нотише,тише...

Слышатся шаги,

Сюда идут — друзья или враги?
Офелия, ищи меня в молитвах.

* * *

Я.К. То зябко, то жарко и душно...
Надев на лохмотья венцы,
Пред залом стоят равнодушным
Актеры, актрисы, певцы.

И хрипнет от холода голос,
И дождь попадает в глаза,
А слушает только проселок
Да тусклых небес бирюза.

Безумные, злобные толпы
Бездомных крестьянских детей
Встречают на пыльных проселках
Актеров — незваных гостей.

Тупые и грубые лица
И ртов озверелый оскал...
А старым актерам все снится
Заполненный блещущий зал.

Но вот совершается чудо,
Лишь души озябшие тронь:
Рождается в них ниоткуда
Священный небесный огонь.

И свет обнажит, как на блюдце,
Как род человеческий slab.
И вдруг на мгновенье очнутся
Убийца, грабитель и раб.

* * *

Я.К. Я одинок. Без страха и без грусти
Гляжу в глаза бездонной пустоты.
Она меня до смерти не отпустит,
А после растворит мои черты.

Я окружен бесчисленными стенами,
Они с древнеегипетских времен
Стоят над миром. Этот серый камень
Ласкал рукой довольный фараон.

ЗА КУЛИСАМИ ШЕКСПИРОВСКОГО ТЕАТРА „ГЛОБУС“ 121

Я их встречал в кровавой Палестине,
В долинах Эблы, Финикия, Рим
Их перестраивали и, стирая имя,
Их нарекали именем своим.

И фарсы справедливости и мощи —
Бездарный, обветшалый трафарет.
Под ретушью костлявое, как мощи,
Лицо одно на миллионы лет.

Другие стены будут попрочнее,
Чем эти, что воздвигнуты людьми.
Их мир возвел за столь большое время,
Что наши стены кажутся детьми.

Их возвышала мачеха-природа
И случай — безобразный, злобный шут.
И все людьми взращенные уроды
На них лишь робкой плесенью растут.

Но если я все силы, мысли, нервы
Вложу в один скачок, в один удар,
Я их смету, в пролом ступая первым:
Во мне божественный пылает дар.

Как жаль, но между стен и за стенами
Хозяйка мира — просто пустота,
Она вдали украшена мечтами,
А ближе оскорбительно проста.

* * *

А.Т. Я поисками утомлен
 Того, что истиной зовется...
 Беспомощно мой локон вьется,
 И мозг, как уголь, воспален...

Всевышним предопределен
Путь паладина и поэта...
Сомненья прочь! Я знаю это,
Поскольку верой ослеплен...

Гдестина? Ее следы
Хранят измятые листы
С незавершенными стихами...

Но поиски прекращены,
Надежды в сны обращены,
И перечеркнуты клинками...

* * *

- Я.К. Признаются заслуги красоты,
Убийца не останется счастливым.
В деянья воплощаются мечты,
Приходит все, есть в мире справедливость.
- Осветится то, что лежит во мгле,
Наступит исполнение желаний.
Есть все же справедливость на земле:
Приходит все — но только с опозданьем.

Акростих (мечта)

- А.Т. Мысль не рождается случайно,
Ей все подвластно на земле...
Что происходит дальше — тайна,
Талант встречает смерть в петле...
А серость гроб несет печально.

* * *

- Я.К. Если будет король у страны силен —
Соберется в дальний поход,
Заберет с собою всех сильных он,
И никто назад не придет.
- Но, оплакав мертвых и все забыв,
Может быть, через сотню лет
Будут песни петь на старый мотив
Королю, которого нет.
- И никто об этом не мог узнать,
Хоть все знали до одного...
И останется только Глэдис ждать
Милого своего.

ЗА КУЛИСАМИ ШЕКСПИРОВСКОГО ТЕАТРА „ГЛОБУС“ 123

Вступление к третьей части

А.Т. Теперь, не спеша, мы отправимся дальше
Туда, где сиянье кинжалов и слез...
Где искренность — редкость, зато много фальши,
Фальшивым признаниям верят всерьез...

Фальшивым признаниям верят мгновенно,
Потом не стыдятся заломленных рук...
Страдают и плачут уже откровенно,
В глазах сохранив нефальшивый испуг...

Стоглавый испуг порождает злодейство,
К злодейству легко привыкает любовь...
Театр Шекспира — восторг фарисейства
И бьющая рифмой проверенной кровь...

Ревнивая страсть не приемлет отказа,
Театр и жизнь — вот последняя фраза!

* * *

А.Т. Один король
 уже на склоне дней
Прибежище отправился
 искать
У дочерей,
 что научились лгать.
Ложь поначалу
 кажется умней

Бесстрастной правды. Та среди камней
Нередко остается на ночлег,
Но воду пьет из самых чистых рек
И вдоволь кормит клевером коней...

...Король от старшей получил отказ,
И слезы покатились вдруг из глаз,
Дочь старшую он отличал особо...

К другой стремился сердцем, впрочем, зря,
Лишь младшую, за кровь благодаря,
Он оценил, идя за крышкой гроба...

* * *

Я.К.

Зачем мы начали играть?
Не хватит ли игры и в жизни?
С безликих маску не сорвать:
Без маски нет лица в отчизне.

Быть может, неудачник мстит,
Играя грешником кумира,
Быть может, маска — это щит
От наступающего мира?

Привыкли думать вы, что здесь
Фальшиво счастье и несчастье,
Царит надуманная спесь,
Горят надуманные страсти.

Нет, здесь отсутствует финал,
И вечно с этой вечной сцены
Мы вглядываемся в ваш зал,
В веках не видя перемены.

И есть ли в нашей жизни час,
Когда бы мог раскрыться гений?
Мы носим маски среди вас
И сбрасываем их на сцене.

Камзол, манжеты и колет
Для нас удобней, современней.
Вне времени живет поэт,
Вне времени его творенья.

Вы не поверите ему
Без фабулы и блеска пьесы,
Средь вас нет места ни уму
Шута, ни верности принцессы.

Не может быть, чтоб среди вас
Он жил, творил, любил и бредил,
Лишь здесь, сегодня и сейчас,
В спектакле, вы — его соседи.

Сомненья можете пресечь,
Высоким стилем насладиться,
Услышать истинную речь,
Увидеть истинные лица.

ЗА КУЛИСАМИ ШЕКСПИРОВСКОГО ТЕАТРА „ГЛОБУС“ 125

* * *

А.Т.

Я влюбился в сонет
И с тех пор неразлучен с пером,
Пусть звенят серебром
Голоса незапамятных лет...

В лучший бархат одет,
Королевским обласкан двором,
Я с Шекспиром пью ром
И шучу, как с поэтом поэт...

Мне Петрарка всерьез
Говорит о ловушках Судьбы,
О бесцветности слез
И слепом обожанье толпы...

Но я знаю — итог —
Песнь в четырнадцать строк!

* * *

Я.К.

Рождаясь, не ведешь ты счет годам
И в спешке забываешь ты молитвы —
Высокой справедливости звезда
Тебя пленяет и ведет на битвы.

И можешь ты сначала все начать,
Свои развенчивая идеалы
И на врагов обрушивая скалы,
А перед смертью хочется кричать:

„Любите всех, не совершайте зла,
Вам всем не избежать кошмара смерти —
Рожденье за чертою или мгла,
Иль неизвестность жезлом знаки чертит.

Не все ль равно — ведь это твой итог,
Ничтожны человеческие страсти
В сравненье с тем, что даровал нам Бог, —
С одним мгновением земного счастья.

Не отнимай его ни у кого —
Ни солнца, ни дождя и ни рассвета,

Мгновенное природы торжество.
Ничем не оплатить утрату эту.

И совмешение не в нашей власти
Возмездья, справедливости и счастья“.

* * *

Я.К. Пока сознанье бег не завершит,
И кровь пока на белый лист не брызнет,
Есть только состояния души,
Что кажутся безвыходностью жизни.

Религия, политика, война,
Закрученные в мировом движенье, —
Психического бег веретена,
Что нить прядет всемирного творенья.

Их поняли когда-то в мелочах
Всесильные жрецы в долине Нила,
И до сих пор стоит на их плечах
Пылающее судьбами горнило.

Бег настроения, личности и всех
Сплетает философии и нравы,
Рождает круг мучений и утех
Настоянная на крови отрава.

Дороже всех сокровищ на земле
Хоть толика, хоть доля оптимизма —
Вот то, что держит всадника в седле,
Вот то, что нас привязывает к жизни.

И хитрым ходом мировых часов,
Что скрежетом нас будит спозаранку,
Влекут пред нами сладковзвучный зов,
Нас всех ведут за этою приманкой.

Вот самый дорогой для всех товар —
Никто не согласится обменяться —
Как крысы, все под властью этих чар,
За дудочкой обманщика стремятся.

То деньги, то свобода впереди....
Кому какая подойдет приманка —

И шепчут в ухо нам: „Иди, иди!
Пришпоривай коня, крути баранку!“

Остановитесь! радость жизни — здесь!
На миг от злых сирен заткните уши!
И с мертвых тех жрецов събьете спесь!
Пустите оптимизм! Откройте душу!

Послесловие

А.Т.

Театр поэтов,
Театр Шекспира...
Во власти сонетов
Трагедии мира...

Во власти ошибок
Комедии света...
Где много улыбок,
Там глупость раздета...

Где много скитаний,
Там коротки встречи...
Пьют слезы страданий
Английские свечи...

В театре поэтов
Театр Шекспира...
Дороже ответов
Звучащая лира...

Дороже вопросов
Стремленья и чувства.
Придворный философ
Далек от искусства...

Далек от интриги
Скучающий гений,
Забросивший книги
На полки сомнений...

С Театром Шекспира
Театр поэтов —
Собрат и транжира
Уверовал в это!

ГАЛАНТНЫЙ ВЕК

* * *

Я.К.

Загадочность сцены
Магической грани,
Чьи чувства бесценны,
Чье манит сиянье.

Я Вас приглашаю:
«Войдите, войдите!»
Закутайтесь шалью
И перешагните.

И мир оглядите
Со сцены, со сцены.
Здесь солнце в зените
Всегда, неизменно.

Здесь время мерцает,
Как газа портьера.
Пусть вас отрицает
Наивность партера.

Над нами не властны
Ни люди, ни время.
Мы робки и страстны,
Созвучные теме

Мы сами себе
Сотворили реальность
И ценим в судьбе
Только оригинальность.

Флер легкого флирта,
Без тени разврата,
Дыхание мирта
И блески агата.

В муаре кружится
Плечо и колено,
И кружев клубится
Обманная пена.

Желанные губы
Пусть гнутся в улыбке.
Устои у клуба
Фривольны и зыбки.

Кошачьи изгибы
В движеньях и позах.
Ответ — либо-либо —
Пустая угроза.

На нас наступает
Тлетворная старость.
Снежинка растает,
И сколько осталось —
Загадка, загадка.
Ни в чем не уверен
Как сладко, как сладко
Не верить в потери.

Мы так мимолетны,
Мы так быстротечны.
Пусть грянет гавотом
Беспечная вечность,
Закроем же двери
И шторы задвинем.
Пусть пламя мистерий
Пылает в камине.

* * *

А.Т.

Камзолы, перья, треуголки,
Пальба и доблесть в изобилии.
На белом королевском шелке
Цветут три золотые лилии.

Победы, взоры юных граций,
Балы, мелодии старинные,
Остроты вместо сатисфакций,
Измены легкие, невинные...

Галантный век авантюристов,
Картежных баловней и гениев,
Свихнувшихся идеалистов
С непревзойденным самомнением...

Галантный век карет дорожных,
Детей внебрачного рождения...
Век шпаг придворных в тесных ножнах —
Тебе сегодня предпочтение!

* * *

Я.К.

Галантный век, летят кареты
И хлестко щелкают бичи.
Заряженные пистолеты,
Огни трактирные в ночи.

Из театра поздние прогулки
И фонарей неровный свет,
И стычка в темном переулке,
И в трости спрятанный стилет.

Напыщенность любезной маски,
А в хрустale горит вино.
Обворожительные глазки
Маркизы юной в домино.

И тело гибкое в постели
Раскинулось, дрожа в огне.
И холод утренней дуэли,
И кровь на каменной стене.

Какая изощренность вкуса,
Какая тонкость бурных чувств.
Остроты сыплются, как бусы
На этом празднике искусств.

Балы лукавого Версала
И краснота набрякших век.
На что, на что вы променяли
Галантный век, галантный век!

* * *

А.Т.

Парик, камзол, ореховая трость
Изящная французская походка...
Вчера была дуэль, сегодня гость,
А завтра будет юная красотка...

Но время есть по городу пройтись,
С тяжелым кошельком и легким сердцем...
Еще одним слугой обзавестись,
Возможно, темнокожим иноверцем...

Вчерашнему противнику визит
Нежданно нанести, простишь бедняге
Его стихи. Вернуться в дом, где щит
С изображеньем розы, льва и шпаги...

А дальше гость, провансское вино,
Воспоминанье о пиратском плене...
Откуда вместе вырвались давно,
Ввязавшись в бой всерьез, а не на сцене...

Тогда не мало крови пролилось,
Не мало пролилось вина из бочек...
Нам помогли отчаянье и злость,
И на плечо вспорхнувший ангелочек...

Ореховая трость, камзол, парик...
Пока я полон сил, мир не безлик...

Маркиз Де Воруак

Я.К. Маркиз де Воруак — любимец и любовник,
Святоша и позер — маркиз де Воруак.
Ужасный фантазер, вельможа и сановник,
Участник всех интриг и всех трактирных драк!

Но если к вам приходит беда,
К нему вы обратитесь.
Он женщинам поможет всегда
Любезно и легко.
На безотказную шпагу его
Спокойно положитесь,
На память останется вам колье
Эпохи рококо.

Маркиз де Воруак любезный и надменный,
Прекрасного знаток, ценитель легких вин.
И собиратель всех безделиц драгоценных,
И соблазнитель всех прекрасных половин.

Но если к вам приходит беда,
К нему вы обратитесь.
Он женщинам поможет всегда
И даже их мужьям.
На столь безупречно тонкий вкус

Спокойно положитесь,
Доверьте ему вести дела,
А прибыль пополам.

Граф Де Восамерт

- А.Т. Де Восамерт — престранный граф
Знаток интриги и отрав,
Язвительный поэт и мастер шпаги...
Он соблазнитель «верных» вдов,
Всегда на шалости готов,
Едва услышит о де Воруаке...
- Де Воруак известен Вам
По столь же тонким кружевам,
Де Восамерт, де Воруак похожи
На этот сумасбродный век,
Где кони ускоряют бег,
Где на дуэлях сходятся вельможи...
- Де Восамерт — беспечный граф,
Де Воруаку проиграв
Любовницу, изысканно оделся...
И в тот же вечер сразу двух
Сумел найти, пикантный слух
Мгновенно по Парижу разлетелся...
- Ах, авантюрные дела —
Погони, дамские тела,
Магические игры Калиостро...
Де Воруак, де Восамерт,
Вино, калода карт, дисерт —
Одновременно сладостно и остро...
- Де Восамерт — занятный граф,
Он прав, когда король не прав...

Реплики за игрой в карты

Де Восамерт

Итак, маркиз,
Посмотрим наши карты...
Какой сюрприз!

Сегодня Вы азартны,
Азарт в игре — дурной советчик...

Д е В о р у а к

Что Вы!
Играйте, Ваши выпады не новы...

Д е В о с а м е р т

Однако, сударь, эта карта бита,
Вы разорились... вот Вам и финита...

* * *

Я.К.

Ещё вина! Я ставлю сотню!
Рука предательски дрожит,
Как будто Бог мой разум отнял,
Заставив с дьяволом дружить.

Предательство! Я проигрался!
Вот с пальца дедовский алмаз.
Ну нет, приятель, я не сдался,
Он выручал меня не раз.

В порыве я ломаю шпагу,
Чтоб не досталась подлецу.
Эфес в рубинах жалкий скряга
Продаст заморскому купцу.

Ну что осталось? Лошадь? Слуги?
На кон, конечно же на кон!
И отшатнулись все в испуге,
И взвился жадности дракон.

А он стоит, и ни кровинки
В лице насмешливом его.
И карты в этом поединке
Не значат ровно ничего.

Сломайся дьявол! Я сильнее!
Улыбку я с тебя сорву.
С хромой старухой, даже с нею
Не побоюсь вести игру.

И вот именье родовое
Играет роковую роль,
Что предкам дальним после боя
В слезах пожаловал король.

Мое огромное именье,
Как честь наследная моя,
Из поколенья в поколенье
Переходило сыновьям.

Все проиграл! Теперь я нищий!
И шпаги нет, один кинжал.
И Бог меня глазами ищет...
Он знал, конечно же он знал!

* * *

А.Т. Вся жизнь моя сплошная авантюра —
Стихи, дуэли, женщины, вино...
Принесена им в жертву шевелюра
И ветреная юность заодно...

Но я еще царапаю сонеты
И угощаю шпагою врагов...
Ласкаю дам, не разлюбив рассветы,
И контуры туманных берегов...

Еще в шампанском нахожу веселье,
Хотя в глазах и прячется печаль...
То в вист сажусь, то в памфил от безделья,
А бросив карты, об пол бью хрусталь...

Вся жизнь моя — сплошные прегрешенья —
Объятья, шум, уход через окно...
И только сны даны мне в утешенье,
Где многое, как будто, прощено...
Но верить снам — наивно и смешно...

* * *

Я.К. Драконом вечным выгнув спину,
Низвергнут и боготворим,
Дворцы роскошные раскинул
Размякший от блаженства Рим.

И на кресте из наслаждений
Болезненных, как в ранах соль,
Веселья пробуждая гений,
Висит, сплетаясь, знать и голь.

Блудницы воют, как волчицы,
То басом стонут, то визжат,
И катится на колеснице
Из голых тел ночной разврат.

А фантастические позы
Безумьем скотским режут глаз,
А спины гнутся словно лозы
Без устали за часом час.

Дрожит вселенская столица,
Ее холмы напряжены.
И пот чуть розовый струится
На мрамор дивный белизны.

* * *

А.Т.

Ах, эта мушка на груди
Стареющей аристократки...
О ней фривольный стих прочти,
На комплименты дамы падки...

Вознаграждением за ночь
Послужит кошелек княгини...
А там на очереди дочь,
Та, что сама одежды скинет

И поцелуем напоит
Вполне достойным куртизанки...
Пока княгиня сладко спит,
Княжна уступит... и из ранки

Две алых капельки сбегут
На девственное покрывало...
Глаза княжны потом солгут,
Но не избавят от скандала...

Ах, эта мушка на груди
Взрослеющей аристократки...

Рассвет, последнее прости...
Разлуки долги, встречи кратки...

Воспоминания в пути,
Порой горьки, но чаще сладки...

* * *

Я.К. И нежный голос, и напудренный парик,
И эта мушка на лице из алебастра,
И восхищения и страха полный крик,
И увядающая на граните астра —
Все вместе так меня волнует,
Но тему я избрал иную...
И нашу маленькую оду,
Что прославляет эту моду,
Я посвящаю декольте,
Что так чарует тет а тет.

Незащищенное стеною полотна,
Я вижу Ваше учащенное дыханье,
И Ваша грудь дрожит, как полная луна
В пруду ночном отражена в своем сияньи.
Она нежна, полна и гладка,
Она открытая загадка...
И нашу маленькую оду,
Что прославляет эту моду,
Я посвящаю декольте,
Что так волнует тет а тет.

Бессилен мрамор, он не может так пылать.
Бессильно пламя, что не может быть прохладным,
А розоватость холст не может передать,
А эта мягкость и прозрачность так отрадна,
А сдвинешь лиф на волосок
И как восход горит сосок...
И нашу маленькую оду,
Что прославляет эту моду,
Я посвящаю декольте,
Что так прекрасно тет а тет.

* * *

А.Т.

Карета по дороге катится,
У дверцы всадник молодой,
С которым путница расплатится,
Но не монетой золотой.

Своими розовыми губками
В гостинице, где суждено
Им пить вино большими кубками,
Разврата мертвое вино...

Потом разъедутся любовники,
Она к супругу, он к друзьям.
Его произведут в полковники
За то, что будет храбр и прям...

Она потратит состояние,
Из пепла возрождая храм.
И все-таки слова раскаянья
Порочным не шептать губам...

Они еще однажды встретятся,
И снова мертвое вино
Рубином дьявольским засветится,
И кубков обнажится дно...

Кошмаром лет карета катится,
Седой полковник на коне
Вот-вот рукой за сердце схватится
И тихо отойдет во сне...

* * *

Я.К.

Интрига — королевская игра,
А шахматы давно забыть пора,
Расчет царит повсюду.
Изящно к месту брошенный намек,
Одно письмо и толстый кошелек,
И вот в петле иуда.

Вдруг сделал враг
Неверный шаг
И побежден,
И сдался он,
А верный друг

Вас предал вдруг
И в стан врагов
Уйти готов.
Вы не найдете это в книге.
Поможет Вам
Найти ответ,
И дьявол сам
Шепнет секрет,
И очарован
Ангел ваш
Простит любовный
Вам пассаж —
Искусство тонкое интриги.

Один лишь ход по шахматной доске,
И Ваша жизнь висит на волоске,
Один поклон и все в порядке.
За золото подкупленный гонец,
И замыслам диктатора конец,
Со смертью мы играем в прятки.

Вдруг сделал враг
Неверный шаг
И побежден,
И сдался он,
А верный друг
Вас предал вдруг
И в стан врагов
Уйти готов.
Вы не найдете это в книге.
Поможет Вам
Найти ответ,
И дьявол сам
Шепнет секрет,
И очарован
Ангел ваш
Простит любовный
Вам пассаж —
Искусство тонкое интриги.

Реплики за игрой в карты

Де Восамерт

Бросаю карты. Проиграл.

В кармане мелкая монета...
 Я предлагаю Вам скандал —
 Одну из куртизанок света...
 Вы мне прощаете долги,
 И кое-что еще дадите
 За право целовать чулки...
 ...Что не согласны? Как хотите...

Д е В о р у а к

Я не согласен! Что Вы, граф!
 Постойте, у меня есть замок...
 Я тот-час откажусь от прав
 И заберу лишь пару рамок
 С портретами моих друзей...
 Ну а теперь скорее к ней!

* * *

Я.К.

Хочется чувствовать молодость
 Телом своим напряженным,
 Быстрого, острого голода,
 Данного только влюбленным.

Хочется вечно улыбчивой,
 Хочется детской и мудрой,
 Чтоб говорить с нею сбивчиво,
 Празднuya позднее утро.

В час, когда ветер безбрежности
 Тлеющий вечер отпустит,
 Хочется ласковой нежности,
 Хочется трепетной грусти.

На берегу под смоковницей
 Гладить дрожащие плечи
 Юной влюбленной любовницы,
 А расплатиться-то нечем.

Р е п л и к и з а и г р о й в к а р т ы

Д е В о р у а к

Граф, Вы воистину хитрец!
 Вручили мне мою супругу...

Да, кстати, как Вам ваш дворец.
Понравился? Подайте ж руку...

Д е В о с а м е р т

Дворец? Да будет Вам, маркиз,
Ваш розыгрыш вполне удался...
А королю какой сюрприз!
Я с важной должностью расстался...
Вы передали мне дворец
Его величества, прелестно...
Я впал в немилость! Я беглец!
Что будет дальше не известно...

П о с л е п а у з ы

...Увы, я вынужден бежать,
Ну как Вам руку не пожать...

* * *

Я.К.

Век галантных кавалеров,
Куртизанки и пажи,
Гобелены на шпалерах,
Треуголки, плумажи.

Время фарсов и мистерий
И видений роковых,
Фантастических поверьй
В тайны замков родовых.

Полумаски, полушутки,
Колкость взглядов, бледность рук,
Слух изысканный и чуткий,
Дробный гулкий сердца стук.

Изощренность восприятия,
Зоркость душ и зоркость глаз,
Извращенные понятия
Недоступные для нас.

Чувств изысканных сомненья,
Полонезы и стихи
Оживляют привиденья,
Духов леса и стихий.

Всех предчувствий обостренность.
Расположенность планет.
Ритуала завершенность.
Рвутся демоны на свет.

Утонченность ощущений
Позволяет увидать
Материальность наваждений,
Не оставивших следа.

Герцогини и сатиры
Растревожили, смеясь,
С тем потусторонним миром
Отвратительную связь.

* * *

А.Т.

Золотыми монетами
Дождик с небес...
Мы зовемся поэтами
В мире чудес...

Мы зовемся пророками
В мире больном,
Что печальными строками
Лечат и сном...

Пусть мы кажемся странными
Многим из Вас...
То зарей, то туманами
Утренних глаз...

Мы богаче и сказочней
Всех королей...
Звездных улиц загадочней,
Света светлей...

Мы зовемся поэтами
В мире чудес,
Где играют монетами
Ангел и бес...

* * *

Я.К.

Поэт над миром вознесен,
Он царь, он Бог своей вселенной.
И в будущее только он
Несет свет вечности бесценный.

Вот он пленен, вот он убит,
Вот вознесен, вот опорочен...
Что лучше славу подтвердит?
Что омрачит величье строчек?

Над всеми властвует судьба
Непостоянна, прихотлива,
Но и она ему раба,
Как ни робка, как ни блудлива.

В изгнании и на кресте,
И на пиру, и в спальне дамы
Поэт привязан лишь к мечте,
Приветствуя развязку драмы.

Поэт, как равный говорит,
Скорее это им награда,
С диктатором, что кровью сыт,
Творцом и демонами Ада.

Не разорвать златую нить!
Ну что ты мнешься? Что ты роешь?
Ну можешь ты меня убить,
Но это будет смерть героя!

Могу смеяться невпопад!
Могу рыдать! Могу пророчить!
Могу, и даже буду рад,
Писать стихи из многоточий!

Одна блистательность залог
Успеха благородных строк!

* * *

А.Т.

Все бессмысленно, стихи
Не приносят утешенье...

Дар пропал, глаза сухи,
Неестественно скольжение

По искусственному льду,
Что я сам назвал Судьбою
В гипнотическом бреду,
Издеваясь над собою...

Перья брошены в окно
Строфы преданы злословью...
Только красное вино
По губам стекает кровью...

Мне и больно, и смешно
Рифмовать его с любовью...

* * *

Я.К. Стучась в холодные стальные двери.
Я брался за любой полезный труд.
Но постепенно разучившись верить,
Я понимал — меня нигде не ждут.

В последний вечер небо будет жарким,
Гостям на блюде сердце подадут.
Я вынужден навязывать подарки,
И все равно меня нигде не ждут.

Я предлагаю все — талант и волю,
С поэта только шкуру продадут.
А ей цена — одна лишь горстка соли,
А самого его нигде не ждут.

Когда я попаду в объятья смерти,
И труп мой станет черен и раздут,
То отвернутся ангелы и черти.
Мне кажется, меня нигде не ждут.

Пока живу и после смерти с вами,
Один я буду штурмовать редут
И буду камни расплавлять словами,
Мне все равно — меня нигде не ждут.

* * *

А.Т.

Пока в бокалах пенится вино,
Пока рука не выронила шпагу,
Со мною будет то, что быть должно,
Сиянье стали не уступит мраку.

И пусть посланцев дьявола не счастье,
Им никогда не одержать победу!
Непобедимы искренность и честь,
Присущие последнему поэту...

* * *

Я.К.

Я вам не должен ничего.
За все надежды и потери,
За то, что ни во что не верю
Я вам не должен ничего.

Вы подарили мне изгнанье
И обесценили его,
Но за такое воспитанье
Я вам не должен ничего.

Вокруг нет ни ума, ни чести.
Не упустить бы своего.
Нет, я не опущусь до мести,
Но я не должен ничего.

Давно уже живу во сне я.
У вас есть все — и Бог, и страсть.
Но прибыль все-таки важнее,
И все-таки сильнее власть.

Я много получил от жизни,
Поверьте, много больше вас,
Но вопреки моей отчизне,
Сражаясь с веком каждый час.

Ни уваженья, ни участья,
Ни состраданья моего
Вы не получите и части —
Я вам не должен ничего.

Когда вы скажете — Довольно!
 Наточенному палашу,
 За холод глаз моих невольный
 Прощенья я не попрошу.

* * *

А.Т.

Огненная корона
 Падает с головы.
 Кровоточит икона,
 Губы Христа мертвы.

Вечность никто не слышит,
 Только один поэт
 Огненной кровью пишет
 Строки, которых нет.

В розовом океане
 Таёт красивый сон,
 Тонет в Христовой ране
 Огненный чей-то стон.

* * *

Я.К.

Я забыл. Я забыл. Я забыл.
 Как мечтательно, как высоко.
 Упованья надежд, кто я есть, кем я был,
 Кто сидел над великой рекой.

С ужасающей краткостью миг зацепил,
 Наступающей вечности миг.
 Я забыл, будто колокол грянул уныл,
 Все, чем жил, что любил, что постиг.

Я забыл, что всему наступает конец,
 Жизнь нисходит до уровня снов.
 И смыкаются цепью жемчужных колец
 Голоса лишь подсказанных слов.

Я забыл вкус воды и названье огня,
 Поступь слез и дрожанье гитар.
 Уходящую память былого меня
 Променял на прореческий дар.

* * *

А.Т.

Разбитым ртом я улыбаюсь
Распятый на кресте...
В воспоминаниях копаюсь,
Они не те...

Жизнь кровью алою сочится
Из свежих ран моих...
И воет римская волчица
На нас троих...

* * *

Я.К.

Ты говоришь, мои стихи
Никто на свете не читает,
Что не листают их верхи,
Низы совсем не замечают...

И для поэзии давно
Пора забвения настала.
Что выглядит поэт смешно,
А почитателей так мало...

Несчастен был бы жребий мой
И бесполезными прозренья,
Когда бы этот сброд тупой
Любил мои произведения.

Стихи на грядках не растят,
Не подают скоту на ужин...
Я рад, конечно же я рад,
Я счастлив, что тебе не нужен.

* * *

А.Т.

Поэзия — вселенная любви!
Вселенная любви полна печали...
Любовь усладу дарит нам вначале,
А после шепчет тихо — Не живи...

Поэзия — вселенная тоски,
Тоска толкает к пропасти поэтов...
Но строки не дописанных сонетов
Достойны не написанной строки...

Поэзия — вселенная стихов,
Что сна лишают женщин и врагов,
Не потому ль пророков ненавидя,

Те и другие все же ценят их,
И их читают, в мягких креслах сидя,
Устав от вин и лакомств дорогих?

* * *

Я.К. Я научу Вас жизни высшей,
Я Вам открою тайный знак.
И каждый голос тьмы расслышит,
Сказав себе — Да будет так!

Займемся мы столоворченьем
И дух проникнет в вещество.
А что за этим откровеньем?
А что? А что? Да ничего!

Я соберу с Вас золотые,
А после по миру пущу!
Ну что раскрыл глаза святые?
Я вам лукавства не прощу.

Я к вашей не стремлюсь морали.
Откуда я такой возник?
Как вы то мною торговали —
То на войну, то на рудник!

Вы покровители талантов?
Стремитесь к ценностям ума?
Лжецы, предатели, педанты,
И Бог ваш — грош, и счет вам тьма!

Я полз по вашему болоту,
Никто тогда мне не помог.
И только топи словно соты
Засасывали слез поток.

Я предлагал вам бриллианты
Стихов, изобретений, нот.
А вы, смеясь, мои таланты
Закладывали под сукно.

И вот задиристый и дерзкий,
Свой груз оставив, на заре
Я над болотом вашим мерзким
Лечу на мыльном пузыре.

И сразу же рукоплесканье —
Он полетел! Он полетел!
Но не талантом и стараньем
Я получил то, что хотел.

Вы молитесь на лицемерье,
Играя раболепью туш,
Питая к низости доверье,
Обман — бальзам для ваших душ!

Как просто я добился цели,
Порокам вашимбросив клич.
Подлец? А что бы вы хотели?
Я буду резать вас и стричь!

* * *

- А.Т. Кровью золото добыто,
Кровью липкой как вино...
Кем и где? Все шито-крыто,
Ясно только — вот оно!

В кошельках, набитых тugo
На причудливом столе...
Прячет жадный взор прислуha
При довольном короле...

Звон пистолей слух ласкает,
За окном шумит толпа...
С алебарды кровь стекает,
Переменчива Судьба!

Гильотина... утро казни...
Бледен гражданин король...
Не его сегодня праздник,
Палачу вручен пистоль!

* * *

А.Т.

Век быстрых денег, век интриг,
Не правда ли, все так похоже?
Но ложь пройдох и новых книг
Поток кровавый уничтожит!

За развращенность душ и тел
Должна последовать расплата.
Уж гильотины нож взлетел
Над головой аристократа.

Быть может Вам остался миг
И только шаг до эшафота.
Век быстрых денег, век интриг
Отменит пляска санкюлота.

В дурацком красном колпаке,
С нахально грубыми чертами.
Плясать на гробовой доске
Легко научитесь Вы сами.

Вы, устремляющие взор
На сцену, где играют это,
Запомните! Грядет террор —
Вот предсказание поэта.

Беспечность ужаснется вновь,
Прольется кровь...

* * *

А.Т.

В камзоле восемнадцатого века
Хотел бы я прогулки совершать,
В чулках и в парике белее снега,
При шпаге, что не надо обнажать.

Хотел бы я быть дамским волокитой,
Писать трувэли и дразнить Судьбу,
В карете мчаться, окруженнай свитой,
С едва заметной складкою на лбу.

Хотел бы я однажды на рассвете
Соперника с досады заколоть,
И с легкостью слова бросать на ветер,
Но век иной? Назначил мне Господь.

ШЕПОТ ДЬЯВОЛА

* * *

Я.К.

Как надоели глупые книги,
Что оставляют нам мудрецы!
Тяжкие догмы, словно вериги,
Ташат бессонно в них мертвцы.

Жадные люди — времени воры —
Скучно танцуют, все невпопад,
Как надоели ваши раздоры!
В стане безумных — дикий разлад...

Хочется пьяной жизни героя,
Все эти склоки — не для меня.
Вы доживете — я вам устрою
Жаркий жестокий праздник огня.

Хочется песен, слез карнавала,
Замков зажженных, пьяных затей,
Вещих прозрений, блеска кинжала,
Тел обнаженных, легких смертей!

* * *

Я.К.

Огни взлетают фейерверками,
Дробятся гранями каналов,
Блестит магическое зеркало
Венецианских карнавалов.

Под масками глаза игривые,
И в шорохе плащей и платьев
Развязные и похотливые
Прикосновенья и пожатья.

В толпе, в движеньях хаотических
Стужу желанье крови в теле:
Я вышел в этот мир мистический
Для грабежа и для дуэли.
Презренье щеголю надменному
И оскорблении витийства,
А шпага тонкая, бесценная
Всегда готова для убийства.

Сталь зазвенит струной пророчащей,
Застынет в смертном поцелуе,

И потекут волной клокочущей
Из горла розовые струи.
В крови испачканное золото
Я брошу в грязные трактиры,
Где смрад, где зеркало расколото,
Где смяты юбки и мундиры.

И золото легко растратится,
И заключат меня в объятья
Венецианские развратницы
В открытых драгоценных платьях.

И во дворцах аристократии
Красавице из рода дожей
Я буду клясться на распятии
И прижиматься к нежной коже,

Той коже что на сгибах детская,
А плечи мраморны и гладки,
А в складках розовая, дерзкая,
Открытая в истоме сладкой.

И изменю ей тем же вечером
С молоденькою куртизанкой,
Прикрывшей груди сальным веером,
И на губе укуса ранкой.

* * *

Я.К. В небе мечутся всполохи пламени...
Я врываюсь во вражеский стан,
И следы остаются на знамени
Кровью пахнущих резаных ран.

Я пьянею от криков проколотых,
Полусонных визжащих солдат.
Не за честь, не за власть и за золото
Обрекаю я душу на ад.

И с разбойниками и скитальцами,
Глядя в очи, отбросив свой нож,
Я душу, ощущая под пальцами
Смертных судорог сладкую дрожь.

Не отмывшись от крови и копоти,
На роскошных персидских коврах

В криках страсти и похоти шепоте
Отдыхаю на пышных пирах.

Всех оттенков глаза их и волосы,
Кожа нежная их всех мастей,
Только нотки похожие в голосе
От прилива животных страстей.

Груди пышные гладжу небрежно я
И целую их всех наугад,
И с разнуданной, полной и нежною —
Огнедышащий влажный разврат.

* * *

Я.К. Одежды в складки собираются,
Кипит, туманится сознанье,
И грудь, и ноги обнажаются,
И зажигается желанье.

И убыстряются движения,
И в напряжении и в поте —
И кожи жадное скольжение,
И судороги жаркой плоти.

* * *

Я.К. Я ненавижу лицемерие
И тайное злодейство Бога
Что, дьяволу отдав материю,
Духовностью плодит убогих.

Я ненавижу книги мудрые,
Что добротой плодят бессилье:
Героев юных, души чудные
Они кладут под нож насилья.

Я ненавижу лицемерие
Жрецов, что, прикрываясь знаньем
И заманив добром и верою,
Ведут убогих на закланье.

И я воспользуюсь их кротостью,
В искусство возведя коварство,

И трупами заполню пропасти,
На ужасе воздвигнув царство.

Я все возьму, что мне захочется,
И ни во что уже не веря,
Я пью величье одиночества,
Я славлю дикий образ зверя.

И в кровь, и в мозг вгрызусь, ощерившись,
И буду пить без содроганья,
Предам друзей, в меня поверивших,
И дочь отдам на поруганье.

Я буду жаждать — и получится —
И жить кроваво и беспечно,
Потом умру — и буду мучиться,
В аду прикованный навечно.

* * *

Я.К.

Вечер. Солнце отсияло.
На столе учая торт,
К нам вошел и сел устало
Хромоногий старый черт.

Верный черт, служака старый.
Подперев спиной печь,
Сев поближе к самовару,
Он завел такую речь:

„Ни вина, ни дисциплины
Ни на небе, ни в аду,
И недаром хвост ослиный
Нам мешается в ходу.

Ни огонь, ни холод смерти
Не идут за сатаной.
Дети, дьяволу не верьте:
Он бессильный и смешной“.

* * *

- А.Т. Шепот дьявола нас отрывает от сна,
Шепот дьявола слух развращает посулом...
Шепот дьявола губит вернее вина,
Заставляя шептаться с заряженным дулом...

Шепот дьявола — зависть враждебного я,
Нескрываемый страх, пережитый когда-то,
Ложь и лесть, и, шипящая в кольцах, змея...
Шепот дьявола — зов вездесущего ада...

Кровоточащий зуб разгрызает мечту,
И наивность обыденность лет пожирает...
Шепот дьявола миру пророчит беду
И, поддавшись ему, этот мир умирает...

Шепот дьявола — общая наша напасть,
Шепот дьявола — неодолимая власть...
<1996>

17 декабря

- А.Т. В револьвере патрон,
Я кручу барабан...
В стороне от икон,
Выпив водки стакан...

Я удачу ловлю —
Призрак будущих дней...
Страх острей во хмелю
Да и пуля умней...

Я стреляю... щелчок...
Капли пота со лба...
Вот и все, дурачок, —
Усмехнулась Судьба...
<1995>

Дама пик

А.Т.

Без азарта
Счастья нет —
Шепчет карта,
Прав валет

В отношении
Дамы пик...
Искушенья
Сладок миг...

Без соблазна
Пресно все...
Жизнь прекрасна,
Трати ее!
<1995>

Запах серы

А.Т.

Я пью вино,
Не зная меры,
Упав на дно,
Где запах серы...
Где пляшет черт,
Как шут у трона,
И тем уж год,
Что вне закона...
<1992>

* * *

А.Т.

В бокале кровь, а не вино,
Пируй, вампир!
Тебе напиться суждено,
Чтоб вздрогнул мир...

Ведь это ты меня загрыз,
Припрятав мел...
А преступление на крыс
Свалить сумел...
<1991>

* * *

А.Т. Мне нравиться беседовать с огнем,
Расположившись около камина...
Весь вечер пить изысканные вина
И вслух мечтать о чем-то о своем...

Мы в мире грез счастливее живем,
Одерживая странные победы...
Пленяя дам, как могут лишь поэты,
Сраженные предательским копьем...

Мне нравиться беседовать с огнем,
Не оскверняя образы враньем,
Которое нас делает рабами...

И ощущать ладонями тепло,
По капле испаряющее зло,
И улыбаться мертвыми губами...
<1993>

Взгляд ловит взгляд

А.Т. Взгляд ловит взгляд,
Не нужно объяснений...
Подмешан яд,
Умрет в мученьях гений...

Ну а злодей?
Он будет жить во власти
Дурных страстей,
Но не коснется страсти...
<1995>

Вот он — миг

А.Т. На закат
В окно смотрю...
В сердце — ад,
Я в нем горю...
В горле — крик,
В глазах — тоска...

Вот он — миг,
Когда строка
Ищет лист,
Сводя с ума...
„Вечер мглист,
Зима...“
<1995>

* * *

А.Т. Довольно уговаривать Судьбу
Замедлить бег и гнев сменить на милость...
Пока моя душа не утомилась,
Не лучше ль сгинуть с пулею во лбу...

А то и самому открыть пальбу
По зеркалам, чтоб платье задымилось,
И кровь игривой струйкой зазмеилась,
В недоуменье приводя толпу...

Довольно уговаривать любовь
Закрыть глаза на частые измены...
Она не перестанет хмурить бровь
И по ночам вскрывать украдкой вены...

Не лучше ли схватиться с чертом вновь
И упиваться бешенством до пены?
<1995>

* * *

А.Т. Мне очень хотелось
Понять этот взор —
Смущенье и смелость,
Тоску и укор...

Во взоре эпохи
Искал я ответ
На стоны и вздохи
Потерянных лет...

Мне очень хотелось
Понять этот взор...
Судьба разлетелась
От пули в упор...
<1995>

Табу

- А.Т. Мы пили с дьяволом вино,
 Потом бросали кости...
 Влетали молнии в окно —
 Непрошеные гости...

 Я мог бы выиграть Судьбу,
 Иль мне казалось это?
 Но дьявол наложил табу
 На выигрыш поэта...

 Когда же ночь сменил рассвет,
 Лукавого простыл и след...
<1996>

Вызов

- А.Т. Ухмыляется Сатана —
 До чего же ничтожны люди...
 Нынче совести — грош цена,
 Хоть ее подавай на блюде...

 На кусочки ланцетом режь,
 Псов корми, это корм собачий...
 Сатана потирает плешь,
 Люди тащут билет удачи...

 Лишь поэт, раздражая ад,
 Вызывает корысть к барьерау,
 Чтобы пулю послать в закат,
 Как проклятие Люциферу...

 Дьявол, Черт, Люцифер, Сатана...
 Масок много, душа одна...
<1996>

Суккуб

А.Т.

Меня смутил невинный взгляд

И вырез платья...

Она была, как говорят,

Само проклятье...

Душой и кожею смугла,

Слегка стыдлива...

Скорее пагубно мила,

Чем некрасива...

Она была желанней той,

С кем грелся в стужу...

Отдав ей крестик золотой,

Я отдал душу...

За ядовитый поцелуй

Пошел на муки...

Ну что ж, суккуб, теперь ликуй

В бесовском круге!

Меня смутил смиренный взгляд

И вырез платья...

Я из-за них огнем объят,

Проклятье...

<1992>

Инкуб

А.Т.

Я — порожденье Сатаны,

Соблазн и смех...

Нет виноватых без вины,

Пока есть грех...

Я — сон благочестивых дам

И скромных дев...

Блуждающий по городам,

Их стыд и гнев

Я — искажение мечты

Во имя Зла...

Причина яростной вражды,

Ее зола...

Я, наконец, любви палач,
Петля измен...
Мне безразличны женский плач
И взрезы вен...

Я — порожденье Сатаны,
Соблазн и смех...
Тот, кто виновен без вины,
Виновней всех...

<1992>

Магический кристалл

А.Т. Черный ветер звезды разметал,
Странные стихи сорвались в бездну...
Я нашел магический кристалл
И сейчас, разбив его, исчезну...

Растворюсь в необъяснимых снах,
Где к добру и злу одна дорога...
Где пороку молится монах,
А с креста взирает Князь порока...
<1993>

Голос Божий

* * *

Я.К.

Мне хватит в жизни терпения,
Я в воле Твоей, Господь,
Вот только боюсь мучения
Что сердце жжет, а не плоть.

Плохого в жизни не жаждал я,
Чужого я не хотел,
Хоть тяжко было, как каждому,
Не бегал от трудных дел.

На битву и на погост веди,
Но если судил мне мрак,
Не мучай Ты меня, Господи,
Возьми мою душу так.

Немало любил в судьбе земной,
Неплохо сражался я.
Я грешен, конечно, Боже мой,
Но Ты не мучай меня.

Мы все здесь Твое творение
Живем всего ничего,
Зачем же тебе мучения
Творения Твоего?

И наледи, будто проседи,
Едва освещают мрак.
Не мучай Ты меня, Господи,
Возьми мою душу так.

Ну что Тебе стоит, Боже мой,
Стальной чешуей звеня,
Пусть смерть моя прилетит за мной,
Но ты не мучай меня.

На битву и на погост веди,
Но если судил мне мрак,
Не мучай Ты меня, Господи,
Возьми мою душу так.

Ты помнишь его страдания,
Ты помнишь — Тебя любя,
В садах ночных Гефсимании
Твой сын умолял тебя?

Сжимал Он свежие проседи:
„Минуй мя чаша сия,
Не мучай ты меня, Господи...
А впрочем — воля Твоя“.

* * *

Я.К.

Вы все мое творение,
И всех я вас люблю
Любовью неизменною
К рабу и к королю.

Но раскололись вы в сердцах,
И каждый добр и зол,
И каждый смел, и в каждом страх,
И ширится раскол,

Людей для жизни выбрал я,
Как я, любить, страдать
И дал им право выбора:
Жить — это выбирать.

Подумайте, что просите,
Пред образом склоняясь:
Столкнуть соседей в пропасти
Вы просите меня.

И слыша этот скорбный глас
И мучаясь за них,
Я, как могу, спасаю вас,
Но лишь от вас самих.

Для вас я создал мира рай,
Но рать пошла на рать,
Жизнь — это право выбора,
Жить — это выбирать.

И ропот слышен каждый час —
Кто голоден, кто наг, —
Зачем я не направил вас
На каждый день и шаг.

Час света, час затмения —
Вольетесь в круговорть.

Хотите жить каменьями?
Но это будет смерть.

Из всех творений выбрал вас —
Любить, творить, играть.
Жизнь — это право выбора,
Жить — это выбирать.

Зачем я начал творчество?
Нет, не был я жесток.
Боитесь одиночества?
А я был одинок.

* * *

Я.К. Труден путь по острым камням,
И кровь заливает лоб...
Дорогу на гору я выбрал сам,
Готов мой каменный гроб.

Я счастлив, что рядом с вами был,
И вы пожили со мной,
Я радуюсь из последних сил
Радостью неземной.

Я радуюсь, что освободил
От страха тайных оков.
Я не был понят и предан был,
Но сколько взойдет ростков!

Я скоро войду в неземной эфир
И там для вас потружусь.
О, как я рад принести вам мир,
Но Боже, как я боюсь!

* * *

Я.К. Все сверкает огнями,
И так соблазнительны страсти,
И доступная власть
Увлекает, манит и пьянит.
Все мы сделаем сами,
Не пугает чужое несчастье,

Но расплата за страсть —
Одиночества страх и бессилия стыд.

Путь Божественный труден,
Но радостен преодоленьем,
Путь гармонии — вечный
Путь искренности и любви,
И идущие люди,
Преодолевая сомненья,
Озарением лечат
Растущие души свои.

Мы для дьявола — тир,
Наша вера — война и искусство,
Но счастливей удел
Тех, кто прожил под Божьей рукой.
После дьявольских игр
Сердце выжжено, грязно и пусто,
После праведных дел —
Озарение, свет и покой.

Христос

Я.К. Пустыней шел обычный странник,
 Обычно умер на кресте,
 Одно всем людям было странно,
 Одно: он жил по доброте.

И до сих пор с того мгновенья
В людской безумной суете
Живет преданье, как знаменье,
О настоящей доброте.

Его поэтов славит лира,
Германец, славянин и грек:
Один от сотворенья мира
Был все же добрый человек.

Все прегрешенья искупил он
И в наш безумный жадный век
Лишь тем одним, что просто жил он,
Один был добрый человек.

* * *

Я.К.

Дай ты, Господи, нам любви,
Мы не можем жить, не любя,
Чтоб не строили на крови,
Чтоб поверили мы в себя.

Дай нам, Господи, доброты
К тем, кто нас спасает, любя,
Чтоб любили своих святых
На земле, а не у Тебя.

Дай нам, Господи, меньше слов,
Жесткость стали, когда беда,
Чтоб прощали своих врагов
Побежденных — и навсегда.

Дай нам, Господи, две зари,
Чтобы кротко на них смотреть,
А терпение забери,
Не должны мы больше терпеть.

Чтоб ценили смех, а не медь,
Чтоб любили дух, а не плоть,
Чтобы честно в глаза смотреть —
Ты верни нам разум, Господь.

Миру — Бога, стране — Царя,
Сыну — Мать, а в конце пути
Умереть от пули не зря
Дай нам, Господи, и прости...

Ангел

А.Т.

Ангел, спасибо тебе за заботу,
Ты от соблазнов меня бережешь...
Вера вполне заменяет свободу,
Дутой свободою тешится ложь...

Ангел, я знаю, ты многое можешь,
Взор твой исполнен любви и добра...
Я пропаду, если крылья ты сложишь,
Мне одному не дожить до утра...

Ангел, пожалуйста, будь осторожен,
Обнажена у поэта душа...

Помни, поэт только с виду безбожен,
И потому, нет у нас ни гроша!

Ангел, прими эти несколько строк,
Пусть их оценит всеведущий Бог...
<1996>

Тайный свет молитвы

А.Т.

У догорающей свечи
Со мной немного помолчи...
Ее тепло в ладонь возьми
И что-то важное пойми...

У догорающей свечи
Себя молитве научи...
Молитва — это тайный свет,
Любовь спасающий от бед...
<1991>

В Дивеевском соборе...

А.Т. В Дивеевском соборе

Зажженных свечек — море,
Им не дает погаснуть над скорбным лицом нимб.
Святой глядит с иконы,
И души будят звоны,
Несчастных и заблудших спасает Серафим.

В Дивеевском соборе
Ослабевает горе,
Здесь к страждущим приходит целительный
покой.

И припадает каждый
К мощам губами дважды,
Крестясь самозабвенно дрожащею рукой.

В Дивеевском соборе
Я был с собой в раздоре,
Сознание вне тела, как облако плыло.
У райского порога
Оно искало Бога,
Пока в тоннеле темном не стало вдруг светло.

В Дивеевском соборе
Зажженных свечек — море!
<1991>

Молитва

А.Т. Жалит сердце ностальгия
 По Руси...
 Снизойди до нас, Мария,
 И спаси...

 Видишь, стерлась позолота
 Куполов...
 Происходит злое что-то
 С черных слов...

 На тебя одну надежда
 В час беды...
 Дева, в утренних одеждах,
 Где же ты?
<1991>

Божество

А.Т. Вы, как сон, таинственны,
 Как луна бледны...
 Божеством единственным
 Все ослеплены...

 Плавными движениями
 Обнаженных рук...
 Головокруженьями,
 После райских мук...

 Сколько клятв непрошеных
 Вам принесено...
 Сколько глаз встревоженных
 Встречи ждут давно...

 Чтобы на мгновение,
 Хоть из далека,
 Вызвать откровения,
 Разбудив шелка...

Чтоб потом безропотно
Место уступить...
Поклоняться хлопотно,
Но трудней любить...

Вы, как сон, таинственны,
Как луна бледны...
Божеством единственным
Все побеждены...
<1992>

Ангел-хранитель

А.Т. Мне ангел-хранитель
 Настойчиво машет крылом...
 Святая обитель
 Покончит с оставшимся злом...

 Лишь прошлое в небо
 Подняться душе не дает,
 Цепляясь нелепо,
 За плоть, что никак не умрет...
<1992>

* * *

А.Т. Голубые туманы
 Занавесили солнце...
 Я стою у оконца
 В ожидании манны...

 Все мы несколько странны,
 Веря в книжное чудо,
 Где «прилежный» Иуда
 Замышляет обманы...

 Голубые туманы
 Занавесили раны
 Иисуса Христа...

 Но они кровоточат
 И, как будто, пророчат
 Повторенье суда...
<1994>

Благая весть

А.Т.

Голубые колокола
Мне привиделись как-то раз,
И услышал я божий глас,
И посыпалась вдруг зола...

Тени встали из-за стола,
Встали жившие здесь до нас,
Прозевавшие день и час,
Неслучайной победы зла...

Эта кара, кому за грех,
А кому за дурацкий смех,
За растоптанную мечту,
За прирученную беду...

Эта кара за все, что есть...
Надо верить в благую весть!
<1994>

Крест и кинжал

А.Т.

Кто подал знак?
Не заметил я в этом кошмаре...
Друг или враг?
Впрочем, зло и добро ходят в паре...

Крест и кинжал,
Я с собою беру так немного...
Чтоб уважал
Силу враг, ну а друг помнил Бога...
<1984>

Белый ворон

А.Т.

В стае черного воронья
Белый ворон, как ангел божий...
Он не станет клевать меня,
Хоть и вороном назван тоже...

Он коснется крылом ресниц,
Чтобы я не метался в страхе...

Чтобы «птичьих» не видел лиц,
Умирая на липкой плахе...

Белый ворон — последний друг,
Дирижер неземного хора,
Надо мною сужает круг
И с крыла почернеет скоро...
<1994>

Ангелы бездны

А.Т.

Мне в жизни и смерти
Немного надо...
К примеру, чтоб черти
Убрались из ада...

Чтоб ангелов стая
Обрушилась с неба,
О чувствах мечтая,
И веря в них слепо...

Чтоб я оказался,
На время, свободен...
И чтоб не бросался
С ножом на уродин...

Чтоб были похожи
На истину строки,
Которой Святоши
Бичуют пороки...

И в жизни, и в смерти
Давно мне известны
И райские черти,
И ангелы бездны...
<1994>

Молитва на закате

А.Т.

В серебряном окладе
Старинная икона...
Молитва на закате
Не требует поклона...

Молитва на рассвете
Оберегает душу...
Господь за все в ответе,
За летний зной и стужу...

Он нас благословляет
На добрые поступки...
И в рай определяет,
Водой наполнив кубки...

Мы пьем святую воду
И библию читаем...
Уверовав в свободу,
О вечности мечтаем...

Молитва без поклона
Молитвой остается...
В поклоне нет резона,
Покуда сердце бьется...
<1994>

Распятая мечта

А.Т. На кресте распятая мечта,
 Ей мои мольбы и покаянье...
 Мир иначе выглядит с креста
 Над которым млечное сиянье...

Отчего так хочется чудес,
Даже после разочарований...
Я опять хватаюсь за эфес,
Разоренный и лишенный званий...

Без доспехов с рыцарским гербом,
Но в плаще, накинутом небрежно...
Продолжаю в стену биться лбом,
И стена раздастся неизбежно...

На кресте распятая мечта,
Мир иначе выглядит с креста!
<1994>

Райский луг

А.Т.

Я по райскому лугу
Пройдусь босиком,
Лишь отплачает свеча...
Чтоб к живущему другу
Вернуться тайком
И коснуться плеча...

Встреча будет короткой,
Похожей на сон,
Удивительный сон...
Память парусной лодкой,
Исполнив наклон,
Разорвет горизонт...

И исчезнут тревоги,
Рубец на челе
Пропадет без следа...
Друг найдет эти строки,
На пыльном столе,
И прочтет их с листа...

Я по райскому саду
С улыбкой пройдусь,
Лишь стихи прозвучат...
Заглушая утрату,
И в светлую грусть,
Превращая весь сад...

Райский сад, райский луг...
Здравствуй, добрый мой друг
<1995>

Долг

А.Т.

Нас ангел-хранитель
Всю жизнь опекает...
Сбежал бы в обитель,
Да долг не пускает...

На службе у Бога
Хранителю тяжко...
Имеет немного,
Живет как бродяжка...

А грех проворонит,
Его, за оплошность,
С работы прогонят,
Повесив безбожность...

Давайте же сами
Подкармливать духа...
Хотя бы словами,
Хотя бы на ухо...

Давайте не будем
Творить преступленья...
И страсти остыдим
Слезой умиленья...

Нас ангел-хранитель
Всю жизнь опекает...
Сбежал бы в обитель,
Да долг не пускает...
<1993>

С неба ангел спустился

- А.Т. С неба ангел спустился
И дом золотым залил светом...
Трижды перекрестился,
Как крестятся перед обедом...
- Я ему улыбнулся,
В бокалы Кагор наливая...
Ангел не обманулся,
Собратом меня называя...
- Это доброе дело —
Сказал я — излечивать души...
Только слишком уж смело,
Не зря суесловят кликуши...
- Ангел слушал и крылья
В смущении спрятать старался...
Вспоминалась Севилья,
Где он из-за женщины дрался...
- Где к грехам Дон Жуана
Добавилась смерть Командора...
Где прозрачней тумана
Казалась тяжелая штора...

Где над сломанной шпагой
Рыдала вдова молодая...
Где кичился отвагой
Посланец из тихого рая...

Я о прошлом поведал,
Чем сам удивлен был нимало...
Гость со мной отобедал,
Пригубив вина из бокала...

С неба ангел спустился
И дом золотым залил светом...
Трижды перекрестился,
Поэт повстречался с поэтом...
<1993>

Моление

А.Т. Смени свой гнев на милость, Боже,
Услышь моленья!
Дух, плоти страждущий, дороже,
Сильнее тленья...
Убереги нас от гордыни,
В неверном слове,
И научи хранить святыни
Без слез и крови...
<1993>

Тайна свечи

А.Т. Смотрю на свечу,
Молитву шепчу,
Шепчу, как во сне,
Свеча на окне...
Что пламя таит?
Торжественность плит?
Оплавленность лет?
Свет!
<1996>

* * *

А.Т. Все тайны слова разгадать
Стремились издавна поэты,

Произносили сонеты,
И мир учившие мечтать...

Творений их не сосчитать,
Но правильны ли те ответы,
Что пропускали, как рассветы
И заставляли трепетать...

В каретах трепетала знать,
Боявшаяся проклинать,
Бросаемые в вечность строки...

А в кабаках, на самом дне,
Спасенье не найдя в вине,
Пропойцы спорили о Боге...
<1996>

Храни нас, Господи

А.Т.

Храни нас, Господи, храни!
От жадности и злодеяний,
Наполни утешеньем дни
И силы дай для покаяний...

Среди уныния и тоски,
К спасению укажи дорогу,
Прости забытые долги,
Как ты прощаешь легкость слогу...

Храни нас, Господи, от бед!
Их слишком много накопилось...
К виску приставлен пистолет,
Седое зеркало разбилось...

Соблазну противостоять
Непросто, но нельзя иначе...
Нельзя нательный крестик снять,
Пока он в мире что-то значит...

Храни нас, Господи, храни!
Услышь молитвы и стенанья...
Отчаявшимся свет верни
И верой замени незнанье...

Храни Вас, Господи.
<1996>

ДВОРЯНСКОЕ
ГНЗДО

Воспоминание

А.Т.

Розовый цвет вина
Помнит усталый взор...
Строгий овал окна
С видом кавказских гор...

Древних кинжалов блеск,
Стан молодой княжны...
Черного моря плеск
И золотые сны...

* * *

Я.К.

Кавказ — за вольнодуме платы,
Кавказ — голые скалы крутые,
Кавказ — из офицеров в солдаты,
Кавказ — вечная рана России.

Здесь с врагом вы встречаетесь, глядя в глаза в рукопашной,
А враги, словно дикие звери, не знают пощады,
Вы забудете здесь обольщения жизни вчерашией,
И прекраснейших дам, и балы, и дворцы, и наряды.

Попадают сюда за бретёрство — как правило, глупо, —
Забияки, юнцы, соревнуясь в разгульном гусарстве,
Выпивохи, кормившие бюст императора супом,
За фризвольный стишок в ссылку брошены росчерком
царским.

Да, гуляли и пили они, а не кланялись льстиво,
Боже мой, ну конечно же, не было в этом измены,
Но стреляли им в спины, за камнями прячась трусливо,
Подлость праведностью почитавшие злые чечены.

Горцы верили: праведно всё, что даёт превосходство,
А дворяне бесстрашья примером их чести учили,
И хоть русские шли только трудным путем благородства,
Честь и преданность всё-таки подлость и злость победили.

Здесь ни бани хорошей, ни просто российского леса,
И отвага гусарская сходится с горскою сталью,
И бежит на врага с обнаженною саблей повеса
И ругается весело: «Ну подходи же, ракалья!»

Скучающий поэт

А.Т.

Я подношу к глазам лорнет,
Рассматриваю дам, зевая,
Отвергнутых, не узнавая,
Таков скучающий поэт...

Немногим мне за тридцать лет,
Но на лице печать разлуки...
Мои болезненные руки
Не в силах дописать сонет...

Все глупо. Призрачен успех,
Сулящий безобидный грех,
И досаждающий скандалом...

Кругом лишь маски, гаснет свет...
На сцене старенький сюжет
С фальшивой страстью и кинжалом...

* * *

Я.К.

Ах, сударыня, как Вы не правы,
Вас ввели в заблужденье манеры.
Не изнежены в нашей державе
Столь блистательные кавалеры.

Ах, как часто они погибали
На Кавказе, на Шипке, в Крыму,
Но сухими губами шептали:
„Жизнь — Отечеству, честь — никому!“

Этот денди из высшего света,
Утонченный, скучающий, томный,
Зарубил, прорезая колеты,
Четверых кирасиров огромных.

Обольстители и царедворцы,
Кавалеры, танцоры, солдаты —
Их боялись свирепые горцы,
Им сдались ветераны Мюрата.

Будьте же снисходительны, право,
И не раньте, скучая, словами...

О мадам, это русская слава
На коленях стоит перед вами.

Дворянин, полирующий ногти,
Помнит в жизни иные минуты,
Эти руки, кровавы по локти,
Русский флаг вознесли на редуты.

* * *

- А.Т. Как это глупо — с пеной у рта
Доказывать, что жизнь прошла не даром,
Что ты когда-то тоже был гусаром
И что грешил, не ведая стыда...
- Что не боялся божьего суда,
Обмениваясь сабельным ударом
С французом, освещаемый пожаром,
Теперь уж так не биться никогда!
- Еще глупее, память бередя
И часто раздражаясь не шутя,
Искать в глазах приятеля сомненье...
- И, получив уклончивый ответ,
Хвататься за дуэльный пистолет,
Кляня потом тоску уединенья...
- Не лучше ли пропасть в огне сраженья?

Посвящение

- А.Т. Ты перепутал время,
Бесчестие кляня...
Не вставить ногу в стремя
Гусарского коня...
- Не обессмертить имя
Среди кровавых сеч...
Все куплено другими,
И твой не нужен меч...
- Но лишь сомкнутся веки,
И ночь укроет сном...

Текут обратно реки
Изысканным вином...

...И опаляет пламя,
Судьбе наперекор,
Твое я наше знамя,
Пробитое в упор...

Так будь же крепок теми,
Кто опоздал, как ты...
Одним досталось — Время,
Другим — полет Мечты!

* * *

Посвящается маме

Я.К. Судьбой неведомой ведомый —
На счастье или на беду —
Я пленник родового дома,
И старой яблони в саду,

И удивительного света,
Что тихо падал сквозь листву.
И будет длиться, длиться это,
Пока смотрю, пока живу.

Пока пишу, пока мечтаю,
Мой старый дом, мой старый сад,
Как колыбель, меня качают,
И что-то тихо говорят,

И охраняют это сердце
Минуты, месяцы, года...
И я хотел бы после смерти
Остаться с ними навсегда.

Немного надо одиноким:
Чтобы, как сотни лет назад,
Вздыхал, нашёптывая строки,
Мой старый дом, мой старый сад.

* * *

- Я.К. Я, конечно, прощаю вас,
Вы бываете так добры.
Положите на раны глаз
Руки матери и сестры.
- Я, конечно, прощаю вас,
Я горю в последнем огне.
Вы в урочный весенний час
Пожелайте покоя мне.
- Вы такие, как этот свет —
Свет листвы и прекрасных тел.
Белых яблонь весенний цвет
Я любил и, как мог, жалел.

* * *

- Я.К. Я мог бы Вам писать всю ночь.
О, эта ночь неповторима!
Мгновения уходят прочь,
Невидимы, неощутимы.
- Она пройдёт — но голос мой
Останется для Вас навечно
Весенней свежестью земной
Неповторимой, бесконечной.
- Так, за столетия тоски,
Одно видение — награда.
Шевелит яблонь лепестки
Дыхание ночного сада.

* * *

- А.Т. Скучно, целюсь в даму пик.
Вид ужасен, мир ничтожен...
Выстрел, промах невозможен,
Продырявлен пулей миг...
- Глупо, среди пыльных книг
Я Судьбой капризной брошен...

Мой камзол в ломбард заложен,
Взгляд безумен, даже дик...

Скучно, целюсь в потолок.
Как в бреду, взвожу курок,
На губах усмешка злая...

Глупо, в штукатурке плед.
Развлечений больше нет,
Есть одна душа больная...

* * *

Я.К. О чем-то давнем воспоминанье
 Меня тревожит и душу ранит.
 Я помню дворик у серых зданий,
 И чьи-то тени скользят в тумане.

 Он в Петербурге, уснув, затерян.
 Строгие двери, серые стены.
 Я вспоминаю цветы мгновений,
 По четко вижу я только тени.

* * *

Я.К. Холодной петербуржскою зимою
 Случайно я пришел на этот бал,
 Тогда печаль и боль владели мною
 И одного забвенья я искал.

 И вмиг я стал богаче Креза,
 Когда коснулась сердца страсть,
 При первых звуках полонеза
 Я выбрал Вас, я выбрал Вас.

 И робость поборов надеждой,
 Я пересёк бурлящий зал,
 В прикосновенье вальса нежном
 Я Вам шептал, я Вам шептал.

 Как жаль — прервался плен волшебных ручек
 И следующий танец был не мой!

Вас пригласил молоденький поручик,
Прервав виденье грезы неземной.

Но вот в мазурке перемена,
И дамам время выбирать...
Уж восхитительного плена
Не избежать, не избежать...

И вновь от Вас повеяло весною,
Прекрасное и мудрое дитя,
И качество, задуманное мною,
Вы угадали, верность предпочтя.

И снова повстречались руки
И души улетели ввысь...
И в упоении мазурки
Мы унеслись, мы унеслись.

Теперь военная палатка
И враг от нас недалеко,
Но мне воспоминанья сладки,
И мне легко, и мне легко...

Салон Литературного кафе

M.III.

А.Т. Салон Литературного кафе,
Второй этаж — не терпящий окурка.
Здесь предается аутодафе
Обыденная пошлость Петербурга.

Здесь украшает пушкинский портрет,
Затянутую тканью темной стену.
Сюда любил захаживать поэт,
Обманчивым мечтам узнавший цену.

Здесь пистолеты подали ему,
Последний дар испорченного мира,
И я не понимаю — почему
Так трогает отторгнутая лира
Салон Литературного кафе?

* * *

- А.Т. Осталась ночь раздумий до дуэли,
Еще успеет догореть свеча...
И нацарапать остирем луча
Последний стих под музыку метели...

Сном не забыться мне, не до постели!
Выглядывает смерть из-за плеча...
И, значит, нет надежды на врача,
Решает жребий все в подобном деле...

Идут, манжетой вытираю пот,
Нетерпеливы кони у ворот,
Им волю дай — и не догонит ветер...

А на деревьях иней серебром,
Помяните ли грешника добром,
Когда ударит выстрел на рассвете?

* * *

- А.Т. Сходитесь! Сходятся... сейчас он упадет,
Не изменить кровавого финала...
Ах, если б Натали его узнала...
Ах, если б все предвидеть наперед...

Курок взведен, удара пуля ждет,
Слабеют звуки призрачного бала...
И в наши дни завистников немало,
По зависть вдохновенье не убьет!

И не растает тот январский снег,
Что скрыл от взоров благородный век,
Достойный только снежного покрова...

Не потому ли белоснежна грусть,
Питающая пушкинскую Русь
И золотое пушкинское слово...

Эполеты

- А.Т. Эполеты тяжелее,
Если неминуем бой,

Потому что цель яснее
И солдаты за тобой...

Эполеты весят мало,
Если дамы видят их,
Потому что „генералы“
Предпочтительней других...

* * *

Я.К. Пощадите корнета, графиня,
Вы же видите — мальчик влюблен:
Засыпая, твердит ваше имя
И в слезах просыпается он.

Вы же дама из высшего света,
Вам известны все тайны сердец,
Я прошу — пощадите корнета,
Взбунтовался безумный юнец.

Он в мазурке порхает пред вами,
В блеске глаз его — страсть и мольба,
Ваша холодность юношу ранит...
Не гоните, графиня, раба.

Он не тронут хандрою тлетворной,
Не больна ещё скучой душа.
Как легко и по-детски задорно
Он выделывает антраша!

Вы ведь тоже любовью томимы,
Вам наскучил унылый покой.
Кудри маленьского херувима
Приласкайте прозрачной рукой.

И пусть даже за полною чарой
Он про вас разболтает в полку —
Всё равно не поверят гусары
Подрастающему мотыльку.

Полюбите корнета, графиня,
А не то, ускользая во тьму,
Перед смертью в бою на чужбине
Вспомнить нечего будет ему.

* * *

А.Т. Где вы, гусары счастливой поры,
Сущие демоны битвы?
Где ваши трубы и ваши костры,
Барышень ваших молитвы?

Вот бы, как прежде, с началом весны
Вывести конницу в поле.
Где вы, корнеты французской войны,
Дети расстрелянной воли?

Где обожженные крылья знамен,
Эхо разбуженной славы?
Где вы, поручики грозных времен,
Юность Российской державы?

Где вы, герои великих побед?
Встаньте из пламени битвы!
Короток век, вас давно уже нет,
В памяти стерты молитвы...

* * *

Я.К. Страстью безумною, радостью нежною
Сердце наполнится чудным томлением,
Если улыбку подаришь небрежную
Иль остановишь свой взгляд на мгновение.

В битве кровавой отвагою пылкою
Я заслужу тебя — верь мне — любимая, —
Хочешь — дуэлью, изгнаньем и ссылкою,
Хочешь — смирения силой незримою.

Нет, не пылаю я страстью порочною,
Тела не надо мне, пусть совершенного.
В старой беседке порою полночною
Душ я хочу единенъя блаженного.

Стану я счастлив, лишь если таинственной
Нитью нас свяжет зов сердца невиданный,
Если поверишь, что я твой единственный,
Лучший на свете, тебе Богом избранный.

* * *

- Я.К. Во мне, все во мне: и холод вершин,
И радостный свет уходящего дня.
О думы мои, волненья души,
Не все ль Вы, что есть на земле у меня?

Я много любил видений своих,
Но мир изменял выражения лиц,
Но это лишь сон, а это — лишь стих,
В плену ненаписанных мною страниц.

О думы мои, о думы мои...
Душа одинокою грустью светла.
Ни всполоха в ней увядшей любви,
Надежда на встречу уже умерла.

Пусть новый мой день виденьем встает,
Сквозь пальцы и жизнь протекла, как вода.
Природа одна — спасенье мое:
Лица не изменит она никогда.

И лета, и осени дивной дары,
И русского леса усталый покой...
Лишь стройных деревьев шершавой коры
Хочу на прощанье коснуться рукой...

* * *

- А.Т. На шляпе бриллиантовая брошь!
Жест театрален, взгляд высокомерен...
Под этим взглядом я бывал растерян
И часто принимал за правду ложь...

...Она меня не ставила ни в грош,
Не допускала даже до перчатки...
С ее изображением печатки
Богемная носила молодежь...

И вот теперь, спустя тринадцать лет,
Нас случай свел для сдержаных бесед
В тени аллеи дремлющего парка...

Мои стихи в почете у вельмож,
Так пусть и бриллиантовая брошь
Приобретет значение подарка...

* * *

А.Т.

Глаза сиреневого цвета
Никто не в силах разгадать...
Они свели с ума поэта,
Иных заставили страдать...

Их неестественность так странна
И так похожа на мечту,
Что исключает тень обмана,
Имея призрачность в виду...

Глаза сиреневого цвета,
Из снов далеких мне людей,
Не отпускают до рассвета
Из плена будущих страстей...

Не потому ли в майский день
Я рву озябшую сирень?

* * *

А.Т.

Кивер съехал набекрень,
Ментик брошен на гитару...
И душистая сирень
Кружит голову гусару...

Ах, какая ночь была!
Явь ли это? Сон ли это?
Доплестись бы до седла,
Тронул небо луч рассвета...

Дева милая, прощай,
Понемногу месяц тает...
Глаз гусарских не смущай,
Слышишь, сбор трубач играет...

* * *

А.Т.

Свечи серебряное пламя
Металось в сумраке ночном...
Бокалы пенились вином,
И губы бредили стихами...

Но все меняется с годами,
И скатерть с розовым пятном
Могла бы показаться сном,
Когда б не посвященье dame...

Она смотрела на огонь
Сквозь непрочтеннюю ладонь,
Стараясь угадать призванье
Одолевающей тоски,
С которой многие близки,
Особенно при расставанье...

* * *

А.Т. Мне нравится беседовать с огнем,
Расположившись около камина...
Весь вечер пить изысканные вина
И вслух мечтать о чем-то о своем...

Мы в мире грез счастливее живем,
Одерживая странные победы...
Пленяя дам, как могут лишь поэты,
Сраженные предательским копьем...

Мне нравится беседовать с огнем,
Не оскверняя образы враньем,
Которое нас делает рабами...

И ощущать ладонями тепло,
По капле испаряющее зло,
И улыбаться мертвыми губами...

* * *

А.Т. Дворянские усадьбы — цветущие сады,
Стихи, балы, прогулки верховые...
Как спелы были вишни и веселы мечты!
Как слушались преданья родовые!!!

Дворянские усадьбы — раздумья о любви,
Свидания в беседке под луною...
Ах, до чего же мило там пели соловьи!
И кружева смущали белизною...

Дворянские усадьбы — охотничий азарт,
Библиотеки, строгие портреты...
О, сколько знали истин колоды старых карт!
Теперь о них пекутся лишь поэты...

Дворянские усадьбы — отъезды на заре
И обещанье писем из столицы...
Дорожные кареты, оружье в серебре,
Какие судьбы и какие лица!!!

* * *

Я.К.

Бледнеет сумерек слюда,
И открываются ворота,
И выезжают господа,
И начинается охота.

Держа арапники в руках
Как символ власти господина,
Гарпуют в дорогих мехах
Дворяне — старый барин с сыном.

Охотники ведут собак,
На сворках гончие, борзые,
Играет молодой гончак,
Косятся лошади гнедые.

Доеzжих где-то слышен гон
И улюлюканье лихое,
Как будто лес со всех сторон
Ожил от зимнего покоя.

Вот на опушке крупный волк
С седой спиной показался,
И старый барин вдруг умолк,
Помолодел и подобрался.

«Ату, ату!» — и понеслись
Гнедые лошади, собаки,
С галопа перейдя на рысь,
Чтоб первым долететь до драки.

И первым барин молодой,
Собак арапником стегая,

Не придержав коня уздой,
Вмиг соскочил с него, играя.

И прыгнул зверю на хребет,
Ловя его рукой за уши,
Пьянее крови браги нет,
Чтоб воина потешить душу.

И, придавив его, вогнал
Блестящий, острый, как иголка,
Прямой охотничий кинжал
По рукоять под ребра волка.

Вот так по рощам, по полям
Под лай собак, придворных крики
Создавший титул короля
Скакал когда-то Карл Великий.

Вот так же русские князья,
Которым власть давало вече,
С дружиной верные друзья,
Неслись вперёд, расправив плечи.

И эту нить не разорвать,
Она в крови у меченосцев,
Как будто вновь идут на рать
Перун и Один — братья россов.

Из крови в кровь, из рода в род
Передаётся эта сила,
Которая не раз народ
От разоренья защитила.

То кровь князей, то кровь бояр —
Храбрейших, первых в лютой драке,
Тех, что секли хазар, татар,
Французов, немцев и поляков.

Всегда узнаешь этот взгляд —
Хозяев, а не белоручек,
Что в рост под пулями стоят,
Сказав: «Не кланяться, поручик!»

* * *

А.Т.

Я хотел бы в век чести жить,
Эполеты носить и шпагу...
Я хотел бы русскому флагу,
Как служили тогда, служить...

Я хотел бы шагать сквозь дым
Под сухую дробь барабана...
Я хотел бы погибнуть рано,
Улыбнувшись стрелкам седым...

Но давно уже век другой,
Век невежества, век обмана...
И ни дым, ни дробь барабана
Не тревожат ничей покой...

Аустерлиц

А.Т.

Кровь и копоть на рваном мундире,
Обреченностъ в потухших тазах...
Зло царит в обезличенном мире,
Как Господь у себя в небесах...

Эполеты уже не для женщин,
А для лучшей защиты плеча...
И хоть боль проступает из трещин,
Русский ратник не бросит мечи...

Он готов встретить смерть без молитвы,
Как и те, кто с ним рядом стоит...
Глупые звуки проигранной битвы,
Ангел раны ему исцелит...

Арьергард

А.Т.

Сомкнуть ряды и развернуть штандарт!
Мы на своем клочке земного шара...
Так повелось, что гибнет арьергард,
Не выходя, как все, из-под удара...

Быть может, нас помянет кто-нибудь
Из тех, кому здесь наступать придется...
Помянет или нет, не в этом суть!
В заслоне малодушных не найдется...

Примкнуть штыки! Не отдавать штандарт!
От крови ал клочок земного шара...
Расстрелян, переколот арьергард,
Но армия ушла из-под удара!

* * *

- Я.К. Я никогда не видел рая —
Ни снов и ни видений нет.
Но лишь одно я точно знаю:
Там золотой весенний свет,

И яблони цветущей нежность,
Той, что живёт в земных садах.
В наш жадный век — какая щедрость
От лепестка и до плода!
- И лихоимцам непонятно
(Они мечтают о долгах!):
Прекрасное всегда бесплатно,
А извращённость дорога.
- И не угаснет на мгновенье,
И продолжается века,
Живёт взаимное презренье
Поэта и ростовщика.
- И ростовщик всё время знает:
Вертелся, предавал, копил,
Но что-то всё же он теряет —
Украли или не купил.
- Поэт скитается по лужам,
Как пленник чистого листа,
Но даром у поэта служат
Талант, любовь и красота:

И красота людского тела,
 И рощи, сладостно тихи,
 И губы, что дрожат несмело,
 Цвет яблонь, солнце и стихи.

* * *

- Я.К. Свет золотой, возьми меня,
 Я растворюсь в твоём сиянье,
 В весеннем ликованье дня,
 В веселье огненных мечтаний.

 Свет золотой, в твоём огне
 Моя душа воспрянет снова,
 И я останусь в вышине
 Лучистым светом, чистым словом.

Русским поэтам

- А.Т. Уходят русские поэты,
 Предугадав смерть, и кровь.
 Но их стихи читают вновь,
 И в гроб положены букеты.

 Букеты роз печально-алых,
 В них все — отчаянья и грусть.
 О, скольких ты отпела, Русь,
 В своих молитвах запоздалых.

 А скольких караулят пули
 Изобретательных врагов,
 Сон потерявших от стихов,
 Что веру страждущим вернули.

 Наполнив смыслами рассветы,
 Уходят русские поэты!

* * *

- Я.К. Я русский поэт, и знамение
 Мне этого — солнечный свет.

Я русский поэт от рождения,
До смерти я русский поэт.

И это не символ, не знание,
Не сила времен или мест —
Я русский поэт, это — звание,
И образ, и слава, и крест.

Враги мои всюду рассеяны,
Отважны и верны друзья.
Я русский поэт, не измерена
Ни сила, ни слава моя.

И в этой пустой неизмерности
Я верен врагам и друзьям,
И путь благородства и верности
Мне лёгок, и светел, и прям.

Родник, среди поля смеющийся,
И зубы заломит — ты пей!
Я свет исчезающий, льющийся
Подлунных ковыльных степей.

Я вкус, что так сладок мучительно,
И вишен, и яблок, и слив...
Я русский поэт — удивительно,
Что я еще все-таки жив.

ДЕКАДАНС

* * *

Я.К. Многозначительные думы
О поучительных вещах,
Лицо влачащие угрюмо
На вечно чахнувших плечах.

Да сгинут строки, знаки, числа,
Дождем лиловым смоет грим!
Провозглашаю праздность мысли
Как цель! Как будущность! Как гимн!

Под шепот праздного искусства,
Под шорох вянущих листов
Усните, истинные чувства,
В садах искусственных цветов.

В окно — накопленные знанья!
Куда изящней для меня
Отдать цель жизни и призванье
За радость солнечного дня.

Взирать на мир без изменений,
Быть одиноким, словно Ной,
Смотреть посредственность на сцене
И наслаждаться тишиной.

Под светло-желтым капюшоном,
Усевшись на двадцатый ряд,
Дешевого одеколона
Вдыхать бесцветный аромат.

Я не хочу, как Мефистофель,
Страдать от мыслей в голове.
Хочу сидеть в кафе за кофе,
А можно — просто на траве.

Носить безвкусные костюмы
С лиловым бантом набекрень,
Смеяться над дельцом угрюмым
И выше мира ставить лень.

За неименьем глаз, овалов,
Носов, извилин и ресниц,
Я призываю к карнавалу
Приличных масок вместо лиц.

К насмешкам мягким, без сарказма,
К намекам легким, без имен,
К пустым беседам, без маразма,
К толпе без рдеющих знамен.

Да сгинут истинные мысли,
Всегда ведущие во тьму!
Питайтесь виноградом кислым
Во вред желудку и уму.

Я тот, кто все мечтал осмыслить,
Бессонный, вечный пилигрим,
Провозглашаю праздность мысли
Как цель, как будущность, как гимн!

* * *

- Я.К. Пьеро идет отвержено и сиро
И плачет на увядшие цветы...
Пусть красота и не спасает мира,
Но нас с тобой она спасет от суэты.
- Мы мир иной воздвигнем из эфира,
Что ярче звезд, прочнее, чем гранит.
Пусть красота и не спасает мира,
Но нас с тобой она от скуки сохранит.
- Смирись, поэт, твоя бевестна лира,
Но это от толпы безумной щит,
Пусть красота и не спасает мира,
Но нас с тобой она от зависти хранит.
- Где эльфы ткут созвездья из эфира,
Серебряная лилия растет;
Пусть красота и не спасает мира,
Но нас с тобой от мук она спасет.
- Пойми, поэт, искусство элитарно.
Ты для народа — шут или факир.
Что нам до них? Толпа неблагодарна.
Пусть красота спасает наш с тобою мир.

* * *

- Я.К. В сиренево-лиловом небе
Крылами ласточки поют.
Для безголосых это жребий:
Полет — для творчества приют.

Они рисуют жизнь свою,
Как жизнь свою рисует стебель.
Крылами ласточки поют
В сиренево-лиловом небе.

* * *

Я.К. Вам не понять — смирайтесь, господа! —
Прозрачности пурпурного заката,
Дрожавшего гекзаметром когда-то,
Угасшего в Элладе навсегда.

Вам не понять — смирайтесь, господа! —
Серебряно-пленительный блика,
Мерцающего странником двуликим
В безмолвии подлунного пруда.

И в вашей мелкой суете бактерий —
О жвачные, жующие цветы! —
Я признаю открытый кафетерий,
Облитый нежным солнцем золотым.

Стремитесь, задыхаясь, в никуда...
Для вас поющая беззвучна лира.
Ни красоты, ни мудрости, ни мира
Вам не понять — смирайтесь, господа!

* * *

Я.К. Нищий поэт — как смешно!
Шляпа и порванный плащ...
Ливень сомкнется стеной,
Выйдет он, нищ и пропащ.

Пачки измятых листов,
Что из кармана торчат,
Плачут строками стихов,
Ритмами сердца стучат.

Верно, стихи — ерунда,
Раз их не слушает свет.
Смейтесь же — да, господа! —
Да, господа, я — нищий поэт!

* * *

Г.Д.

Я.К. Все тихо — лишь коней бегущих храп,
Да еле слышный скрип колес и шорох,
И мы с тобой под свод еловых лап
Летим сквозь темноту, как кони в шорах.

Весь лес холодной хвою пропах,
И темнота смыкается за ними,
А мы с тобой в коляске и в мехах
Освещены златыми фонарями.

Как хорошо в подарок принимать
Тепло от этих миленьких ручонок,
И обнимать, и греть, и прижимать,
Шепча тебе: „Мой ангел! Мой Галчонок!“

Верхушки сосен, небо, облака,
Прохлада без волненья, без движенья,
А дальше не дотянемся строки,
А дальше слепнет взор воображенья...

Ты посмотри, какая красота
В мерцании холодного эфира!
Подумай только — эта темнота
Кончается лишь у начала мира.

* * *

Я.К. В аллеях золотого парка
Голубизна небес светла,
Как блеск последнего подарка
От уходящего тепла.

Как будто длится расставанье —
Но не на год, а на века, —
И эта прелесть увяданья
Душе мучительно сладка.

Душа во мне, как теплый камень,
Нагретый солнцем для других,
Но не становятся стихами
Виденья мыслей золотых.

И седина уже со мною,
Настанет зимняя пора,
Замерзнут мысли под луною
В холодном блеске серебра.

* * *

Я.К. У вечера есть дивное мгновенье,
Когда слегка голубоватый свет
Коснется зданий, и исчезнут тени,
И чудится, что расстояний нет.

Так ясно, словно грезится иль снится,
Все светится, как будто изнутри,
Как сквозь стекло, — вечерняя зарница,
И серые дома, и фонари.

* * *

Я.К. Как трудно в это все поверить вам —
Но есть гармония вторая:
Эстетика гнилого дерева
Полуразрушенных сараев.

И непонятна людям за морем
Пастельных мягких красок нега:
Цвета магического мрамора
Полуподтаявшего снега.

Как только время остановится
Над черной искренней натурой,
Все неприятное становится
Весьма изысканной гравюрой.

* * *

Я.К. Розовый дым
В небе колышется,
Где-то за ним
Музыка слышится.

То полетел,
То недвижим
Розовый дым, розовый дым,
розовый дым.

Розовый дым —
Что-то тревожное,
Розовый дым —
Словно пирожное.
Он завладел
Сердцем моим —
Розовый дым, розовый дым,
розовый дым.

Розовый дым —
В небо врастание,
Розовый дым —
Время прощания.
Я ухожу
В небо за ним —
Розовый дым, розовый дым,
розовый дым.

Путешествие луны

- А.Т. В карете путешествует луна,
Закутанная в мягкий сумрак ночи...
Она, как сон, туманна и бледна
И путь ее то дальше, то короче...

Но шествие размежено всегда.
Не зря спасеньем кажется поэтам
В стихах, мертворожденная мечта,
И днем не расставаться с лунным светом...

Ведь день для них — начало суэты,
Который не приемлет вдохновенье...
В карете путешествуют мечты,
Луною освещенное забвенье...
<1992>

* * *

А.Т. За рекою золотятся огни,
Отойти от окна не могу...
Может это прожитые дни,
Что остались на том берегу?

Полустертые лица плывут,
Будто пятна, по небу в ночи...
Голоса, слух лаская, зовут...
Я их слышал, но вспомню ли чьи?
<1984>

Пока не скисло вино...

А.Т. В нее швыряют цветами,
Горланят куплеты ей...
Она — причина смертей,
Все сплетни об этой dame...

Не надо играть мечтами
В плену безумных страстей
И ждать недобрых вестей,
Старея лицом с годами...

Пока любовь не погасла,
В огонь подливайте масла!
Влезайте смелей в окно...

Целуйте не руки — губы,
С наложницей будьте грубы,
Пока не скисло вино...
<1994>

Сумасшествие

А.Т. Схожу с ума
От одиночества,
В душе — зима,
В словах — пророчество.

Но глух ко мне
Народ измученный,
В своей стране
Молчать приученный.

Так повелось
И не изменится.
Что не сбылось,
Никем не ценится.

Трагичен путь
Правдоискателей,
Открывших грудь
Ножам предателей.

С ума схожу
От ритмов бешеных,
И тем смешу
Уже помешанных.

<1993>

Образ

А.Т.

В, луною освещенном, небе
Твой образ одиноко плыл...
Когда-то он тобою был
И думал о насущном хлебе...

Но мир иной нам уготован,
Счастливее, чем на земле,
Где мне уютнее в петле,
И где я призраком целован...
<1994>

* * *

А.Т. Мне сегодня не живется и не дышится,
Не грустится и не хочется вина...

Только рифмы отдаленным эхом слышатся
И выхватывают образы из сна...

Эти рифмы, эти тайны мироздания
Удивительны, от них теплеет кровь...
И сбываются начинают ожидания,
Возвращая невозвратную любовь...

...Мне сегодня не живется и не дышится,
Не грустится и не хочется вина...

Занавеска у окна едва колышется —
Та, что с вечера луной освещена...

<1994>

* * *

А.Т. Меня гнетет одно воспоминанье,
Лишаet сна и отравляет день —
Величественно траурная тень
И бледность твоего непониманья...

В угоду им оставлены желанья,
Загублена вчерашняя сирень,
Которой насладиться было лень,
Как было лень отсрочить расставанье...

Ах, это расставание с тобой,
Придуманное странною судьбой,
Явившей тень и гибельную бледность...

Я не умею примириться с ним,
И потому безвременьем гоним
Туда, где нас уравнивала бедность...
<1992>

Черный цветок

А.Т. Черный цветок
В узкой рюмке с вином...
Сделай глоток
И забудешься сном

Сделай глоток
И нарушишь запрет
Черный цветок
Носит траурный цвет

Траурный цвет —
Это символ разлук...
Редкий поэт
Умирает без мук

Редкий цветок
Выживает в вине...
Вот вам итог,
Что на рюмочном дне...

Путаность строк
Объяснить не берусь...
Черный цветок —
Безысходная грусть...
<1994>

* * *

А.Т. В бокале красное вино,
Вы в красном платье с черной розой,
Немного театральной позой,
Меня смущаете давно...

За окнами совсем темно,
Свеча, и та, полна угрозы
Погаснуть. Восковые слезы
Стекают медленно на дно...

Я делаю нетвердый шаг,
В манящий тайной полумрак,
Чтоб на колено опуститься...

Чтоб руку Вам поцеловать
И королевой Вас назвать,
И, может быть, навек проститься...
<1993>

Оранжевый снег

А.Т. В маленьком зальчике скрипка играла,
В узеньких рюмках темнело вино...
Будто прощаясь, свеча догорала,
Бледная дама смотрела в окно...

Бледная дама под тонкой вуалью...
Сколько талантов сгубила она
Необъяснимою, странной печалью,
Только печаль ей осталась верна...

В тесной гостиной, под музыку скрипки,
С дамой беседовал блоковский век...
А за окном, по-осеннему липкий,
Падал и падал оранжевый снег...
<1994>

Выкуп

А.Т. С бокалом гибельных страстей,
Слегка разбавленных укором,
Среди зевающих гостей,
Вы ищите кого-то взором...

Я выкупаю Ваш бокал,
Чтоб уберечь себя от скуки...
Напиток наслаждений — ал,
Бледны болезненные руки...

Движения нервны, голос тих,
Воздушно траурное платье...
Безумен за корсажем стих,
Проказой тронuto распятье...

Не потому ли на губах
Улыбку сдерживает страх?
<1996>

Сон луны

Мариночеке

А.Т.

На фиолетовом ковре
Луна дремала в серебре...
Ей снилось, что она — Земля,
И что вовсю цветут поля...
Что трель выводят соловьи,
Срываая голос от любви...
Но, как ни ярки краски сна,
Луна Луной наречена.
<1994>

Ветер

А.Т.

Ветер бешеный,
С пеплом смешанный,
Плащ срывает с плеч,
Не ищи с ним встреч!

А ищи себя,
В лунный рог трубя...
Если нет луны,
Уповай на сны...

Если ветра нет,
Сторожи рассвет...
Да стихи пиши —
Исповедь души...

Чтоб сбылись мечты,
 Чтобы понял ты
 Уходящий век,
 Почекневший снег,
 С пеплом смешанный
 Ветер бешеный...
 <1995>

* * *

- А.Т. Стихи как дар, и как проклятье
 Сопровождают жизнь мою...
 За них до капли ночь я пью,
 Блудницу заключив в объятья...
 Ту, чье поношенное платье
 Дороже выстрела в бою
 И безмятежности в раю,
 Где все — возлюбленные братья...
 О, Муза, — радость озарений,
 Не терпящая повторений,
 С нелепой вычурностью строк...
 Останься гостью у поэта,
 Взводящего в конце сонета,
 Непредсказуемый курок...
 <1995>

Разгадка ночи

- А.Т. В нескромном взгляде — разгадка ночи,
 Пусты бокалы, по телу дрожь...
 Мы досиделись до многоточий,
 И стала правдой казаться ложь...
 Рука случайно задела локон,
 Случайно губы коснулись губ...
 Напрасно месяц прождал у окон,
 Никто не вынес холодный труп...
 Любовь скончалась не в этом доме,
 Где наши души служили ей...

А на пропахшей дождем соломе,
Среди размытых, чужих теней...

Скончалась верность, но не забыты
Ни взгляд манящий, ни жест руки...
Довольны овцы и волки сыты,
Одни поэты хандрят с тоски...

Нестройны мысли, неровны строки,
Разгадка ночи в обрывках сна...
Мы рас прощались с тобой в итоге,
Растаял месяц, взошла луна...

<1994>

Странные люди

А.Т.

Странные лица
И странные речи...
Черные птицы
Садятся на плечи...

Им не мешают
Расклевывать тело...
Их уважают
За черное дело...

Я не приемлю
Покорности страху...
Птицу о землю
Ударю с размаху...

Пусть мне за это
Несладко придется...
Кровью поэта
Она не напьется...

...Странные люди,
Туманные речи...
Птица на блюде
И черные свечи...
<1992>

* * *

А.Т.

С тебя сползает покрывало,
Красиво обнажая грудь...
Осталось руку протянуть,
Чтоб грудь в руке затрепетала...

Чтоб ночи оказалось мало
Для бурных ласк и пошлых фраз,
Лишающих рассудка нас,
И недопитого бокала...

Ах, это странная услада,
Сдаваясь, простонать — не надо,
Вблизи от адского огня...

И, обретя в паденьи крылья,
Разжать объятья от бессилья
К началу дня...
<1995>

Неприятие жизни (настроение)

А.Т.

Неприятие жизни томило меня,
Я бродил среди глупых людей,
Что забыли о ценности этого дня,
Ради мелких страстей...

Я с надеждой искал понимающий взгляд,
Но казались пустыми глаза...
Дома в склянке темнел приготовленный яд
На четыре часа...

Так случается, вдруг, нападает тоска,
Вяжет нас по рукам и ногам...
И теряются смыслы, а с ними строка
На потеху врагам...

Время сыпалось в прошлое пляжным песком,
Все решительней делался шаг...
Но веревка не дернулась под потолком,
Не качнулся пиджак...
<1995>

Наполню кубок не вином

А.Т.

Наполню кубок не вином,
А лунным светом...
И, выпив все, забудусь сном,
Прозрев при этом...

Я в нереальности своей
Постигну разом —
Полет звезды и мудрость змей
С фальшивым глазом...

Я разрублю стереотип
Ударом шпаги...
И превращу в усмешку всхлип,
В лохмотья фраки...

Я в одиночество всмотрюсь,
Как в неизбежность...
И в нем, на время, растворюсь,
Оставив нежность...

Наполню кубок не вином,
А лунным светом...
И, может быть, утешусь сном
Под пистолетом...
<1995>

* * *

А.Т.

Я ощущаю вкус твоей помады
И слышу ропот гибнущей листвы,
По поводу наклона головы
И жадных рук, добившихся награды...

Перемешались рифмы, мысли, даты...
На кожаном плаще разлезлись швы,
Нисколько не стыдясь людской молвы,
Но в этом мы с тобой не виноваты...

Не виноваты в откровеньи глаз
И трепете, вдруг охватившем нас,
Название которому — влюбленность...

Пускай она лишь самый первый шаг
К большой любви, ведущей в полумрак,
Губам приятна неопределенность...
<1993>

БЕЛАЯ ГВАРДИЯ

Офицерский вальс

А.Т.

На балу офицерском
Вальс плывет, словно сон...
В направлении дерзком
Декольте и погон...

Завтра будет разлука,
Пуля в грудь или в лоб...
И сойдут пары с круга
Благородных особ...

Кровь испачкает небо,
Оборвется мотив...
Все случится нелепо
Среди спутанных грив...

Среди ржанья и храпа
Сумасшедших коней...
Корабельного трапа,
Богом проклятых дней...

Но пока, мимо окон,
Вальс плывет, словно сон...
И касается локон
Офицерских погон...
<1996>

* * *

А.Т.

Чаша пенная по кругу,
Звон гитары до утра...
Долг прощен врагу и другу,
Завтра выпуск, юнкера!

Завтра будет все иначе,
Все разъедутся в войска...
Веря в то, что есть удача
Рядом с кончиком штыка...

* * *

А.Т. Капитан, Вас угробит бутылка...
В кобуру уберите наган...
И не надо о прошлом так пылко...
Все оделось в кровавый туман...

Императора нет, но остались
Честь и право земного суда...
Видит Бог, мы хотя бы пытались
Снять распятую веру с креста...

Капитан, завтра нам на рассвете
Поднимать в штыковую солдат...
Мы за эту атаку в ответе...
Пьем до дна. За последний парад!

* * *

А.Т. Белая гвардия — честь и долг,
Ледовый поход и кровь...
Смерть генерала, знамени шелк
И дым с пулеметов вновь...

Белая гвардия — грудь в крестах,
Вера, которой нет...
Забытое имя — Русь — на устах
И млечный на небе след...

Белая гвардия — шашки вон!
И наперевес штыки!
Брошенный Крым, золотой погон,
Черное море тоски...

Под Андреевским флагом...

А.Т. Под андреевским флагом
Явилась мне муза,
Благородная дама с Парнасских высот...
И таинственным знаком,
Исконного руса,
Усадила за стол ради будущих од!

И из сумрака ночи
Повеяло славой,
Что Россия на бранных полях обрела...
Вехи стали короче,
В Москве златоглавой
Зазвонили торжественно колокола...

И пред мысленным взором
Прошли чередою
Бунтари и герои, цари и вожди...
Кто оплеванным вором,
Кто с грустьюю святою,
А иные с солдатским крестам на груди...

О, великая сила
Державы великой,
Ты спасительной верою полнишь сердца...
Эта вера разила казацкою пикой
И на плахе со смертью мирила стрельца...

Никогда не изменит
Тебе провиденье,
И поднимутся братья—славяне с колен...
Сгинут скользкие тени,
И слово прощенья
Возгласит государь у израненных стен!
Под андреевским флагом!

В грядущем святая Русь

А.Т. Забыты преданья седой старины,
В сердцах поселилась грусть...
Идет в никуда по следам Сатаны
Когда-то Святая Русь...

В захваченных храмах не слышно молитв,
Назойлив лампадный свет...
Устали пророки от призрачных битв,
А новых, похоже, нет...

Устали пророки, продались вожди,
Продав заодно и нас...

О, Господи, если не поздно, прости
Заблудших, в последний раз...

Мы верим еще в милосердье Твое,
Иначе выжить нельзя...
Иначе слетится на пир воронье,
И Русь прекратится вся...

Верни же нам, Господи, добрые сны,
Рассей вековую грусть...
Довольно терпела разгул Сатаны
В грядущем Святая Русь.

* * *

- А.Т. Мне привиделись в белой метели
Офицеры расстрелянных лет...
Золотые погоны, шинели,
Воспаленный в полнеба рассвет...
- Я запомнил себя среди прочих
С пошатнувшейся верой в Христа...
Нас теснили отряды рабочих,
И кипела в „максимах“ вода...
- А россию трясло, как в ознобе,
Мы помочь ей ничем не могли...
Обнимаясь с винтовкой в окопе,
Задыхаясь на маршах в пыли...
- Ранним холодом встретило море
Поредевший, измученный полк...
Я уже был зарублен в дозоре,
Незаметна исполнив свой долг...
- Где—то судно скиталось в тумане
С беспредельной тоской на борту...
Те, кто выжил, давно парижане,
Но возможно ль предать их суду?
- Мне привиделись в белой метели
Офицеры расстрелянных лет...
Золотые погоны, шинели,
И, последний, в полнеба рассвет...

Распадется мир...

А.Т.

Распадается мир, распадается,
Будто точат его изнутри...
Вновь приход Сатаны ожидается,
Притворились людьми упыри...

Потемнело церковное золото,
Хищный ворон на самом кресте...
Гибнет Русь от стыда и от голода
В нищете, да какой нищете!

Только вера последней слезинкою
Все дрожит, все не смеет упасть...
И шипит надоевшей пластинкою
Ни на что не способная власть!

В атаку, господа!

А.Т.

В атаку, господа!
Нам нечего терять,
Ведь Родина потеряна вчера...
С бесстрашием Христа,
Поклявшись не стрелять,
Мы в полный рост идем, как юнкера...

Все звания равны
Под знаменем святым,
Отмеченным и пулей, и штыком...
Не разделить вины
За эту гарь и дым,
За кровь, уже пролитую полком...

В атаку, господа!
Пусть содрогнется враг,
Смерть на миру придумана не зря...
Навек сомкнув уста,
Не ускоряя шаг,
Идет страна казненного царя!

В атаку...

Гибель орла

А.Т.

Небо цвета алого,
Голубая кровь...
Для орла двуглавого
Клетку не готовь!

Он, штыком пришпиленный,
Бьет еще крылом...
Даже обессиленный
Выглядит орлом...

Чуя гибель быструю,
Воронье кружит...
Не пугаясь выстрелов,
Жертву сторожит...

На орла двуглавого
Больше не злословь!
Небо цвета алого
Стало синим вновь...

* * *

А.Т.

Я хотел бы в век чести жить,
Эполеты носить и шпагу...
Я хотел бы русскому флагу,
Как служили тогда, служить...

Я хотел бы шагать сквозь дым
Под сухую дробь барабана...
Я хотел бы погибнуть рано,
Улыбнувшись стрелкам седым...

Но давно уже век другой,
Век невежества, век обмана...
И ни дым, ни дробь барабана
Не тревожат ничей покой...

* * *

А.Т.

Государев трон пустует,
Гибнет Русь от дураков...

Нечисть пришлая лютует,
Попирая прах веков...

Без заботы и без веры
В муках корчится народ...
Мысли страшны, лица серы,
Исцелится ли урод?

Где вы, воины Христовы?
Время знамя развернуть!
У коней сменив подковы,
И судьбе подставив грудь...

Пусть парит орел двуглавый
Грозным символом царя,
Во спасение державы,
Или все, что было — зря?

* * *

А.Т. Мадам, я пьян и даже выбрит плохо,
Мундир помят и пуговицы нет.
Но все же перед вами не пройдоха,
А вышедший в поручики корнет.

К тому же спасший вас минувшим летом
От грубой и нахальной солдатни.
Вы вспомните! Тогда я был корнетом,
Затянутым в казенные ремни.

Кто мог предположить, что вспыхнет смута,
И император потеряет власть!
Спасти Россию может только чудо.
Не дай, Господь, ни ей, ни нам пропасть!

Вот и рассвет полоской золотою,
Все под рукой: и шашка, и наган.
Довольно лгать, беду зовут бедою,
К чему себя вводить в самообман?

Теперь о главном, сторого не судите,
Супруг расстрелян, значит, вы вдова.
Уедем вместе, ну же!.. Не молчите...
О, Боже правый, да она мертвa...

Россия стосковалась по царю...

А.Т.

Россия стосковалась по царю,
Державному спасителю народа...
Кому нужна кровавая свобода?
О разореньи я не говорю...

Россия стосковалась по царю,
Из древнего Романовского рода,
Святого, с восемнадцатого года,
В чем каюсь и за что благодарю...

Когда-нибудь настанет день и час,
Царя узнают миллионы глаз
И он вернет утраченную веру...

И соберутся лучшие вокруг,
И возводится нация из мук,
Последовав высокому примеру...

Россия стосковалась по царю!

* * *

А.Т.

Над станцией свинцовый рассвет,
Собирается сотня донская...
Долго будет глядеть ей восслед
Бабье племя, украдкой вздыхая...

Есаул, наклонившись с коня,
Что-то сыну шепнул про приметы...
И увел в настороженность дня
Казаков воевать до победы...

Воевать на ничейной земле,
Где так горек вкус водки и хлеба...
Эхом песня качнулась в седле,
Прояснилось недоброе небо...

Шашки наголо! С Богом! Ура!
Враг запутался в складках шинели...
Взмах и нет его... эх, «немчура»...
Замер крик в пулеметном прицеле...

Над станцией кровавый рассвет,
Снова сотня уходит донская...
Долго будет глядеть ей вослед
Бабье племя, украдкой вздыхая...

* * *

А.Т. Нам выпало с вами в России родиться,
В великой и ныне несчастной стране...
Где люди почти разучились креститься,
Где вместо иконы плакат на стене...

Кругом правит ложь в окровавленной маске
К ней быстро привыкли и выхода нет...
Из этой, с расстрела начавшейся, сказки
Которая больше похожа на бред...

Я слышал, что прадеды жили иначе
И мир восхищался их острым умом...
Враги получали немедленно сдачи,
Друзьям были рады за сытным столом...

Увы, все ушло, неужели бесследно?
Ни чести, ни долга, лишь злые глаза...
Смотри, не смотри, впереди беспросветно!
Скули, не скули, не поможет слеза...

Дождемся ли, Русь, твоего воскресенья?
Вернет ли владыка тебе твой венец?
Надежда слаба, но в надежде спасенье!
Погибнет надежда, наступит конец...

Молодой кадет

А.Т. В золотых погонах,
Пряча в сердце грусть...
В белых батальонах
Уходила Русь...

Утомленным шагом,
Запалив свой дом...

Обернувшись флагом,
Под косым крестом...

Уходила слава
С шашкой наголо...
Ей вослед кроваво
Ухмылялось зло...

Это странно было
Хоронить себя...
Кровь под кожей стыла,
Кости в пыль дробя...

И, слезу глотая,
Молодой кадет...
Все шептал — Святая,
Лучше в мире нет...

В золотых погонах,
Пряча о сердце грусть...
В белых батальонах
Уходила Русь...

Благослови, Господь, Россию...

А.Т.

Благослови, Господь, Россию!
Как никогда ей нужен Ты...
Среди крикливой суеты,
Она должна узнатъ мессию...

Благослови, Господь, Россию!
Верни святыниам кресты,
Добавь народам доброты
И веры, через ностальгию...

Не все распроданы иконы,
Еще тревожат память звоны
Колоколов минувших лет...

Еще в старинных песнях реет
Флаг Первозванного Андрея
И в них предчувствие побед!!!

* * *

Я.К. Он возвратится в отчий дом,
В края пустых полей.
Откуда эта сила в нем? —
От древних королей.

Он пьет парное молоко,
Смеясь глядит во тьму.
Придет малыши, и все легко
Покажется ему.

И каждый встретить будет рад
Творителя чудес.
Откуда этот светлый взгляд? —
От ангелов с небес.

Он знает мир каков он есть —
Родной ему всему.
За возвращенье слова «честь»
Поклонимся ему.

Он возвратится в отчий дом,
В краях пустых полей.
Откуда эта сила в нем? —
От древних королей.

Офицерский

Я.К. Почекневший, трухлявый сарай.
Пулемет, перед ним офицер.
Рядом в карты идет игра:
Кто же выстрелит в эту цель ?

Он в хрустальную высь устремлен,
Он молитвой о близких объят,
Он немножечко утомлен —
Все равно, кто будет стрелять.

„Может, вспомню еще что-нибудь
За минуту до выстрела в грудь.

Помню дачу в Финляндских лесах,
Кружевную соседку Мими,
На перроне фигуру отца
Помню, Боже его сохрани.

Помню утренний Летний сад,
Помню корпус и муштру,
Петербург, а не Петроград,
И случайно на Невском жару.

Может вспомню еще что нибудь
За минуту до выстрела в грудь.

Нет, не помню ни маршей, ни слез,
Ни парадов и ни войны,
Заблуждения вальсов и грез,
Пробуждение первой весны“.

Почерневший, трухлявый сарай.
Пулемет, перед ним офицер.
Рядом в карты идет игра:
Кто же выстрелит в эту цель?

* * *

Я.К.

Под маской бронзовой мессии
Их прегрешенья велики.
Идут, ступают по России
Временщики, временщики.

Расчетом занятые скучным
Всем насладиться на веку,
Похрустывают равнодушно
По черепам как по песку.

Любой ценою жаждут власти,
Богатства, женщин и жратвы.
И вырастают на несчастье,
И не боятся злой молвы.

Ведомые чужой рукою,
Бросают в бой свои полки.
И пулей жалуют героев
Временщики, временщики.

Им не доступно состраданье,
Им не понятно слово „честь“.
Они не ищут оправданья
И ценят то, что можно съесть.

И вновь в крови стоят по плечи,
Как в половодье реки.
И снова о свободе речи.
Временщики, временщики!

Преемник царственного рода!
Тебя возвел на царство Бог.
Чем виноват ты пред народам?
Тем, что не мог быть так жесток.

Ты провинился лишь любовью.
И предан, зла не сотворя.
Грех доброты искуплен кровью.
Помилуй, Господи, царя!

* * *

Я.К. От невидимых миру ран
Защищаясь щитом Европы,
На культуру русских дворян
Наступают стеной холопы.

Зло витийствует, много ест,
Заседает, учит студентов.
Из местечек и узких мест
Племя новых интеллигентов.

Россиян продав с молотка,
Словно подвигом Герострата,
На народ глядит свысока
Племя новых аристократов.

Из убийц и просто воров,
Из вождей подхалимской свиты,
Из плебеев — ростовщиков
Вырастает эта элита.

Чуть презрительно глядя вокруг,
Над старинной смеясь культурой,
Восхищает ловкостью рук
И дебильной литературой.

Да, мартышкам не занимать
Подражательского уменья.

Можно фразы точно слагать,
Но подводит произношенье.

Но на праздниках и пирах
Воровская у вас веселость.
И заходит речь о деньгах —
Начинает дрожать ваш голос.

Вроде издали и похож:
Спесь, насмешливость, обаянье.
Но начнется у вас дележ —
Сразу выходки обезьяньи.

Вам, холопам, имеющим власть,
Изрыгающим моды и стили,
Недоступна сотая часть
Той культуры, что вы погубили.

Вы не видите, как смешно
Ваше потное лицедейство.
Не скрывает драный венок
Трусость, жадность, подлость, злодейство.

А для рыцарей и дворян
Власть и золото — все презренно.
Смелость — норма, слава — обман,
Честь незыблема, жизнь мгновенна.

* * *

Я.К.

Внимая приговора фразам,
Похожим на собачий вой,
Стоял мужчина светлоглазый
И мальчик с гордой головой.

У дьявола глаза пустые.
Пред ним не просто дворянин.
В подвале каменном святые:
Цари Руси — отец и сын.

Свершили воры злое дело.
Ушли, добив последний стон.
А кровь текла, текла из тела,
Как будто раной плакал он.

Бог принял царственное чадо
И взор отвел, стыдом горя.
И вам все эти годы ада
За то, что предали царя.

* * *

- Я.К. Бьет набат на Руси святой,
 Собираются вновь дружины,
 Поднимается люд лихой
 От Маньчжурии до Украины.
- Вновь нас гнули как полонян,
 Вновь текла наша кровь водою,
 Вновь лежали кости славян
 Под кровавою черной ордою.
- Нас сгибали десятки рук
 Ложью, золотом и бедою.
 Но натягивающий лук
 Будет снова пронзен стрелою.
- Мы сгибаемся как лоза
 По болотистым перелескам,
 Что, срывааясь, сечет глаза,
 Разгинаясь легко и резко.
- Мы сгибаемся словно меч.
 Как булат, не меняя формы,
 Распрямляемся в вихре сеч,
 Убивая пришельцев черных.
- Не скрывайтесь, мы видим вас,
 Вы по крови купцы, мы — воины.
 Голубая сталь серых глаз
 Смотрит холодно и спокойно.
- Слишком долго верили зря
 Мы в предательских слов химеры.
 Мы сражаемся за царя.
 За царя и за нашу веру.

* * *

Я.К.

Распались связи, рухнул город,
Растет на пашне белена,
И тенью серой ходит голод,
И распадается страна.

Настали годы роковые!
Нет, это только страшный сон.
Всегда хватало у России
Безвременья лихих времен.

Мы закалились крепче стали
В кострах горя и вас кляня.
Вы нас столетья разоряли,
Для возрожденья хватит дня.

Мы смотрим серыми очами,
Усталыми от многих бед.
Но там, за нашими плечами,
Тысячелетия побед.

Но там, за нашими плечами,
Все убиенные встают.
И приговор над палачами
Уж произносит Божий суд!

Встают Российские святые,
Под пули подставляя грудь.
Царь и единая Россия —
Единственный для русских путь!

Казачья

Я.К.

Ночью по стерне
Через степь и лес
На гнедом коне
Прилетела весть.

В эту ночь не спал
Есаул один.
С вестью поскакал
Дальше средний сын.

Младший сын гонцом
Побежал в село,
Старший сын с отцом
Сел уже в седло.

Вспыхнули на миг
Огоньки в домах.
Те же, кто привык,
Собрались в потьмах.

Вышли все на шлях
Ровно через час.
В форме, на конях
Сотня собралась.

Кто обнял сынов,
Кто жену и дочь.
Сотня казаков
Выступила в ночь.

Цоканье подков
Заглушает пыль.
Только шепот снов,
Клонится ковыль.

Парни в седлах спят,
Насыпают впрок.
Старики глядят,
Щурясь, на восток.

Загорался свет
Из-за красных век.
Наступал рассвет.
Ночь продлилась век...

* * *

Я.К.

Да, мы белые, господа!
Блещут золотом эполеты.
Да, мы белые. Навсегда!
Чище нет у России цвета.

Слава рыцарей всех времен
Светит снова на старом месте.
И вернуть Государю трон
Для славян — это дело чести.

Память мира нами горда,
А в российских сердцах — куда вам! —
Не потушите никогда
Нашей мученической славы.

Наша цель проста и чиста:
Мы царя и России воины,
Мы пройдем в боевых крестах
По Москве по первопрестольной.

Путь начертан Божьим перстом.
Не измерить столетья меркой.
И под синим косым крестом
Знамя белое не померкнет!

* * *

Я.К.

Дай ты, Господи, нам любви
Мы не можем жить не любя,
Чтоб не строили на крови,
Чтоб поверили мы в себя.

Дай нам, Господи, доброты,
К тем, кто нас спасает любя,
Чтоб любили своих святых
На земле, а не у Тебя.

Дай нам, Господи, меньше слов,
Жесткость стали, когда беда,
Чтоб прощали своих врагов
Побежденных и навсегда.

Дай нам, Господи, две зари,
Чтобы крепко на них смотреть.
А терпение забери,
Не должны мы больше терпеть.

Чтоб ценили смех, а не медь,
Чтоб любили дух, а не плоть.

Чтобы честно в глаза смотреть
Ты верни нам разум, Господь.

Миру — Бога, стране — Царя,
Сыну — мать, а в конце пути
Умереть от пули не зря
Дай нам, Господи, и прости...

СКАЗКИ

Вместо предисловия

А.Т.

Со стены улыбается маска,
Обманувшая зло и добро.
Хорошо, если сбудется сказка,
И ее перепишет перо.
Хорошо, если детские грезы
Перетянут тоску на весах,
Если с неба жемчужные слезы
У принцессы блеснут в волосах.
Хорошо, если рыцарь отважный
От колдуньи принцессу спасет,
И влюбленных кораблик бумажный
В предрассветную даль увезет!

Со стены улыбается маска,
Начинается сказка...

СКАЗКА О СОЛНЕЧНОМ ЗАЙЧИКЕ

А.Т.

Жила-была маленькая девочка. Как и у всех детей, у девочки были папа и мама, которые очень любили свою дочку. Но вот однажды девочка осталась дома одна, и ей стало грустно, потому что за окном шел колючий дождь, и страшно, потому что рядом никого не было.

В голову лезли всякие мысли о привидениях и сквозных злодеях, хотелось плакать. Вдруг раздался веселый голос: „Привет, ты почему скучаешь?“ От неожиданности девочка забыла о том, что собиралась заплакать, и доверчиво спросила: „А кто Вы?“ „Я — солнечный зайчик!“ — зазвенело в ответ, и солнечный зайчик влетел в форточку. „Давай дружить“, — предложил новый знакомый. „Давай“, — согласилась девочка. „Хочешь, я познакомлю тебя со своими сестрами? — продолжал солнечный зайчик. — Ты им понравишься“. „Очень хочу“, — прошептала девочка, и они вместе вылетели в окошко.

Дождя уже не было, и на нежно-голубом поле семь сестер солнечного зайчика расчесывали свои длинные волосы, превращая их в радугу. Солнечный зайчик познакомил девочку с ними. Целый день они весело смеялись, пели песни и водили хороводы. Но к вечеру девочка

вспомнила вдруг о своих родителях, которые, наверное, очень беспокоились за нее. Девочка сказала, что ей нужно домой. Солнечный зайчик, несмотря на то, что ему было опасно появляться в сумерках, вызвался проводить девочку. У самого подъезда он протянул ей маленькое круглое зеркальце и тихо произнес: „Возьми, пожалуйста, когда тебе будет грустно, подставь это зеркальце под солнечные лучи, и я сразу же появлюсь...“ Он хотел добавить еще что-то, но звонок будильника не дал ему договорить...

Стрелки показывали семь часов, девочка нехотя встала с постели. Неужели все это сон! И солнечный зайчик, и радуга, и... Ой! Что это там на столе? На краешке стола весело сверкало маленькое круглое зеркальце.

Сказка о принцессе и ее верных львах

А.Т.

1

В одной старой сказке принцесса жила,
С глазами морской синевы.
Дворец заменяла принцессе скала,
А слуг — златогривые львы.

От той, отражающей звезды скалы
Струился загадочный свет.
И снились принцессе ночами балы
И принц, подающий букет.

Кружилась от запаха роз голова,
Улыбкою губы цвели.
И странные принц говорил ей слова,
Теряясь, как эхо, вдали.

Принцесса их смысл уловить не могла,
Но ласковый голос манил
Туда, где сияли церквей купола,
Где принц свои тайны хранил.

Однажды принцесса увидела сон
Непраздничных, серых тонов.
Кружила над юношой стая ворон,
С тех пор больше не было снов...

Мечтательный принц оказался в беде,
И все, что приснилось, — не бред.
Три льва златогривых спустились к воде,
Едва разгорелся рассвет.

В неведомый край посыпая зверей,
Им перстень принцессы дала —
Единственный дар беспокойных морей
Для принца она берегла...

2

Поднимает волны ветер
До небес,
Трудно жить на белом свете
Без чудес.

С львиных тел сбегают капли,
Серебрясь.
Вот уж выплыл в виде сабли
Месяц-Князь.

Вот уж рядом расплясались
Огоньки.
Вдруг акулы показались
Плавники.

Львы не знали пораженья
За собой.
И один без промедленья
Начал бой.

Страшной раной заалела
Ночь вокруг.
Только двое уцелело
Верных слуг.

Добрались они до суши
Кое-как.
Чуть насторожили уши —
Лай собак...

На кого идет охота
Междурифм?
Облетает позолота
С мокрых грав...

3

Разлученный с матерью гнедою,
Жеребенок выбился из сип.
Родниковой, сладкою водою,
Было время, принц его поил.

Ощущив дыхание чужое,
Наконец призывно он заржал.
Но, как и положено герою,
Маленький упрямец не дрожал.

...Лев наперерез ему рванулся
И увел куда-то свору псов.
Жеребенок весело встряхнулся,
Прежде здесь никто не видел львов.

Осмотревшись, наземь опустился
И подумал:

„Я спасен теперь.
Благородный принц бы мной гордился,
Только тяжела в темницу дверь“.

Так он, незаметно разрыдавшись,
О себе, о принце рассказал.
Третий лев, последних слов дождавшись,
Жеребенка нежно облизал.

И пошли они до подземелья,
Узника решив расколдовать,
Выпил принц подмешанного зелья,
Но злодею не торжествовать!

Если не погас огонь отваги,
Если друг с тобою или брат,
Ни плавник акулы, ни собаки
Не заставят повернуть назад...

4

На краю глубокого колодца
Каркают противные вороны.
Там, на самом дне, не греет солнце
И у принца нет его короны.

Лев ворон рычанием пугает,
Жеребенок бьет копытцем смело.

На спине мгновенно вырастает
Пара крыльев. Время пролетело...

И хотя исклеван лев до крови,
Конь с кольцом принцессы вниз стремится...
Свет во мраке! Дверь не на засове!
И темница больше не темница!

Снова принц свободен и прекрасен,
Злой колдун повержен в поединке.
Снова мир чудес многообразен
И улыбчив, словно на картинке.

Лишь примерил принц заветный перстень,
Сила храбрых львов в него вместилась.
А из облетевшей львиной шерсти
Золотых три розы распустилось.

На своем товарище крылатом
Он отвез принцессе эти розы,
Что пылали вечером закатом,
А с утра роняли скучо слезы...

Скоро принц с принцессой обручился
И потом всю жизнь дарил ей ласку.
Я летать во сне не научился,
Но зато сумел придумать сказку.

ИСТОРИЯ ШАРИКОВОЙ РУЧКИ, или пролог...

А.Т.

Жила-была шариковая ручка, самая обыкновенная. Как и другие шариковые ручки, и не только шариковые, мечтала она приносить пользу людям до тех пор, пока не кончится паста.

Еще в киоске рассказывали ей подруги красивые легенды о гусиных перьях, которыми в давние времена писались любовные письма, захватывающие романы и восторженные стихи. Замечательные эти перья не раз становились хранителями тайн благородных рыцарей и не менее благородных поэтов. Наша шариковая ручка по-доброму завидовала и гусиным перьям, неизвестно почему

отмененным, и своим подругам, не написавшим ни единой строчки, но, видимо, хорошо осведомленным о том, как это нужно делать...

...Ее купили неожиданно, за какую-то мелочь, после чего принялись безжалостно тратить драгоценную паству на убийственно скучные доклады, анонимные кляузы и прочие мерзости. Однажды несчастную даже швырнули на стол, да с такой силой, что повредили ей резьбу. Казалось, вот-вот прозвучит смертный приговор, однако буря понемногу стихла, калеку перебинтовали клейкой пленкой и опустили в карман. В кармане было темно и страшно. Огромная пуговица, служившая замком, лишала всякой надежды увидеть свет. „Лучше бы я погибла там, на столе, — думала узница. — Купивший меня скряга пожалел денег на новую, полнокровную ручку, предпочтя домучить ту, которую он же сломал. Нет, во что бы то ни стало надо бежать из его кармана!“ Преодолевая боль и страх, бедняжка обследовала темницу и вдруг обнаружила маленькую дырочку, куда тотчас же скользнула...

...Она лежала на дороге под звездным небом и вспоминала уютный киоск, где самонадеянные подруги нашептывали ей легенды о гусиных перьях... А в это время мимо проходил странный бородач, что-то бормотавший себе под нос. Странность его заключалась в том, что он сначала остановился, а потом с величайшей осторожностью поднял шариковую ручку, принес ее домой, и в ту же ночь они вдвоем написали удивительную сказку, которая и предлагается вашему вниманию...

Взрослая сказка для детей

А.Т.

Вступление

Чтобы выдумать сказку,
Надо грезить ее чудесами...
Зло всегда носит маску,
А добро представляем мы сами...

Отправляясь в дорогу,
Поклянемся не праздновать труса...

Верить другу и Богу,
Бог поэтов — крылатая Музा...

Пусть она нам поможет
Сохранить драгоценное слово...
Мысли в образы сложит,
Уточняя их снова...

Пусть каленые стрелы
В благородных коней не вопьются...
Будем в выборе смелы,
Ведь сердца ради подвигов бьются...

...Если гложет сомненье,
Лучше книгу закрыть не читая...
Лишь принявшим знаменье
Улыбнется заря золотая!

1

Иногда, перед сном,
Дети любят мечтать...
И за темным окном
Звезды в небе считать...

Где-то там — Волшебство
Интересно живет...
То творит озорство,
То медведем ревет...

Где-то там, в вышине
Существуют миры...
На туманной луне
Жгут бродяги костры...

И на млечных лугах
Отдыхают стада,
При своих пастухах,
Не державших кнута...

А над самой землей
Детский пристальный взор
Различает порой
Снежность облачных гор...

2

На облаке город построила фея,
В нем жили мечтатели и мудрецы...
Они защищали свой город от змея,
Который срывал, на удачу, венцы...

Венцами мечтатели очень гордились,
Волшебная сила питала цветы...
Поэтому даже ночами светились
Прекрасные лики, вблизи от беды...

Потеря венца умираньем считалась,
Погасшим уже не хотелось мечтать...
Их в плен забирала надолго усталость,
Усталому облаку трудно летать...

А змей становился с годами наглее,
И вот, он похитил последний венец...
Сиянье пропало, заплакала фея,
И крепко задумался старый мудрец...

Но думать известная слабость мешала,
Решенье стариk огласил со стыдом...
Несчастная фея едва возражала
И змея супругом признала потом...

3

Низко туча висит,
Предвещая грозу...
Змей наносит визит,
Фея прячет слезу...

Мудрецы по судам
Морщат лоб в полусне...
Нет свободы мечтам
В невеселой стране...

Нет красивых речей
И внимательных глаз...
Только траур свечей
Да помин через час...

Рыщут стаи врагов,
Всюду крови следы...

Вместо добрых стихов,
Стук камней о щиты...

Где найти храбрецов,
В ком особенный пыл,
Кто о роли венцов,
Омертвев, не забыл?

4

Небесные кони нас ждут не дождутся,
Мы змея, ребята, должны одолеть!
Венцы из надежд и поступков плетутся,
О куклах и тряпках не время жалеть...

Вперед! Постарайтесь в седле удержаться,
В змеиную пасть направляя копье...
Великое дело за правду сражаться,
За фею и облачный город ее...

...Под стрелами змея упрямятся кони,
Но в жаркой борьбе мы, как прежде, дружны...
За каждым венцом тянут дети ладони,
И многие аурой освещены...

Ни с чем не сравнить ощущенье победы,
Хоть в нем и присутствует горечь утрат...
С простреленным сердцем уходят поэты
В неведомый край недопетых баллад...

И все же грустить о поэтах не стоит,
Награда им — облачный Город Чудес...
Спасенная фея слезами омоет
Нескладные строки вчераших повес...

5

Золотая заря —
Вот итог наших дел!
Мы взрослели не зря
Среди огненных стрел...

Явь и мнимый покой
Не имеет границ...
Нереальный герой
Нас позвал со страниц...

И, рванувшись на зов,
Настоящие мы
Из-за чудных венцов
Бились с силами Тьмы...

И вернули мечту
Нашим книжным друзьям...
До конца на виду
Те, кто честен и прям!

Золотая заря
Улыбается нам,
Свет и ласку даря
Занебесным мирам...

Послесловие

Сказки сочиняются,
чтобы в них
верили...

Монолог змея

А.Т.

Я самый огнедышащий из змеев,
Ни у кого такого нет хвоста...
Я поджигатель неба, принц злодеев,
Не сочинявший сказок никогда...

Передо мной робеет даже фея
И мудрецы уже не мудрецы...
Куда не глянешь, все боятся змея,
И рушатся воздушные дворцы...

Моих полетов сторонятся птицы,
Чьи крыльшки не раз опалены...
Едва мне стоит в небе появиться,
Недетские ребятам снятся сны...

Едва мне стоит в небе появиться,
Недетские ребятам снятся сны!!!
<14 15 мая 1994 г.>

**Песенка змея
(жалостливая)**

А.Т. Я несчастный, хоть и страшный с виду змей.
Ничего не вышло из моих затей...
Слезы катятся от недостатка зла,
Ах, не ладятся змеиные дела!!!
Дышу огнем, стараюсь, как могу.
Но нет надежды выдохнуть тоску...

Если б кто-нибудь со мной поговорил,
Я бы пакостен таких не натворил...
Я бы с леечкой выращивал цветы,
Ах, обманчивы змеиные мечты!!!
Дышу огнем, стараюсь, как могу,
Но нет надежды выдохнуть тоску...

Неужели век мне пугалом летать
И над долюшкой нескладною рыдать?
Не злодей я, просто фея хороша...
Ах, болезная змеиная душа!!!
Дышу огнем, стараюсь, как могу,
Но нет надежды выдохнуть тоску...
<15 мая 1994 г.>

Эвальд и Агнесса

Я.К.

* * *

Давным-давно в стране Гвендориланне,
Где чуть искрится утренний туман,
Где темен лес, где горы-великаны,
Спокойно царствовал король Бертран.

Но больше всех сокровищ королевства
Любил он семью охотничьих собак
И дочь свою, красавицу Агнессу,
Улыбкой разгоняющую мрак.

С утра коня седлали, и стрелою
Летел он на охоту, как юнец,

Днем дочери божественной игрою
На арфе наслаждался наш отец.

А вечером, за блещущим бокалом,
Вершил он королевские дела.
Не знал он про болезни и усталость:
Так жизнь его счастливая и шла.

* * *

Однажды он в чащобе заблудился,
Измучился и выбился из сил.
И конь его усталый оступился
И хвост гадюке черной отдавил.

А так как было время полнолуния
И вся от страха ёжилась земля,
Гадюка обернулась вдруг колдуньей
И зашипела зло на короля:

„Зачем пришел, король, в мои владенья?
И что ты ищешь? Клады под землей?
Их зорко охраняют привиденья!
Здесь лес, и луг, и даже воздух мой!“

„В моем лесу живут такие твари
И нарушают лад и красоту?!
Она еще ребенка напугает!“ —
И крикнул псам своим король:
„Ату!“

И как глаза колдуньи ни сверкали,
Хоть совершила подлость не одну,
Они ее изрядно покусали
И наконец загнали на сосну.

И там она сидела, как ворона,
Грозя, как полуумная, ему:
„Ты будешь проклят и лишишься трона,
И все, что любишь ты, я отниму!“

И вот, когда король поехал к дому,
Вмиг ведьма обернулась упырем
И полетела, злобою влекома,
Неся несчастье в королевский дом.

* * *

Принцесса в замке у окна сидела,
Колдунья травы бросила в вино —
И брызнула в лицо проклятым зельем,
И тут же черным сделалось оно.

Увидев гадкой ведьмы злое дело,
Принцесса не хотела больше жить,
Но кроме красоты она имела
Столь редкостный талант — светло любить.

Тревожась об отце, пропавшем ночью,
Агнесса с вечера не знала сна,
И вновь, ладошкой прикрывая очи
И плача, стала ждать его она.

Король Бертран, вернувшись с охоты,
Вбежал в покой дочери своей
И в ужасе воскликнул:

„Боже! Кто ты?!

Где дочь моя? Огня! Сюда! Скорей!

Принцесса! Дочка! Ты ее украла!
Верни мне дочь! Лови ее, лови!“ —
Она бежала в ночь по темным залам,
Боясь отца, боясь его любви.

„За ней! Догнать! проклятая старуха!
Она, она накликала беду!
Мне в замок подослала злого духа!
Спустите псов — они ее найдут!“

И семь огромных черных волкодавов
Рванулись в поле, спущены с цепей,
Их пасти изрыгали пламень алый,
Глаза мерцали искрами огней.

Она бежала к лесу белой тенью
И слышала их топот, лай и рев,
И вдруг, споткнувшись, пала на колени,
И тут ее настигла стая псов.

Но до нее дотронулись носами,
Ее обнюхав с головы до ног,
И завиляли радостно хвостами,
Как встретивший хозяина щенок.

И вместе с ней ушли они в чащобу,
Храня и добывая ей еду,
И защищая от звериной злобы,
И разделяя холод и нужду.

И там она привыкла к духам леса,
Дриадам рощ, наядам ручейков,
И следовали всюду за принцессой
Семь верных черных и огромных псов.

* * *

Однажды поздней осенью в дубраве,
Когда уже повеяло зимой,
Собаки окружили с громким лаем
Седого старика с большой сумой.

Свирепых псов Агнесса пристыдила,
А старика с лохматой бородой
И успокоила, и накормила,
И напоила ключевой водой.

„Как ты добра! Спасибо за заботу!
И как изящен этот реверанс!
Я дерево ищу здесь для работы.
Будь дочерью моей: я мастер Ганс.

Я одинок: ни дочери, ни сына,
Мой дом большой безрадостен и пуст.
Идет зима — и скоро лес застынет,
Негодное жилье — ольховый куст“.

* * *

Он делал кукол, но необычайных:
Он был механик, мастер и поэт
И в каждую вложил немного тайны,
Вливая в них любовь свою и свет.

Глаза сияли, губы были алы,
Вилась волос уложенная прядь,
И куклы эти в королевских залах
Учили всех придворных танцевать.

Менялись моды, платья, танцы, букли,
А старый мастер много-много лет

На каждый танец мастерил по кукле,
Изобретал для каждой свой секрет.

* * *

Они зажили дружно и спокойно.
Принцесса озарила счастьем дом
И окружила старика любовью
И нежностью, заботой и добром.

И псы нашли приют в огромном доме,
В заросшем и заброшенном саду,
Как в ясный день, покуда не пригонит,
Как ветер тучи, новую беду.

Однажды мастер Ганс, вернувшись поздно,
Принес заказ от канцлера страны,
Звучавший властно, холодно и грозно,
Тюрьмою угрожавший без вины.

„А сделать этот танец новомодный
Я не могу, —

признался старый Ганс, —
Нет куклы столь парящей и свободной —
Не экосез, гавот или контрданс“.

И сколько после Ганс седой ни бился,
Но новой куклы смастерить не смог...
Он исхудал, извелся, истомился:
Уж истекал приказом данный срок.

И девушка спасти его решила:
„Я эту куклу заменю собой.
Хоть волей рока я и некрасива,
Но танец станцевать могу любой“.

Сначала старый мастер испугался,
Но дочь уговорить его смогла,
И он ей платье сшил и сделал маску, —
И страны Провидения дела! —

Как будто совпадений было мало,
Оно замкнуло новое кольцо:
Принцесса в маске мастера узнала
Свое былое милое лицо.

„Я сделал эту маску по наитию —
Такая, дочка, у тебя душа:
Ты сочетаешь скромность и величье —
И, видит Бог, должна быть хороша!“

Она, вздохнув, себе сказала кротко,
Что так ее судьбу сложил Творец...
И вот в огромной шелковой коробке
Она попала в праздничный дворец.

* * *

Да, это был триумф седого Ганса:
Как восхищались и король, и двор!
О ней слагали песни, гимны, стансы...
„Труд гения“, —

был общий приговор.

А принц страны в нее навек влюбился,
На горе всем жеманницам двора.
Как на святыню, на нее молился,
О ней мечтая с ночи до утра.

Он тоже ей понравился; в мечтаньях
Принц был изящен, страстен и красив.
И вновь терпела девушка страданья,
Под маской только губы закусив.

Как будто бы Агнессу кто-то сглазил,
Поставив на судьбе ее клеймо:
Сначала рок ее обезобразил,
Потом прекрасной сделал, но немой.

* * *

А в это время прибыл к ним с посольством
Отец Агнессы, их сосед и друг.
Король Георг был славен хлебосольством,
И избранных собрался тесный круг.

Король Берtrand, вдруг полотна бледнее,
Поднялся с места, испугав гостей:
Он увидал танцовщицу фею
С лицом любимой дочери своей:

„Я за нее отдам полкоролевства,
Без дочери мне стал немилым свет!
Вдруг от тоски поможет это средство!“ —
Король Георг сказал ему в ответ:

„Возьмите эту куклу как подарок
(Я буду Вам признателен весьма)
И увезите поскорее в замок:
Мой бедный сын сошел по ней с ума“.

Король Берtrand увез свою Агнессу,
Не ведая, что кукла — это дочь,
И плакал, вспоминая о принцессе,
И любовался ею день и ночь.

* * *

А без принцессы псы, визжа и воя,
Скуля щенками, ищащими мать,
В пустом саду побегали гурьбою
И бросились везде ее искать.

Неслись они лесами и полями,
Пугая всех прохожих на пути,
И может быть, от чар, а может — сами
Они отныне начали расти.

И в королевстве у отца принцессы
Летела шепотом лихая весть:
Семь оборотней бродят в чаще леса,
Кого-то поджидает злая месть.

А псы росли и в поисках добычи
Все чаще подходили к деревням,
И вот уж находили остов бычий,
Сзываая стадо на закате дня.

А псы росли, и вот уже по селам,
По улицам безлюдных городов
Неслась их стая — ненасытный голод
Все гнал вперед гигантских черных псов.

И вся страна, огромна и богата,
Как язву разъедена внутри,
Спасалась, смертным ужасом объята,
Бежала в замки и монастыри.

* * *

Принц Эвальд не сумел забыть Агнессу —
Ни стан ее, ни блеск печальных глаз:
Мечтатель видел в ней свою невесту,
О Галатее сказкой вдохновясь.

И времени прошло совсем немного...
Разлуку ненавистную кляня,
Он, бросив все, отправился в дорогу,
К Агнессе направляя бег коня.

Чем ближе к замку, тем пустынней тропы,
Дороги зарастают сорняком,
И травы приглушают конский топот,
Колеблемые легким ветерком.

И деревеньки милые пустынны,
И улицы притихших городов,
Как будто все уснули и застыли,
Тревожимы лишь тенью страшных снов.

Так в дом своей любимой принц примчался.
Бертран радущен был, как старый друг,
Он одинок в несчастье оказался,
Лишь с куклою и парой верных слуг.

„Мой друг! —
сказал король. —

Скрывать не стану
(Мы все рабы мечты или любви):
И с куклою, и с жизнью я расстанусь,
Ты только черных псов останови“.

Принц отвечал:

„Поэты и герои
Во все века сражались за мечту,
И я пополнить их ряды собою
Всегда за честь великую почту“.

Принцесса, слушавшая эти речи,
Ни плакать, ни смеяться не могла,
Ни высказать, как радуется встрече,
Которой, не надеясь, так ждала.

Когда ж она услышала, что принцу
Придется за нее идти на бой,
А ей нельзя и шевельнуть мизинцем,
То девушка не справилась с собой.

Пусть нападает оборотней стая,
Пусть проклянет ее король-отец,
Агнесса бросилась, пути не зная,
За Эвальдом, оставив свой дворец.

И вот она увидела с пригорка,
Что стая псов, огромных, до небес,
Как будто армия свирепых орков,
Бежит, топча, как папоротник, лес.

И ведьму увидала на опушке,
Которая науськивала псов,
То квакая, как старая лягушка,
То ухая, как сотни диких сов.

И вскрикнула испуганно Агнесса,
И сразу пес, что впереди бежал,
Взглянул в глаза измученной принцессе,
И ей почудилось — ее узнал.

А в этот миг в блестящих латах Эвальд
Летел навстречу стае черных псов,
Но вдруг застыли псы, увидев деву,
Услышав молодой хозяйки зов,

И бросились, и ведьму растерзали,
Что улететь хотела на метле,
И вновь такими же, как прежде, стали,
Свою богиню встретив на земле.

А принц воскликнул:
„Боже! Ты живая?!” —
И маску восковую снял с нее.
И вот, еще сама того не зная,
Агнесса обрела лицо свое.

Страшась, глаза ладошками закрыла...
Потоком слез, потоком чистых струй
И грудь, и губы принца окропила
И встретила так первый поцелуй.

Как в давние годы, молва гласила:
С Агнессой Эвальд — дивная чета.
Коварство злобы победила сила,
И к доброте вернулась красота!

Сказка о мушкетерской стране

*Люди делятся на мушкетеров
и остальных*

А.Т.

Восемь заповедей

Будь чист перед собой,
Держи умело шпагу,
Довольствуйся Судьбой,
Надейся на отвагу,
Доверьем дорожи,
Всем жертвой ради друга,
Богатству не служи
И боль терпи без звука...

Ты — мушкетер!

- I. На планете Сновидений
Есть отважная страна...
Неожиданных мгновений
И янтарного вина...

Мушкетерский плащ и шпагу
Носит каждый в той стране...
Сирано де Бержераку
Там писалось при луне...

В первый раз, давно когда-то,
Я отправился туда,
Завернувшись в плащ заката,
Как назначила Судьба...

И ворота, прямо в детство,
Важный стражник распахнул...

Предложив коня в наследство,
Он мне повод протянул...

Я коня слегка пришпорил,
Конь воинственно заржал...
Но с хозяином не спорил,
Повод крепко я держал...

II. Вдруг случилась беда,
Затуманились дали...
На глазах пропадали
С плеч плащи без следа...

Сгинул даже закат,
Кружева потускнели...
И клинки зазвенели
В темноте наугад...

Я покинул седло,
Седла все покидали,
Ради жалящей стали,
Закаляющей Зло...

А потом, у стены,
Отражая удары,
Мы делились на пары,
Веря в лучшие сны...

Ну а Зло было Злом,
На Добро не похожим,
Здоровей и моложе,
И с вороньем крылом...

III. Луна над городом взошла,
Молитва голос обрела...
Ее слова ласкали слух,
У слабых поднимая дух...

И дама в маске и колье,
Отвергнувшая Ришелье,
Склонившись надо мной тайком,
Стирала пот и кровь тайком...

Она спасение мое,
Кружило тщетно воронье...
Опасность отступила прочь
В несуществующую ночь...

С благословенья тишины,
Движенья быстры и точны...
Испанка шила плащ Побед,
Нарушив для меня запрет...

И вот заветный плащ на мне,
И снова рыцарство в цене...
Не даром благородный взгляд
В шкатулках памяти хранят...

IV. ...Рассыпались козни изменников,
Укравших плащи и закат...
Надеюсь среди современников
Немногих использует ад!

Пути их намеренно сбивчивы,
Язык исповедует ложь...
Их лица в толпе неулычивы,
А руки преследует дрожь...

В реальности и отражениях
Не трудно узнать подлецов...
Мальчишки взрослеют в сражениях,
Не прячась за спины отцов...

Летят разноцветные фантики,
Редеет враждебная мгла...
Под знаменем вечной Романтики
Святые вершатся дела...

И шляпы, украшенной перьями,
Не смеет коснуться свинец...
Мириться не нужно с потерями,
Счастливым задуман конец...

V. В мушкетерской стране,
Где мальчишек в мужчин посвящают,

Я бываю во сне,
Мне враги этих снов не прощают...

Если шпага в руке,
Если сердце на дружбу не скupo,
Ныть и киснуть в тоске —
Недостойно, бездарно и глупо...

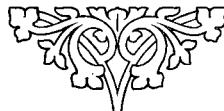
Оглядитесь, кругом
Предостаточно фальши и лести,
Чтоб расставшись с клинком,
Жить в глухи, не заботясь о чести...

Мушкетеры, вперед!
Пусть мушкет в свой черед не промажет...
Да Судьба подмигнет,
Или шляпой хотя бы помашет...

В мушкетерской стране,
Где столетье короче мгновенья,
Я скачу на коне,
На крылатом коне Вдохновенья...

В мушкетерской стране!

ЛЮБВИ МЕЛОДИЯ НЕТЛЕННА

Венок сонетов I

А.Т.

В лесу любви так просто заблудиться

Сонет 1

В любви все чувства собраны в одно,
В едином сплаве счастье и несчастье,
Живое и наивное участие
С корыстной лестью переплетено.

Каким бы горьким не было вино,
Мы пьем его, залить желая страсти,
Больное сердце рвущие на части,
Хоть исцеленье здесь исключено.

Вот так и нежность нам туманит взор,
И поцелуй приятно опаляет,
Самой Судьбы приемля приговор,

Она и губит, и благословляет...
Но продолжает бесконечный спор
Сомнительность, что душу отравляет!

Сонет 2

Сомнительность, что душу отравляет,
В любом из нас умеет поселиться
И, побуждая беспричинно злиться,
Она искусно чувства притупляет...

Как будто в спину верности стреляет
Вопросом: проклинать или молиться?
Страданьям тайным суждено пролиться
И это никого не удивляет...

Так, значит, нет чудесного лекарства
И власти с солнцем ночь не разделяет,
И свет дневной не проникает в царство,

Где тень любви с оглядкою гуляет?
Но все же не в рабынях у коварства
Надежда, что последней оставляет!

Сонет 3

Надежда, что последней оставляет,
Подобна искре устремленной в ночь.
Мы ловим свет ее, когда невмочь,
Когда разлука мук не утоляет.

Возможность все поправить — окрыляет,
Ненужное отбрасывая прочь.
Однако сколько счастья ни пророчь,
Его по каплям жизнь распределяет.

Те капли собирают годы наши
И опускают памяти на дно...
Увы, нельзя испить заветной чаши,
Хоть быть счастливым не запрещено...
Бессменно много лет стоит на страже
Смирение, что страхами полно!

Сонет 4

Смирение, что страхами полно,
Отвергнутых и падших не жалеет
И тот, кто им однажды заболеет,
Уже не ищет по свету руно.

Воображенье не дразнит оно,
Меж скал нависших парус не белеет
И странник мысли прежней не лелеет,
Стремясь пройти сквозь узкое окно.

Не меркнет день и молнии не блещут
И волны, пенясь, о борта не плещут,
Все кончено, забыто, прощено...

Но иногда змеею заползает
И больно успокоенность кусает
Отчаянье, что выглядит смешно!

Сонет 5

Отчаянье, что выглядит смешно,
Как старый враг спокойствия лишает
И сделать выбор правильный мешает,
Утаивая истины зерно.

Им самомненье насмерть сражено,
Речь путанная суть не выражает,
Беспомощность гнетет и разрушает
Нас изнутри и все предрешено...

Любовь и та теряет высоту,
Не чуя крыльев к своему стыду,
Паденье взлет счастливый отдаляет...

Но от удара может уберечь
И сбросить тяжесть с воспаленных плеч
Уверенность, что силы укрепляет!

Сонет 6

Уверенность, что силы укрепляет,
Толкает нас к решительному шагу
И дремлющую в ожиданья шпагу,
Она из тесных ножен выселяет.

И острие в грудь сплетне направляет,
Вчерашний страх переодев в отвагу,
И ложь теснит к глубокому оврагу,
Где место ей навек определяет...

Та неохотно поднимает руки,
Все громче марша свадебного звуки,
Кого из смертных он не вдохновляет..

На слишком мало сказано друг другу
И снова строит мост через разлуку
Терпение, что мыслить заставляет!

Сонет 7

Терпение, что мыслить заставляет,
Всегда вознаграждается Судьбой,
Оно победой завершает бой
И сломанные крылья расправляет,

Своих героев скромных прославляет,
Но не походной звучною трубой,
А внутренним согласием с собой
И этим как бы чувства обновляет.

Нас постоянству учит ожиданье,
В нем благородство душ отражено,
Способность видеть через расстоянье

И помнить пережитое давно...
Но омрачает нежное свиданье
Притворство, что обманом рождено!

Сонет 8

Притворство, что обманом рождено,
Не может прежней близости вернуть,
Им искренность легко перечеркнуть,
Поскольку все в игру превращено.

Святое похвалой развернуто,
Но кто себя посмеет упрекнуть
И душу без боязни распахнуть,
Когда на лбу бесчестия пятно.

Мы привыкаем маски не снимать
И вздор любой за правду принимать,
Не потому ли так высок Парнас?

Поэтам не пристало потакать,
Но мысль устам мешает излагать
Уступчивость, что ущемляет нас!

Сонет 9

Уступчивость, что ущемляет нас,
Напоминает белый флаг при сдаче,
Пощечину растерянной удаче,
На полуслове прерванный рассказ.

Нередко необдуманный отказ
Злым языком толкуется иначе,
И тают свечи в безутешном плаче
И, как их воск, течет за часом час.

Достоинство, уроненное в грязь,
Обходим мы, испуганно крестясь,
И в луже слез ступней своих не мочим...

Но рано прятать сердце под печать,
Средь тайн его умейте отличать
Смущение, что опускает очи!

Сонет 10

Смущение, что опускает очи,
Лучом зари касается ланит.
Пока румянец нежит и саднит,
Недобрый слух любви не опорочит.

Она вкусить запретный плод пророчит,
И вот уже объятие пьянит,
И души грех содеянный роднит,
И святости былой никто не хочет.

Когда Амур стрелою в сердце метит,
Нимб над челом загадочно не светит,
К молитве не зовет иконостас...

Но истинное чувство подменяет
И к пагубным желаниям склоняет
Распущенность, что сеет ветер фраз!

Сонет 11

Распущенность, что сеет ветер фраз,
Приводит к безысходности и краху.
Едва мы уступаем место страху,
Она диктует волю, как приказ.

Но если месяц в небе не погас,
И труп любви не выброшен на плаху,
С души заблудшой не сорвут рубаху
Последствия ошибок и проказ.

Рассудок призван жертву защитить,
Хоть можно далеко не все простить,
Когда обильно совесть кровоточит...

Не лучше ль постараться воспитать
И вовремя потомству передать
Воздержанность, что хороша до ночи!

Сонет 12

Воздержанность, что хороша до ночи,
Страстям перекрывает все пути,
Похоронив их глубоко в груди,
И этим многим головы морочит.

Она в минуту гнева обесточит,
Сгустившиеся тучи впереди,
Готовые пролить из слез дожди,
И ни одна из молний не проскочит.

Разнообразье чувств не знает края,
Но каждое несет в себе, сгорая,
Другим не повторяемый наказ...

И сколько бы веков не пролетело,
Пока душа сопровождает тело,
К любви еще вернутся и не раз!

Сонет 13

К любви еще вернутся и не раз,
Не исчерпать извечной темы словом,
Родившимся под небом или кровом
Бесценным и прекрасным как алмаз.

Его не изрекают на заказ,
Не шепчут в состоянии бредовом,
Оно летит неумолимым зовом
Туда, где розы тянутся из ваз...

Туда, где серебрятся зеркала,
Где изобилье света и тепла,
Где на добро измена зуб не точит...

И мы толпой стремимся в этот зал,
Но не спешите, я не все сказал,
В конце строки поставив многоточье...

Сонет 14

В конце строки поставив многоточье,
Перо собратьям в руки отдаю.
Ни рифм от них, ни мыслей не таю,
А просто я слагаю полномочья.

Черновики, не порванные в клочья,
Понять помогут исповедь мою
И почему творить перестаю,
Достигнув глубины сосредоточья.

Венок сонетов — голос откровенья,
Он будит у людей воображенье,
Сходящее на лист и полотно.

Но повторю опять как заклинанье
Тому, кто лиру примет в назиданье,
В любви все чувства собраны в одно!

Магистрал

В любви все чувства собраны в одно:
Сомнительность, что душу отравляет,
Надежда, что последней оставляет,
Смирение, что страхами полно,
Отчаянье, что выглядит смешно,
Уверенность, что силы укрепляет,
Терпение, что мыслить заставляет,
Притворство, что обманом рождено,
Уступчивость, что ущемляет нас,
Смущение, что опускает очи,
Распущенность, что сеет ветер фраз,
Воздержанность, что хороша до ночи.
К любви еще вернутся и не раз,
В конце строки поставив многоточье...

<26.10. 06.11.1987>

ПИСЬМО

поэма

Я.К.

Представь себе, что эту ночь
Мы прогуляли под луною,
И солнца мраморная дочь,
И ты всю ночь была со мною.

Над нами властвует луна
И ветра влажное дыханье
Она в кого-то влюблена
И назначает нам свиданье.

Я не писал тебе, мой друг,
Боялся я тебе наскучить,
Но случай — преданней всех слуг,
Благословляю этот случай!

Ты повелела — и теперь
Твой шарф всю ночь ношу на шлеме.
Наутро ты откроешь дверь —
И в руки упадет поэма.

Я много написать бы мог.
Я не писал тебе ни разу:
Нет, не поэму, а письмо,
Написанное по заказу.

Не на заказ душа цвела,
Ты лишь нарушила молчанье,
Ты разрешение дала
На сладостнейшее признанье.

И одного мне жаль сейчас:
Что ты могла бы и прибавить,
Мне жаль, что только сорок раз
Могу тебя стихом прославить.

И если мне дана лишь ночь
На составление посланья,
Лишь чудо может мне помочь
Продлить ее очарованье.

Пусть тайна вечности войдет
Во все написанное мною,
Небесный замыкая свод
Над новой истиной земною.

* * *

Я.К.

Никто не смог еще сказать
Из тех поэтов, что люблю я,
И отдаленно описать
Неповторимость поцелуя.

Когда же губы на губах,
Когда держу тебя в ладонях,
Вселенная — бесцветный прах,
Ты — ярче, сладостней, бездонней.

Мой Бог! Когда б я только мог
Платить тебе поэта платой
За поцелуй по восемь строк,
Как я благословил бы трату!

И если б от строки моей
Звезда зажглась или комета,
Я столько бы зажег огней —
Земля ослепла бы от света!

И в этом вихре золотом,
Вмиг поглотившем пояс Млечный
Весь мир пыпал одним огнем,
Одной звездою бесконечной...

Когда б я кровью их писал
На лист, сощащейся под пыткой,
Я всю б тебя исцеловал,
Клянусь! Я не был бы в убытке!

Когда б дрожащий лепесток
Отметил наши поцелуи —
Весь мир, как сад, у наших ног
Взошел, цветами салютая!

И из огромного цветка,
Вобравшего миры Вселенной,
Сияла каждая строка
Жемчужным лепестком нетленным.

Да, это было бы легко,
Но милый твой приказ мне дорог,
Я не зайду так далеко —
И вот их будет ровно сорок.

* * *

Я.К. Конечно, я не Сирано,
И мне судьба городzo реже
Показывает длинный нос,
Но мир такой же, как и прежде.

И, как и прежде, за стихи
Мир платит тою же монетой,
И как за страшные грехи,
Судьба преследует поэтов.

И сотни рыцарей плаща
Готовы броситься со шпагой
На странника, что, смысл ища,
По жизни тащится бродягой.

И знай, и помни, милый друг,
Что хоть поэт твой не бездельник,
Не будет у меня ни слуг,
Ни власти, ни земель, ни денег.

И может быть, на склоне лет
Ждет за углом меня полено,
Но мне сияет яркий свет
И пачкать не дает колена.

Но и никто, кроме меня,
Тебе не сможет из эфира
И из небесного огня
Сшить платье королевы мира.

И драгоценные стихи
Не вправит в дивную корону,
Чтоб с каждой вставленной строки
Смотрел алмаз, в тебя влюбленный.

Запрячь не сможет тех коней,
Что полетят быстрее света,
И вечных не подарит дней
Никто, никто, кроме поэта.

Итак, гуляем мы с тобой,
Прогулка эта в ночь длиною,
И неба купол голубой
Окутан темной пеленою.

Четырежды по сорок строк
Прогулка наша отсчитает,
Письмом падет у милых ног
И на губах твоих растает —

Рассказом о моей судьбе,
Письмом, поэмою, признаньем,
Но главное скажу тебе
Я в окончании посланья.

Нет, не спеши открыть ты дверь,
Не прерывай творца занятье,
Я посвятить хочу теперь
Еще одну главу — объятьям.

Пустыни жар тебя спалит,
Но он не принесет блаженства,

Вино твой разум опьяняит,
Но не дарует совершенства.

Лесной воркующий ручей
Омоет свежестью и светом,
Но не откроет смысл вещей,
Что ясен детям и поэтам.

И мерный шелест волн морских
Дарует ритм любви и влагу,
Но не подарит слов людских,
Что шепотом на душу лягут.

Когда я прикоснусь к тебе
Руками, жаркими, как ветер,
И переменами в судьбе
Душа на вздох души ответит,

Когда дыхание мое
Коснется плеч твоих несмелых
И силы дрожь в тебя вольет,
И прикоснется тело к телу —

Вмиг будет все: ручей лесной,
И жар, и свежесть, свет и волны,
И ты забудешься со мной,
Как от вина в бокале темном.

Вот зажигается заря,
Прогулка подошла к финалу.
Поблекла лампа фонаря,
И солнце радостное встало.

Пора, пора тебе вставать
И босиком бежать до двери,
Не застелив еще кровать,
Открыть, увидеть — и поверить,

Что есть на свете волшебство,
Дарующее вдохновенье,
И мне дано на нить его
Ловить, как бусинки, мгновенья.

Что ж, я исполнил обещанье
И больше вас не утомлю.
Позвольте только на прощанье
Сказать вам: „Я тебя люблю“.

ОРДЕН
РЫЦАРЕЙ КРАСОТЫ

Тост

А.Т.

За орден рыцарей Красоты
Выпьем, чтоб чаши были пусты,
Чтобы стальные лучи клинков
Нас превратили в полубогов!

За орден рыцарей Красоты
Выпьем, чтоб нами были горды
Те, кто способен расслышать зов
Вещей трубы среди праздных слов!

За орден рыцарей Красоты
Выпьем, чтоб крепли ноши ряды,
Да воцарятся на сотни лет
Тroe — воин, мудрец и поэт!

<1993>

Венок сонетов III

А.Т.

*Держаться с достоинством,
значит уже победить*

Сонет 1

Рыцарь — это поэт.
Речь его вдохновенна,
Ночь проходит мгновенно,
Остается сонет.

Дамской туфельки след
И печаль, что нетленна,
Развивают посменно
Образ или сюжет...

Смысл написанных строк
И весом, и глубок,
И прочтеньем удвоен...

Торжества Красоты
Жаждет в царстве мечты
Рыцарь — мастер и воин.

Сонет 2

Рыцарь — мастер и воин
Знает много учений,
В них нуждается гений,
Храм еще не построен...

Путь, что долог и зноен,
Полон встреч и сомнений,
Озарений и тлений...
Будет миром освоен!

Мир изменят поступки
И откликнутся кубки
Тем, кто в выборе волен.

В ожиданьи удачи,
Среди браны и плача,
Рыцарь тверд и спокоен.

Сонет 3

Рыцарь тверд и спокоен,
Меч послужен руке.
Чертежом на песке
Архитектор доволен...

Для невежд он крамолен
В каждой новой строке,
На его языке —
Глупый глупостью болен.

„Жадный жадности данник“ —
Проповедует странник —
„Нищий верой согрет“...

Вопреки разговорам,
Злобным слухам и ссорам,
Рыцарь помнит обет!

Сонет 4

Рыцарь помнит обет
К совершенству стремиться...
Совершенное снится,
Совершенного нет...

Но сквозь всполохи бед
В сны летит колесница,
Благородный возница
Собирает в букет

Звезды — жемчуг небес,
Жизнь скучна без чудес
И без хода планет...

Потому для толпы,
По законам Судьбы,
Рыцарь в тайну одет...

Сонет 5

Рыцарь в тайну одет
И окутан туманом...
Не считайте обманом
Непонятный ответ...

Блеск старинных монет,
Разлученных с карманом...
Травы, нужные ранам, —
Вот сокровища лет...

Дорогое сукно
В непогоду дано,
Плащ романтикой скроен...

При плаще и мече,
Со святым на плече,
Рыцарь чести достоен!

Сонет 6

Рыцарь чести достоен,
Честь дороже сукна...
Ей известна цена,
Смех бесчестного вздорен...

Трус молвой опозорен,
Храбрый рвет стремена...
Рядом битва слышна,
Конь под храбрым проворен...

Конь и всадник едины,
На границах равнины
Бег столетья ускорен...

Перед старой каргою
С бородой и клюкою
Рыцарь молод и строен.

Сонет 7

Рыцарь молод и строен,
И приятен чертами.
В отношении к даме
Кавалер непритворен...

Их союз благотворен
И украшен плодами,
Полевыми цветами,
Хоть и плотно зашторен...

Впрочем страсть остывает
И украдкой зеваet
Из почтовых карет...

Летом или зимою
Искушается тьмою
Рыцарь — солнечный свет!

Сонет 8

Рыцарь — солнечный свет,
Исцеляющий души,
Свет, хранящий от стужи,
Мягкий, нежный как плед...

В полумраке портрет
Различается хуже...
В тусклом золоте кружев
Не заметен стилет...

Только солнечный луч,
Прокользнув мимо туч,
И, коснувшись снегов,

Пробуждает любовь
И с холста сходит вновь
Рыцарь — мудрость веков.

Сонет 9

Рыцарь — мудрость веков,
Опыт всех поколений,
Строгий дух искуплений
Совершенных грехов...

На подушке из мхов
Отдыхают колени,
Не привыкшие к лени,
Ясен ум от стихов...

Перекрестье меча
Ищут губы, шепча,
И найдут его вскоре...

Сквозь прозрачную сталь
Видит звездную даль
Рыцарь — искра во взоре!

Сонет 10

Рыцарь — искра во взоре
И начало огня...
Пламя, взоры пьяня,
Заставляет петь в хоре...

Растекаются зори,
Первой краскою дня,
В неизвестность маня,
И мерцая на шпоре...

Узок круг посвященных
И друг другом прощенных
У высоких костров...

Сердцу тесно в кольчуге,
Но рожден не для скуки
Рыцарь — ужас врагов.

Сонет 11

Рыцарь — ужас врагов!
Вихрь врагам не по силам...
Им, прижатым к могилам,
Не уйти от оков...

Звон счастливых подков,
Сладкий дым над кадилом,
Обещания милым,
Бросята мост через ров...

И займет цитадель,
Сняв ворота с петель,
Властолюбцам на горе...

В шлеме с белым пером,
С кличем, звучным как гром,
Рыцарь — истина в споре.

Сонет 12

Рыцарь — истина в споре.
Спор подобен войне...
Усидит на коне
Тот, кто прав в приговоре...

Тот, кто дерзок в отпоре
Спорит с ним наравне,
До заката в окне,
Ледяного в укоре...

Ради истин не раз
Штурмовали Парнас,
Не страшась облаков...

Почитатели муз,
В них воспитывал вкус
Рыцарь — свиток Богов.

Сонет 13

Рыцарь — свиток Богов,
Прорицатель, учитель...
Он — заступник и мститель,
Ключ от древних замков...

Он — основа венков,
Что несет победитель,
Щедрый освободитель
От случайных долгов.

Люди праведный труд
От забвенья спасут,
И в тончайшем узоре

Отразится тогда
Госпожа Красота —
Рыцарь — берег и море...

Сонет 14

Рыцарь — берег и море,
Волны, камни, жара...
А потом — вечера
И раздумья в дозоре...

На немом косогоре
Озорные ветра
Встрепенулись. Пора
Погулять на просторе...

И развеять тревоги,
Ведь ветра одиноки,
Как пропавший билет...

На котором когда-то
Кто-то вывел „крылато“ —
Рыцарь — это поэт!

Магистрал

Рыцарь — это поэт,
Рыцарь — мастер и воин,
Рыцарь тверд и спокоен,
Рыцарь помнит обет.
Рыцарь в тайну одет,
Рыцарь чести достоен,
Рыцарь молод и строен,
Рыцарь — солнечный свет.
Рыцарь — мудрость веков,
Рыцарь — искра во взоре,
Рыцарь — ужас врагов,
Рыцарь — истина в споре.
Рыцарь — свиток Богов,
Рыцарь — берег и море.
<09.11. 20.11.97>

Молитвы красоте

*„Я не требую от вас веры
только понимания и осознания“.*

Я.К. Пойми, что у тебя есть только ты —
Через тебя к тебе весь мир приходит,
Выводишь ты себя из темноты
И из уныния тягостных угодий.

Но что в тебе действительно твое?
Над телом властен мир. Его законы
Нам отмеряют тела бытие
И раздают вериги и короны.

Мир ослепит глаза, отнимет слух,
За миг безруким сделает калекой.
Но может ли сломить упрямый дух
Весь мир у ищущего человека?

Ты обладатель только своего
Простого я — свободной точки воли,
И это значит — властелин всего:
Решаешь ты все, что себе позволить.

И ближе всех к тебе твоя душа.
Она — твоя богиня и служанка,
Она — безногого по жизни шаг,
Глаза слепца, оглохшего шарманка.

И ты своей душе и раб, и бог.
Ее жилец, строитель и защита,
И в ней же навсегда ты одинок,
И из нее твои и рать, и свита.

Ты можешь стать глупцом, ее губя,
Ты даже можешь быть к ней безразличен,
Она же может подтолкнуть тебя
К тому, к чему ты был всегда привычен.

Она — единственная с миром связь,
Она — твой рок, твоя судьба, быть может,
Отчаянье, любовь твоя и страсть,
И для тебя нет ничего дороже.

Подумай, что живет в твоей душе, —
Лишь то, на что ты обратил вниманье,
Лишь это оправдает ход вещей
И принесет и радость, и страданье.

Да, у тебя есть только ты; ты — бог
Себя, а значит — мира и вселеной,
Нет в мире ничего, что бы не смог
Твой меч — свободной воли луч бесценный.

Узнав законы мира, ты — творец,
А их узнать поможет созерцанье,
Луч воли как творения венец
Сметет и возведет любое зданье.

Луч воли остановит ход звезды
И вырастит сады на пепелище,
В песке отыщет прошлого следы
И радость даст и королям, и нищим.

* * *

Я.К.

Душа твоя — твой дом,
И ты — его строитель,
И каждый камень — взгляд,
И каждый камень — мысль.
Дом истинный, и в нем
Ты — главный повелитель,
Ты сам сажаешь сад
Законов, сил и чисел.

Что видишь — то твое,
И что ты выбираешь,
Став истиной в тебе,
Растит свое зерно.
Так отбирай же то,
Что ты в нее сажаешь,
Иначе всходы бед,
Как сорняки, пожнешь.

Душа стройна, как стих,
Но стих иного рода,
Ты сущность нас самих,
Но ты и существо,

И молний шаровых,
Имеешь ты природу,
Стабильно, как у них,
Душ наших вещество.

Глаза твои и слух
Весьма несовершенны:
Ты видишь только часть
И слышишь только часть.
Лишь твой всесильный дух
Царит над всей вселенной,
Лишь в нем и страх, и страсть,
Лишь в нем над миром власть.

Все, что ты видишь, — ложь.
Неполная картина
Не может отражать
Всей сущности вещей.
И истиной зовешь
Ты тонкость паутины,
Не в силах осознать
Гармонию частей.

Глаза и уши лгут,
Неся осколки знанья,
Рассудка ложна честь
В решении основ.
Его напрасен труд,
И только подсознанье
Способно все учесть
В гармонии миров.

Его и слушай. Все
Открыть оно способно
Тому, кто взять готов,
Тому, кто слушать рад.
И красота встает
И полно, и подробно,
И в откровенье снов
Встает цветущий сад.

Сознанье — это цепь,
А подсознанье — сети,

К звену идет звено
И мыслей, и идей.
Почти любую цель
Смогла б достичь на свете
Последовательность
Сознания людей.

Сознанье — это цепь,
И цель его — в общенье,
Пространство и века
Оно перешагнет,
Пройдет пустыни, степь
В словесном выраженье,
Но слишком уж узка
Тропа его забот.

Ты в подсознанье — бог,
В сознанье — только скряга,
Ведущий лишь весьма
Немногому расчет.
Он облапошить смог
Какого-то беднягу,
Иных желаний тьма
Его и не влечет.

А в подсознанье все
Явленья параллельно
Текут сквозь времена,
Объемля этот мир,
В узорчатую сеть
Сплетаются бесцельно,
И красота верна,
Как пенье райских лир.

Пять чувств, всего лишь пять —
Но их гораздо больше,
И главное во всем
Ты чувствуешь душой.
И суть всего понять
Тебе гораздо проще
Объятым полусном
Под разума покой.

Да, чувств не только пять,
Их сотни, миллионы,
И их познаешь ты,
Привычку поборов,
Увидев, как летят,
Как бабочки, фотоны,
И сдернув с пустоты
Неверия покров.

И подсознанья связь
Наладив с каждой клеткой,
Ты сможешь ко всему
Прислушаться на миг,
И волн бегущих вязь
Поймаешь этой сеткой,
И сможешь дать уму
Все то, что ты постиг.

Ты властен видеть мир
Таким, каким ты хочешь,
И чувства испытать,
К которым ты готов,
Разбей же злой кумир,
Пойми, что он непрочен
И чувств не только пять —
Сорви же с них покров!

Из мнимой пустоты
Ты что-то вынимаешь,
Без знаний и без слов
Не понято оно.
Все, что встречаешь ты
И что воспринимаешь, —
Привычкою одной
Предопределено.

Привычно видит хлеб
Повсюду землепашец,
На книги обратит
Внимание поэт,
А тот, кто к знаниям слеп, —
Тот чувствами украшен,
А мир для всех стоит,
Различий в мире нет.

Привычка видеть то,
Что для тебя привычно,
На что смотрел отец,
На что смотрела мать,
Прельщает простотой
И образует личность.
Веление сердец
Не хочется менять.

Да, наши чувства лгут,
Но лжет и наше слово,
Не ты за сотни лет
Придумывал слова.
Жрецов великий труд
Заложен в их основу,
И в мире больше нет
Свободы естества.

И думать обо всем
Ты можешь только ими,
И им подчинены
И чувства, и мечты,
И ты идешь путем,
Начертанным другими,
И цели сведены
К желаниям простым.

Жрецы скроили мир
Для своего правленья,
И, отбрав слова,
Создали целей суть,
И есть для всех кумир,
И есть для всех мученья,
И власть всегда права,
И сил направлен путь.

И облик государств
С тех пор не изменился,
Незыблем в мире страх,
И алчность, и корысть.
И перечень коварств
Ничуть не удлинился,
И лишь на небесах
Обещаны дары.

Покуда красоты
Всесиление — в неволе,
Слова — причина зла,
Оков духовных часть,
И не разрушишь ты
Порядок зла и боли,
Что в мире создала
Их пагубная власть.

Забудь же страх, и гнев,
И обещанье рая,
Забудь и ход вещей,
И цель свою, и рок,
И мысли, как напев,
В слова не облекая,
Пусти к своей душе,
Как сладостный поток.

Рассудок покорив,
Увидишь ты, что в мире
Стозвучная свирель
Невыразимых чувств
Волнуется, парит
В том призрачном эфире,
Где атомы — капель,
А волны — холст искусств.

Откуда мысль к тебе
В сознание приходит,
Прозрачна и легка,
Одетая в слова?
И почему в судьбе,
В сплетении мелодий
Верна твоя рука
В порыве естества?

Откуда знаешь ты
Решение загадок,
Впервые пред тобой
Поставленных судьбой?
И ловит взгляд цветы,
И запах их так сладок,
И сладостен покой,
Что создан не тобой.

Ты силе подчинен,
Прекрасной и великой,
И сила красоты
Сама тебя влечет.
Она для всех закон,
Кто создан светлоликим,
И лишь ее персты
Ведут всему расчет.

Да, красота — творец
Всего, что существует,
Фильтрует в жизнь она
Бескрайний мир идей,
Из замкнутых колец
Законы образует,
Как вечная весна,
Как мать вселенной всей.

Очисти же ее
От ложного притворства
Стучавшихся в твой мозг
Отдельных старых схем,
Отдай ей бытие,
И, проявив упорство,
Почувствуешь, что смог
Свободно править всем.

Страх — вот причина зла.
Так страшно отречется
От суетности слов,
Порочности систем,
И памяти зола
Мерилом стать стремиться,
И разум не готов
К решению проблем.

Страх потерять себя
В том солнечном движенье,
Что каждый миг сулит
Прозрение и власть,
И в зеркало глядя,
Не встретить отраженья,
На холод вечных плит
В безумии упасть.

Но нет — из тех же кущ,
Откуда мысль приходит,
В прозрении к тебе
Решение придет,
Придет к сомненьям ключ,
Как пение мелодий,
Как поворот в судьбе,
Как в мыслях поворот.

В природе все и вся
Стремится к равновесью:
И старые весы,
И стройный бег светил,
И свет, всему светя,
И восхожденье лестниц,
Забот и сна часы,
И симметричность сил.

Поток вселенной всей
К гармонии стремится,
Ток равновесья в ней —
Природа божества.
Бесплотный мир идей
Стремится воплотиться
В любую из частей
Пространств и вещества.

Отсюда бег берет
Природа усложненья,
Как благовестие
О новой высоте.
Идейный мир дает
Все новые решенья,
И равновесие
Приводит к чистоте.

Вот силы красоты
Великое начало:
В гармонии она,
В движении вперед,
И в мире нет черты,
Что б нотой не звучала,
Как вечная весна,
В мелодии ее.

Она — закон игры
Любовного блаженства,
Шумят ее пиры
Природы торжества,
Она влечет миры
К идее совершенства,
Ее пьянят пары,
Вода ее жива.

Деревья и траву —
Все в мире сотворила,
Все в ней, во всем она,
К витку идет виток.
Подобна волшебству
Живительная сила,
Что красотой дана ,
Но может, это — Бог?

Зачем же столько мук,
Зачем же столько боли,
Напрасной траты сил —
И горький плач навзрыд,
Потерь, тревог, разлук
Дал Бог в земной юдоли?
Иль он их попустил,
Иль он их сам творит?

Ослет он в вышине,
Иль просто безразличен,
Или в его мечтах
Для нас и места нет?
Законов всех венец —
Царит над нами личность,
Иль все на свете прах
И случай — бог планет?

И если дьявол — часть,
То как же мало бога,
А если дьявол — бог,
То смысла нет ни в чем.
И у кого же власть,
И кто же у порога,
И кто же к нам так строг,
Что смотрит палачом?

И если был всегда,
И если он всесилен,
Зачем он не создал
Гармонию сейчас,
Чтобы не шли года
Болезненных усилий
И каждый счастлив стал
Сегодня, здесь, у нас?

Бог — слабый. Бог — сдист.
Бог — дьявол. Бог — изменник.
Бог — попуститель зла.
Бог — просто зло само.
Бог на руку нечист.
Бог прибыли, бог денег.
Его любовь прошла.
Бессмысленно. Смешно.

Вот мысль, что не дает
Тому поверить в Бога,
Кто ищет красоты
И счастья на земле.
Он пониманья ждет
Не так-то уж и много,
И верит он в мечты
С улыбкой на челе.

И если личность — Бог,
То нет ему прощенья,
Хоть нету на земле
Всевышнему суда.
Неправеден итог,
Безмерны пригрешенья,
Тень злобы на челе,
Презренье навсегда.

Но если сила — он,
Что так же вместе с нами
Лелеет естество,
Тогда она — права.
Одними испокон
Мы заняты делами,
И более того —
Тогда она жива.

Ее прекрасен свет
И взвешены решенья,
Не разорвется нить,
Незыблем пьедестал.
Суда над силой нет,
Как силу тяготенья
Бессмысленно судить
За то, что дом упал.

А дьявол соблазнит
То, что несовершенно,
И в исполнение
Приводит приговор:
Неправедных сразит,
Доступных искушенью,
Бич разрушения,
Могильщик, а не вор.

Подумайте о том,
Что все, что есть в природе,
Все красотой полно,
Все дышит, все живет.
Все создано трудом
Трепещущих мелодий,
И красоте одной
Обязан небосвод.

И дерево, и ветвь,
Листок, его прожилка,
Травинка, мотылек,
Рисунок на камнях,
Сквозь ветви полусвет
И мха под ним подстилка —
Все красоты урок
И все в ее руках.

В людской же суете
Редки произведенья,
Их каждый узнает,
Что красотой полны.
Лишь те и только те,
Что нам даны в прозренье, —
Интуитивный взлет,
Скорее — полуслны.

Они даны в тот миг,
Когда раскрыты души,
Когда рассудок спит
И ты ведом другим,
Немногим, кто постиг,
Как нужно голос слушать,
Что в пустоте летит
Дыханием одним.

Все красотой полно,
Все красоте подвластно.
Нет счета существам,
Которым мать она.
Рука ее блеснет
Лишь иногда так ясно,
Что вдруг и мне, и вам
Становится видна.

Когда перед грозой
Весь мир дрожит в волненье,
Темнеют небеса
И вороны кружат,
В волнующий покой
Магических мгновений
Ты слышишь голоса,
Что сбивчиво спешат.

Их растревожил гром,
Катящийся из дали,
Еще он не дошел,
Но он уже в пути.
И в сумраке лесном
Деревья запуршали,
И шепчет лес и дол:
„Великий гром летит!“

И эта тишина —
Предвестница ненастья,
И страх, и гнев, и жизнь —
Предгрозовой покой,
Что, духами полна,
Страшит, и дарит счастье,
И шепчет: „На, держи
Мой пульс своей рукой“.

И молний вспыхнул взор —
Блеск огненного вала,
Как древо вздутых вен
Божественной руки,
Вершащей приговор,
О коем все шептало, —
На миг прорвавшей плen
Незримостей людских.

И на лице реки
Запрыгали в веселье
Протуберанцы вод
От капель дождевых —
Шкодливы и легки;
И брызги полетели,
И в брызгах хоровод
Нагих наяд речных.

Ты думаешь, поэт
Для красоты так пишет?
„Лицо реки, рука
Божественной грозы...“
Нет, вымысла тут нет,
Но ты еще не слышишь,
Ты не привык пока
Не слушать слов призыва.

В сознании твоем
Есть магия названий,
И разделений зыбь
Не знает в нем конца.
Но ты уверен в том
На основанье знаний:
Руки нет у грозы,
И у реки — лица.

Ошибка всех в твоем
Сознании истоки,
Ты только жалкий шут,
Что с королем „на ты“,
И прав ты лишь в одном:
Божественные строки
Действительно пишу
Я лишь для красоты.

Ты, мнимо справедлив,
Сам для себя решаешь,
Кто в мире существо,
А что — лишь связь вещей.
И, так распределив,
Так и воспринимаешь,
А в мире все живет
Без граней, без частей.

Деревья и трава —
И боги, и созданья:
Дриада, эльф, сатир —
Ты им не господин.
Вокруг — все существа,
И лишь в твоем сознанье
Ты видишь мертвый мир,
В котором ты один.

Да, человек живет,
Но живы лес, и поле,
И дождь, и облака,
И Матушка-земля.
Пустяк, что небосвод
Твоей подвластен воле:
Ты легче мотылька
На платье короля.

И все-таки ты — бог
Своей свободной воли,
И, значит, ты — творец,
Как боги и судьба.
И если только смог
Ты власть себе позволить,
Сомнениям конец
И рабости раба.

Нельзя всего учесть,
На свете нет законов
И заповедей нет
На каждый день и час.
Достоинство и честь —
Твой меч, твоя корона,
Вот праведный обет,
Вот праведная власть.

Не отдавай другим
Ни одного решенья:
Ты сам себе Господь
И сам себе слуга.
Не делай же своим
Чужого прегрешенья:
Ты можешь побороть
В самом себе врага.

Ведь эта жизнь — твоя,
Ты в мире самый главный,
Имей же смелость взять
Решенье на себя!
Ты сам себе судья,
И волею державной
Весь мир завоевать
Ты в силах, зло губя.

Поверь свой каждый шаг
Единой красотою,
И каждый раз найдешь
Ответ в себе самом:
Кто друг тебе, кто — враг,
Куда ведом звездою,
Кто для тебя хорош
И где твой сад и дом.

Не лги себе, и свет
Красивого поступка —
Так ясен, чист и прост —
Откроется тебе,
Что колебаний нет
И места нет уступкам,
И есть хрустальный мост
К гармонии в судьбе.

Смелее же решай,
Что в мире выбираешь,
Бриз паруса надул —
И вот свободен ты!
Свободен ты, но знай,
Что сила разрушает
Всех тех, кто повернул
Меч против красоты.

* * *

Я.К.

Вход в подсознанье там,
На грани восприялья,
Где краем видит глаз,
Где еле слышит слух.
В души эфирный храм
Так входят те понятья,
Которые от нас
Сокрыл сознанья дух.

Так окружи себя
Повсюду красотою,
Чтоб каждая деталь
В себе ее несла,
Чтоб, все вокруг любя,
В гармонии покоя —
Листать за далью даль,
Которым нет числа.

Найди и сохрани
Подсвечники, шкатулки,
Картины и камин,
И кресла перед ним,
И в ветреные дни,
И в сумерках прогулки,
Когда неразделим
С природой пилигрим...

* * *

Я.К.

У вечной красоты
Непобедима сила,
И рыцарей ее
Не пошатнет ничто.
Светлы у них мечты,
Их не страшит могила,
И каждый день встает,
Обласкан красотой.

Свет счастья вечен в них,
И каждое мгновенье,

Как свой последний миг,
В бесстрашии живут,
Заботясь о других
Для самоуваженья,
Читая вещий стих,
Берясь за тяжкий труд.

Один безумный жест —
И ты обезоружен,
Уж лучше умереть,
Чем мучиться, скорбя,
Ты жив в своей душе,
Пока тебе нужен,
Но лучше умереть,
Чем потерять себя.

Жизнь — это только миг,
И каждый миг ты — главный,
И потерять себя —
Страшнейшая из бед.
А если ты постиг
Свой промысел державный,
На все глядишь любя
И страха просто нет.

Когда в судьбе земной
Ты горд, силен и счастлив,
Не зная ни одной
Перед собой вины,
И каждое звено
В цепи златой прекрасно,
Не все ль тебе равно,
Какой она длины?

Дождливый день

* * *

А.Т.

В сером плаще дождя
Осень по свету бродит,
Листьями шелестя,
Что неизменно в моде.

Желтый и красный цвет
Осень сопровождают.
Где-то грустит поэт,
Где-то надежды тают

В сером плаще дождя...

* * *

Я.К.

Все прошло, миновало прозрачное лето.
С плеч упал теплой осени желтый платок.
Снова драма идет расставанья со светом.
Темен призрачный день, темен мокрый песок.

Припев:

Дождь. Дождь. Дождь ходит в плаще по бульварам.
Дождь. Дождь. Дождь синих касается крыш.
Дождь. Дождь. Дождь. В холод сближаются пары.
Дождь. Дождь. Дождь. Спи мой любимый малыш.

Все, что было вчера — это сон безмятежный.
Был ли он или нет, был он явь или сон?
Где же солнца игра, воздух трепетно-нежный,
Величайший секрет, непреложный закон.

Снова прошлое нам показалось виденьем,
Настоящее трудно и страшно принять.
Снова встретились мы со своим отраженьем
И не можем узнать, и не можем понять.

Припев:

Дождь. Дождь. Дождь тихо идет по бульварам.
Дождь. Дождь. Дождь, слезы коснулись лица.
Дождь. Дождь. Дождь. Так приближается старость.
Дождь. Дождь. Дождь. Музыка ранит сердца.

И в огромной стране у больного народа
Начинаются снова весенние сны.
Вновь пригрезилась нам роковая свобода,
За которую все расплатиться должны.

Припев:

Дождь. Дождь. Дождь тихо идет по бульварам.
Дождь. Дождь. Дождь синих касается крыш.
Дождь. Дождь. Дождь. В холод сближаются пары.
Дождь. Дождь. Дождь. Спи мой любимый малыш.

В этом пламени стертом, в этом шаге влюбленных,
Что по жизни идут под дождем не спеша
Что-то кажется мертвым, что-то одушевленным,
Но наверно во всем растворилась душа.

* * *

Я.К.

Все несчастья, все удачи
Положил я на весы.
Тишина на старой даче,
Тихо тикают часы.

Перебрал я гору горя,
Счастье в кучку уложил,
Получилось — жить не стоит,
Жизнь не стоит трат и сил.

Заскучав по жизни прежней,
Смерти отложил печать
И, призвав обман надежды,
Начал счастье раздувать.

И, обрадовавшись жизни,
Я ушел в шуршащий сон
Безысходным оптимизмом
Безвозвратно заражен.

После жизненных распутиц,
После игр со смертью в вист
На планете остаются
Трус, дурак и оптимист.

* * *

А.Т.

Неудавшийся портрет
В желтых листьях на аллее,
О вчерашнем дне жалея,
Молча просится в сонет...

Торопливым парам вслед
Смотрит брошенная дама...
Дождь задумчив, его гамма
Солнечный смущает свет...

Незаконченный мотив
Удивительно красив,
Если вслушаешься в звуки

Разгадаете легко —
Отчего и для кого
Эти листья в тон разлуки...

* * *

Я.К.

Невидимым бывает дождь,
Неслышимым бывает ветер.
Меня ты сердцем позовешь,
И сердце на призыв ответит.

Меня ты выбежишь встречать,
И мы с тобою встретим вместе
Полночный, неурочный час
На неусловном нашем месте.

* * *

Д.Г.

А.Т.

Вот опять хороводит листва за окном,
Ай да, осень-блудница...
Я ее угощаю вином,
Или это мне снится?

Я задумчивым дням посвящаю стихи,
Улыбаясь устало...
До чего же они холодны и тихи,
Как же лета в них мало...

* * *

А.Т.

Умирает лето, умирает...
Холодно становится ночами,
Да и дни не балуют лучами,
Дождь по крышам реквием играет...

Будто листья, прошлое сгорает,
Глядя вслед нам грустными очами.
То, что оказалось за плечами,
Незаметно память подбирает...

Память — наказанье и награда,
Эхо отшумевшего веселья,
Горькая, но все-таки услада,
Сладкое, но все-таки похмелье...

Умирает лето, слез не надо,
Осень скоро справит новоселье...

* * *

Я.К.

За окнами ветер и снег, или дождь,
В камине горячем — волненье.
И вечер на все остальные похож,
И празднично успокоенъе.

И тикает ходиков медленный ход,
И есть молоко от жажды.
В тарелочке светится сотами мел,
Я чищу ружье, ты вяжешь.

* * *

А.Т.

Холодный сентябрь произвел в адъютанты меня,
Шуршат эполетами листья знакомого клена...
Я помню его новобранцем в мундире зеленом,
Не раз укрывавшим от марева летнего дня.

Я помню, как в ливень, под буйную корону маня,
Он что-то кричал о непонятном сердце влюбленном,
О взгляде прощальном, кому-то вослед устремленном,
В котором уже не осталось ни искры огня...

Увы, с опозданьем доходит чужая печаль,
Служить адъютантом у осени желтой непросто.
Судьбой разделенных всегда до отчаянья жаль,
Но к их одиночеству нет и не может быть моста.

Поэтому кажется недосягаемой даль,
Поэтому пью за свои эполеты без тоста...

* * *

Я.К. Мне надоели эти люди,
 Безумный хоровод слепых.
 Ничто в них гордость не пробудит,
 Но. видит Бог, я не из них!

Они жестоких любят судей,
Жгут правду, верят только в ложь.
Мне надоели эти люди,
Я не из них, но как похож...

* * *

А.Т. Смотреть еще не значит видеть,
 Как часто намечают путь
 Слепцы с похожими на ртуть
 Глазами, их нельзя обидеть...

Они глухи, хотя и слышат,
И пишут светлые стихи...
Не те у стада пастухи,
Не тот узор на небе вышит...

И все же за поводырями
Послушно следует любой...
Равны и зрячий, и слепой
В день освещенный фонарями,
Ниспосланный самой Судьбой
С опасно рваными краями...

* * *

Я.К.

Жизнь прошла, воспоминаний нет,
В этом сне одно тревожит снова —
Знаки, что чертили тьма и свет
У постели мальчика больного...

Все что сделало было бесполезно,
Смысл в воображении больном...
Я стою, качаясь, перед бездной,
Перед новым непонятным сном.

* * *

Я.К.

Признаются заслуги красоты,
Убийца не останется счастливым.
В деянья воплощаются мечты,
Приходит все, есть в мире справедливость.

Осветится то, что лежит во мгле,
Наступит исполнение желаний.
Есть все же справедливость на земле,
Приходит все, но только с опозданьем.

* * *

А.Т.

Кленовый лист к зонту прилип,
Дождь не уверен в непогоде.
Весь вечер мы с тобою бродим
И слушаем калиток скрип...

К зонту прилипла чья-то грусть,
У осени хватает грусти.
Она нас долго не отпустит,
Стихи читая наизусть...

Стихи — пророчества души,
Их хоть на листьях напиши,
Дождь не отменит смыслы эти...

Стекает по зонту вода,
Скрипят калитки, грусть пуста,
Как и прощанье на рассвете...

* * *

Я.К.

Над темною рекой, на склоне,
Любуясь красотой своей,
Стоят зеленые колонны
Пирамидальных тополей.

Прозрачной зеленью одеты,
Стоят на ледяном ветру
И шепчут — Что вы, будет лето.
Проснетесь завтра по утру,

И будет солнце, море света,
Поднимутся пары любви,
Мы чувствуем, мы знаем это,
Оно еще у нас в крови...

И слышат голос леденящий,
Сбратьев северных своих,
Что голых веток серой чащей
Шумят, шумят в ветрах степных.

Вы ошибаетесь, кузены,
Не будет солнечных вестей.
Уже настали перемены,
В природе северных степей.

Готовьтесь, скоро будет вьюга,
Зима уже берет свое...
И только вы, посланцы юга,
Не понимаете ее...

Но может быть она вернется? —
Вновь шепчет тополиный ряд,
С надеждой ожидая солнце,
Они зеленые стоят.

Над темною рекой, на склоне,
Любуясь красотой своей.
Стоят зеленые колонны
Пирамидальных тополей.

* * *

А.Т. Гадает сентябрь по кленовой ладони,
Я верю в его шелестящую грусть,
Как верят стихам, что рождаются в стоне,
Старательно их заучив наизусть...

В прозрачную высь устремляются строки,
Мерцает свеча в запотевшем окне.
Мы раннею осенью все одиноки
И нет утешенья в домашнем вине...

На полке пылятся серьезные книги,
Где споры о сути вещей решены,
Но скрытые истины в нас многолики,
Опавшие листья сомнений полны...

Блуждает гаданье по линиям клена,
Грядущее странно, неопределенno...

* * *

А.Т. Холодные осенние дожди,
Давнишние приятели печали,
Сначала мне не слишком докучали.
Дурные ночи были впереди

С застрявшим бессонницей в груди
И похотливой дамой на причале,
С которою нас там же обвенчали
Два типа, вдруг свернувшие с пути.

Холодные осенние дожди
Хлестали по щекам — Мол подожди,
Не торопись предаться наслажденью,

Но непогоде я не доверял,
Пока последних сил не растерял,
И вот теперь брошу по миру тенью...

* * *

А.Т. Осенний воздух холоден и чист,
Я так люблю гулять в промокшем парке,
Где летом поцелуи были жарки,
А ныне пожелтел кленовый лист...

День короток и скучен, вечер мглист,
Нет никого в некрашеной беседке,
Одни лишь ветром сломанные ветки,
Да чуть подальше гипсовый горнист...

Осенний воздух холoden и чист,
Цепляется за плащ кленовый лист,
А я живу воспоминаньем лета...

День короток и скучен, вечер мглист,
Беседка, ветки, гипсовый горнист —
Вот все богатство моего сонета...

Улица Ленина

Я.К. Как все забывается, как все забывается,
И только хорошее мы вспомним до слез...
Пусть кто-то сражается, а кто-то отчается,
Ушедшее в прошлое уже невсерьез...

Там платьица летние как флаги волнуются,
И пусть небо хмурится, гуляет народ...
Там улица Ленина, там Ленина улица,
На улице Ленина — Аленка живет...

Росли парниковые, такие толковые,
Такие советские, что в доску свои...
Но песенки детские и праздники светские
Забылись, остались лишь — одни соловьи

Там платьица летние как флаги волнуются,
И пусть небо хмурится, гуляет народ...
Там улица Ленина, там Ленина улица,
На улице Ленина — Аленка живет...

Мы шли в рукопашную, голодные, страшные,
И в спину плевала нам наша страна...
Но стали вчерашними, такими домашними,
Убийц и предателей страны имена...

Там платьица летние как флаги волнуются
И пусть небо хмурится, гуляет народ...
Там улица Ленина, там Ленина улица,
На улице Ленина — Аленка живет...

ТРЕТИЙ РИМ (СТИХИ О РОССИИ)

Посвящается маме

Из цикла «ЦВЕТ ЯБЛОНИ»

* * *

Я.К.

Судьбой неведомой ведомый —
На счастье или на беду —
Я пленник родового дома
И старой яблони в саду,

И удивительного света,
Что тихо падал сквозь листву.
И будет длиться, длиться это,
Пока смотрю, пока живу.

Пока пишу, пока мечтаю,
Мой старый дом, мой старый сад,
Как колыбель, меня качают
И что-то тихо говорят,

И охраняют это сердце
Минуты, месяцы, года ...
И я хотел бы после смерти
Остаться с ними навсегда.

Немного надо одиноким:
Чтобы, как сотни лет назад,
Вздыхал, нашёптывая строки,
Мой старый дом, мой старый сад.

* * *

Я.К.

Я, конечно, прощаю вас.
Вы бываете так добры.
Положите на раны глаз
Руки матери и сестры.

Я, конечно, прощаю вас,
Я горю в последнем огне.
Вы в урочный весенний час
Пожелайте покоя мне.

Вы такие, как этот свет —
Свет листвы и прекрасных тел.
Белых яблонь весенний цвет
Я любил и, как мог, жалел.

* * *

Я.К.

Я мог бы Вам писать всю ночь.
О, эта ночь неповторима!
Мгновения уходят прочь,
Невидимы, неощутимы.

Она пройдёт — но голос мой
Останется для Вас навечно
Весенней свежестью земной
Неповторимой, бесконечной.

Так, за столетия тоски,
Одно видение — награда —
Шевелит яблонь лепестки
Дыхание ночного сада.

* * *

Я.К.

Я никогда не видел рая —
Ни снов и ни видений нет.
Но лишь одно я точно знаю:
Там золотой весенний свет,

И яблони цветущей нежность,
Той, что живёт в земных садах.
В наш жадный век — какая щедрость
От лепестка и до плода!

И лихоимцам непонятно
(Они мечтают о долгах!):
Прекрасное всегда бесплатно,
А извращённость дорога.

И не угаснет на мгновенье,
И продолжается века,
Живёт взаимное презренье
Поэта и ростовщика.

И ростовщик всё время знает —
 Вертелся, предавал, копил,
 Но что-то всё же он теряет —
 Укради или не купил.

Поэт скитается по лужам,
 Как пленник чистого листа,
 Но даром у поэта служат
 Талант, любовь и красота:

И красота людского тела,
 И рощи, сладостно тихи,
 И губы, что дрожат несмело,
 Цвет яблонь, солнце и стихи.

* * *

Я.К. Свет золотой, возьми меня,
 Я растворюсь в твоём сиянье,
 В весеннем ликованье дня,
 В веселье огненных мечтаний.

Свет золотой, в твоём огне
 Моя душа воспрянет снова,
 И я останусь в вышине
 Лучистым светом, чистым словом.

Г.Д.

Из цикла «ТРОПИНКА В ЛЕС»

* * *

Я.К. Еще мгновенье, солнце скрылось,
 Но полон светом небосвод ...
 Угасло гордо светило,
 Но перламутр течет из сот.

В приют спокойствия укромный
 По зеленеющим волнам,
 Внутри жемчужины огромной,
 Мы едем, едем по холмам.

* * *

- Я.К. Я узнаю вас, облака,
Что над лесами проплывают,
Как будто нежная рука
Кудряшки мальчика ласкает.
- Белесый серебристый свет
Они несут сквозь хвойный иней.
И вот молитвами согрет
Простор качающейся синий.
- И сосен желтые стволы
Согреты солнцем золотистым,
И, как видения, светлы
Ручьи в неведенье лучистом.
- Там мудрый, трепетный покой,
Там серый мох на лапах ели,
Он вспоминается с тоской,
Как состоянье в колыбели.
- Дороги теплые в пыли,
И мох, и хвоя, мягче пуха —
Во всем заботливость земли,
Как хлеба свежая краюха.
- По ней прошел такой позор,
На ней прошли такие войны,
Но кроток этот юный взор,
Лицо прекрасное спокойно.
- Любовь на листьях и ветвях,
Любовь на солнечных полянах —
Для всех, кто в городе зачах,
Для всех юродивых и пьяных.
- Она, как прежде, хороша
И пахнет молоком и медом ...
Какая нежная душа —
России добрая природа!

* * *

- Я.К. Из засохшей сосенки
Вырезаю посох

И иду по просеке
В серебристых росах.

Все мое имущество —
В сидоре заплечном,
Все мое могущество —
Воля да беспечность.

* * *

Я.К. Мы шли весь день через леса,
Мы пили из ручьев журчащих,
И даже добрых два часа
Плутали по еловой чаще.

Но, наконец, нашли прогал,
Вечерним солнцем освещенный,
И нас с тобой очаровал
Деревни старой вид на склоне.

И мы вошли в наш теплый дом —
Большой, со множеством клетушек,
Что кем-то строился с трудом
Для деток, внуков и старушек.

Теперь он наш, теперь он свой,
И в горнице в своей постели,
Накрывшись пухом с головой,
Мы засыпаем. Ветви ели

Качаются у самых век,
И ягоды, и паутина ...
И ходиков стучащих бег,
И запах хвои, солнца, тмина ...

* * *

Я.К. Солнышко, солнышко!
Посвети мне милое!
Дай немногого волюшки,
Дай немногого силы мне!

Солнышко, сладкое,
Теплое, желанное,

На свиданье краткое
Выйди, долгожданное!

Солнышко, нежное,
К осени печальное,
Покажи мне прежнее,
Покажи мне дальнее!

В свете этом радостном
Детство просыпается.
Все, что было сладостно
В жизни — вспоминается.

Новостройки мрачные
И домишкы старые —
Все такие дачные —
Кажутся бульварами.

Посвети ты в душу мне,
Разбуди надежду в ней,
Чтобы в одиноком сне
Было много летних дней.

* * *

Я.К.

Собака, солнце и костер ...
Два посоха лежат, касаясь,
Спускается с далеких гор
К нам осень — девушка босая.

А мы уселись у костра,
Поели — сладко утомленье ...
И продолжается игра
Сознания с воображеньем.

Друг другу мы читаем вслух
Про одинокого монаха,
И Англии старинный дух
К нам поднимается из праха.

Двадцатый век вдали от нас —
Дома, заводы, шпалы, рельсы ...
А рядом, здесь, у наших глаз —
Холмы и пустоши Уэльса.

Из цикла «КИТЕЖ»

* * *

Я.К.

Как на масленице пьяной
По почину старины
С тыквой сладкой на сметане
Разводил бобыль блины.

Я и столяр, я и плотник,
Помотался на веку.
Даром, что по чину сотник.
Уж блинов то напеку.

Мне не гоже прибедняться,
Я ещё в плечах не слаб.
И напиться, и подраться —
Это можем мы без баб.

Ты побольше напеки их.
Видишь, всё пошло с руки.
Ах румяные какие
Получаются блинки.

Он печёт себе, стараясь,
А прозрачная икра
На столе, переливаясь,
Приготовлена с утра.

Вот визига, вот сметана,
Вот варенье, вот творог.
Он печёт не перестанет,
Напасает много впрок.

Вот хрустящие груздочки,
Вот сметана — всё при нём.
Мёд из старой темной бочки
Золотым горит огнем.

На столе стоит красуясь
На десятерых еда.
Сел за стол бобыль, сутулясь:
„Да! Без бабы — никуда!“

* * *

Я.К.

Я плачу горькими слезами
Над этим миром унесённым,
Я плачу горькими слезами
Над цепью глупостей и смут.

Но никогда под небесами
Другие в омуте бездонном
Не взглянут нашими глазами
И русских мыслей не поймут.

* * *

Я.К.

Во первых строках
Моего письма,

Передайте поклон и Петру,
И Настасье, и Кольше, и Сене,
И скажите, чтоб мать по утру
Не вставала на пол на колени.

Этот мир завещаю я вам,
Но пришлите по почте на небо
Русской водки, хотя бы сто грамм,
И буханочку черного хлеба.

Здесь быть может светлей и теплей.
Но скажу я, и вы мне поверьте —
Очень гордые мы на земле,
Очень кроткие мы перед смертью.

Этот мир завещаю я вам,
Но пришлите по почте на небо
Русской водки, хотя бы сто грамм,
И буханочку черного хлеба.

Не в одной я войне воевал,
Убивал я, и все мне простилось,
Но мне снится небес синева,
Так, как в жизни ни разу не снилась.

Этот мир завещаю я вам,
Но пришлите по почте на небо
Русской водки, хотя бы сто грамм,
И буханочку черного хлеба.

Здесь невольно прощаешь врагов,
Но скажу, гласу высшему внимя —
Перед Богом не будет грехов,
Если ты не предал эту землю.

* * *

Я.К.

Увезите вы меня
В табор за рекою,
Где шатры раскинули
Старые друзья,
Где зовут по имени
И поют с тоскою,
И бросают золото
Гордые князья.

Лейся водка, лейся,
Прибавляй мне силы.
Вейся локон, вейся
У цыганки милой.
На ветвях русалка
Сказывает сказку.
Все отдать не жалко
За любовь да ласку.

Водка и шампанское,
Песни и крамола,
И рубахи красные
В пламени костра.
Кровь моя дворянская
Отдана престолу,
Ну а губы страстные —
Заре до утра.

Лейся водка, лейся,
Прибавляй мне силы.
Вейся локон, вейся
У цыганки милой.
Старая гадалка
Сказывает сказку.
Все отдать не жалко
За любовь да ласку.

* * *

Я.К.

В ту ночь мы слишком задержались.

В постели будто шла гроза.

Раскаянья не выражали

Ее счастливые глаза.

Ушли автобусы, машины

Уснули в каменном плену.

Домов квадратные вершины

Глядели слепо на луну.

Я провожал её, и ветер

Нам нежно кожу овевал.

Одни на этом тёмном свете

Мы ощущали мягкий вал.

И проникала к нам природа,

Затишием пользуясь ночным.

Накрыла корпуса завода,

Что так громоздки и прочны.

Завод такой, каких без счета.

Романтика не для столиц.

На крашеной доске почета

Унылый ряд преступных лиц.

Цеха из кирпича и стали,

Расставленные наугад,

А на бетонном пьедестале

Стоит военный агрегат.

И вдруг с обочины дорожной,

Невидимый в тени ветвей,

Казалось, это не возможно,

Запел нам песню соловей.

Раскатисто, нахально, тонко,

Заливисто, легко, тепло,

Счастливым голосом ребенка

Запел, и все вокруг ушло.

Мы шли в невидимые дали.

Мы шли по сказочной стране,

И стрелки на часах отстали

По чьей-то ангельской вине.

* * *

Я.К.

Вы говорите —

„Пью без меры!“

А что же делать-то ещё.

Без смысла, без души, без веры,
Когда вокруг один расчёт.Расчёт неправильный и глупый,
Без воли, прока и стыда,
Как можно за тарелку супа
Всё до исподнего продать:Россию, душу, память, тело,
Детей, родителей, внучат.А хитрое ли это дело,
Когда вокруг тебя молчат?Вино — религия учёных
Чьи мысли презирает свет,
В стране советов заключённых,
Где все дают один совет:„Плюнь и забудь! Забудь и выпей!
Налей ещё и снова плюнь!“И сразу же из жизни выпал,
А прозрел — седой как лунь.Храм и кабак — одна дорога.
Терпи и всех подряд прости.
А в кабаке, ну хоть немного,
Ты можешь душу отвести.А между ними бродят хамы,
Как полноводная река.
Не отличить кабак от храма,
А божий храм от кабака.Вино — религия поэтов.
Им плохо жить кромешным днём,
А отбери ещё и это,
Я ночью выйду с кистенём.

* * *

Я.К.

Хочу напиться из колодца,
Где кудри вишен зелены.
Как не легко осознается,
Что все уже обречены.

Весь мир трясут почти столетье
Конвульсии моей страны.
Живых не в силах не жалеть я.
Но вы уже обречены.

И я гляжу на ваши лица,
Что так безропотно темны,
И мне не хочется молиться.
Вы все уже обречены.

И будут, как руины Рима,
Преданья русской старины.
Воспоминания незримы.
Предавшие обречены.

Скоморошина

Я.К.

Все мы разного
Роду-племени,
Всем нам помирать,
Да без времени.
Ты минуй, беда,
Землю-вдовушку,
Выпей, как всегда,
Нашей кровушки.
Покатилася,
Как горошина,
По святой Руси
Скоморошина!

А кому из нас
Да богатым быть,
А кому из нас
Долго, сыто жить,
Тот не мать продал,
Не отца сгубил —

У земли отнял
Он остаток сил.
Покатилася,
Как горошина,
По святой Руси
Скоморошина!

А кого из нас
Будут бить битьем,
А кого из нас
Будут жечь огнем,
Слатъ в Сибирску гнусъ
В железах сидеть,
А тому вся Русь
Будет славу петь.
Покатилася,
Как горошина,
По святой Руси
Скоморошина!

Хорошо живем
На святой Руси,
Хорошо живем,
Хоть кого спроси.
Еще год так жить
На все стороны —
На Руси не быть
Даже ворону.

* * *

Я.К.

Как на юной на заре
На потеху волжских волн,
Поиграв на топоре,
Я срублю дубовый челн.

Выйду я на берег крут.
Ой вы добры молодцы!
Коль остался честный люд,
Просяпайся вольница!

Как с дружиной веслами
Мы ударим по воде,

Будем рано до свету
В Нижнем Новгороде.

Выйду я на берег крут.
Ой лихие молодцы!
Выходи удалый люд
Из тюрьмы да в вольнице!

Кто пойдет со мной спросить
У царя московского,
Много ль сброду нам кормить
Барского, поповского?

Да как вместе веслами
Мы ударим по воде,
Будем рано до свету
В Ярославле городе.

Выйду я на берег крут
Ой лихие молодцы
Коль остался честный люд
Просыпайся вольница.

Кто пойдет со мной спросить
У царя у славного,
Много ль будет он губить
Люду православного?

По глухому по лесу
Вместе мы отправимся,
Будем рано до свету
Мы в Москве красавице.

Из приказов вылущу
Много сброва разного.
По Москве гулять пущу
Петуха я красного.

На потеху всех людей
Я скажу царю в укор:
„Хоть дурак ты, а злодей!
В государстве первый вор!“

На кремлевских воротах
На веревке даровой
Я повешу в небеса
Душегуба старого!

* * *

Я.К.

Пала тень кровавая
На равнину русскую,
За свою державу я
Ох обиду чувствую.

Вы нам не хозяева!
Мы вам не невольники!
Запалю я зарево,
Да уйду в разбойники!

И друзья есть верные
И железо острое,
И очищу землю я
Чище белой простины!

Вы нам не хозяева!
Мы вам не невольники!
Не впервой нам воевать,
Мы пойдем в разбойники!

Я пойду в дремучий лес,
Распрямлю там спинушку,
По руке своей на вес
Выберу дубинушку!

Выйду в чисто поле я
Рученьку побалую,
А со мной мои друзья
Казаки бывалые!

Вы нам не хозяева!
Мы вам не невольники!
И, как волки стаями
Мы пойдем в разбойники!

Обирая трудитесь
И победу трубите,
Но всего не скупите
И всего не сгубите!

Не пугайтесь милые
Недалеко спрятаны
Наши косы с вилами
Да и с автоматами!

* * *

Я.К.

Мы шли тускнеющим откосом
Над холодеющей рекой.
Мерцали ледяные росы.
Царил чарующий покой.

Ударил колокол, и листья
Посыпались на нас шурша.
По мановению чьей-то кисти
Себя увидела душа.

И церковь белая под нами,
Как будто господу хвала.
Одушевлен узорный камень
И голубые купола.

Все пропитало вдохновенье
И между нами нет границ,
Но душам нужно завершенье,
Как взмаху ангельских ресниц.

Бог иль судьба, рок иль природа
Нам это право все равно.
Дождаться нового восхода
Когда-то будет не дано.

Ударит колокол, и души
Сорвутся, закружившись, ввысь,
И тишину отрадно слушать
Пред тем, как звуки донеслись.

Мы шли тускнеющим откосом
Над холодеющей рекой.
Мерцали ледяные росы.
Царил чарующий покой.

Ударил колокол, и листья
Посыпались на нас шурша.
По мановению чьей-то кисти
Себя увидела душа.

Из цикла «ЛЕТО 2002 ГОДА»

* * *

Я.К.

Пылает синий небосвод.
На коже мед пыльцы и соли.
Дорога пыльная ведет
Вдаль по полуденному полю.

Горит цветов и трав узор.
Дымится марева завеса,
И веки листьев прячут взор
Вблизи темнеющего леса.

И губы путника сухи,
И от жары прикрыты вежды.
И просто пишутся стихи
Ни для чего и без надежды.

* * *

Я.К.

Как во поле во поле
Под вечер вопили,
Гоготали, топали,
Водочки попили.

После разодралися
И рубахи рвали,
После целовалися,
Про рыбалку врали.

Ржали, рожи корчили,
Во ржи ворожили.
Девок перепортили,
Переворошили.

Поливали бражкою
Бабушкин крыжовник —
Это все шабашники
Строили коровник.

* * *

Я.К. С печки на речку. С речки на печку.

Дом деревянный сказочно прост.

Серая лавочка возле крылечка

И в три дощечки старенький мост.

Все так любимо, так достижимо,

Так одиноко, так хорошо.

Ходики время неудержимо

Сложат в холщовый белый мешок.

С речки на печку. С печки на речку.

В речке студеной вкус бытия.

Ночью затеплит бабушка свечку

И почтает вслух жития.

* * *

Я.К. Кабак и воры в кабаке,

Изображающие пьяниц,

И пляшет с финкою в руке

Какой-то юный оборванец.

За всеми все следят вприщур

И пьют совсем не понарошку,

И несколько публичных дур

То груди вывалият, то ножку.

И похотливо все у всех

С любовью щупают карманы.

И развеселый слышен смех

В угаре сумрачном и пьяном.

И я сижу и пью ведром

Не мало, я — мужчина видный,

Пропью и финку с топором,

И тельный крест, и не обидно.

Воруйте! Нате! Все бери!

В России я других не хуже!

Рабы босые и цари

Лежат ничком в кровавой луже.

С меня вам ничего не взять!
А тумаков отсыплю гору!
Под глазом царскую печать
Поставлю и купцу и вору!

Меня разденут догола
И вынесут с трудом за двери,
И серая ночная мгла
Заставит в Господа поверить.

И отнесут меня в траву,
И в черном небе я увижу,
Как пики горные плывут,
А лунный свет все ближе, ближе.

И неподвластный ничему
Лежу я в этом темном русле,
И доползу, и обниму
В кустах запрятанные гусли.

* * *

Я.К. Пьяное отрепье.
Вечная вражда.
Порванные цепи.
Мертвый государь.

Страх кровавый с детства.
Холод из могил.
Эх нам и наследство
Боже подарил.

* * *

Я.К. Как в деревне своей я порядок навел.
Мужиков по заборам развесил.
А до этой поры кто был зол, кто был квел,
Кто от бабы ушел, кто не весел.

И открыта душа, и понятлив народ,
Зря вы так, господа, о деревне.
Только правильный надо найти к ним подход —
Озорной, заводной и душевный.

Хоть не верят они ни в суму, ни в тюрьму,
Понимают меня не гадая.
Только кол на три пуда я в руки возьму,
Понимают меня НЕГОДЯЯ!

* * *

Я.К. Ох загуляю я! Держись!
 Кого прибью, кого прощу!
 Зажгу оставшуюся жизнь
 И ветром по миру пущу!

А после выйду на гумно
Девчат хохочущих ловить.
Гулять! И слово-то одно
Для пляски, пьянки и любви!

* * *

Я.К. Облаков плывет гряда.
 Птенчик выпал из гнезда.
 Мама плачет и зовет.
 Он отправился в поход.

Но куда в кромешной мгле
Он шагает по земле?
Годы, весны, январи.
Что у птенчика внутри?

В тесноте небесных тел
Птенчик так и не взлетел.
Студена в реке вода.
Птенчик выпал из гнезда.

* * *

Я.К. Лежу под яблоней. Жара ...
 А рядом паданцы горою.
 И ароматная гора
 Так гармонирует с жарою.

Лежу как яблоко в траве
В покое, неге и уюте.

Я осовел, осоловел
В зеленом ласковом приюте.

Душа над листьями летит,
На этот рай глядит влюблено.
Как можно из него уйти
В объятья железобетона?

* * *

Я.К.

Яблоки в России
Сочные, с кислинкой,
Солнцем их крестили,
Окропив росинкой.

А в полях России
Травы как узоры.
Здесь ходил Мессия
Все лаская взором.

А в лесах высоких
Просто заплутаться.
Жили тут пророки
И святые старцы.

Легонькие сани,
Чашки расписные,
А дома да бани —
Теплые, резные.

И нигде в итоге
Нет во всей вселенной
На версту дороги
Столько убиенных.

Кто в огне сгорая
И кому в уступку
Из земного рая
Сделал мясорубку?

Кто же к нам так строго?
Кто же нас так дружно?
И какому богу
Это было нужно?

* * *

Я.К.

В землянке темной светлым днем,
Как волки у ручья в засаде
Мы третьи сутки молча пьем.
Мы пьем в глаза друг другу глядя.

И мутный белый самогон
Бельмом на нас глядит из банки.
И темный лес со всех сторон,
А в том лесу одни поганки.

Нас здесь с тобой не мучат сны,
Не бередит тоска чертовка.
Мы ждем той ночи без луны.
Все это только подготовка.

Сплошная мгла, сплошная тень,
Придем мы тихо в город вражий,
И ржавый дедовский кистень
Войдет в висок ночному стражу.

В предсмертной робкой суете,
Не отсидевшись за дверями,
Нас всех в лицо узнают те,
Кто нас заставил жить зверями.

Вы захотите просто жить,
Дышать под мокрою рубахой.
Вы будете блевать и выть
И обмараетесь со страха.

На утро выпадет роса,
Последний замолчит подранок,
А мы опять уйдем в леса
Где много места для землянок.

Вулкан из крови, черный свет,
Бессмертных оборотней стая —
Огня страшнее в мире нет,
Чем ярость русская лихая.

* * *

Я.К.

Сегодня до чертей напьюсь
Зеленых, тощих и прозрачных.
Интеллигент глядит на Русь
Всегда „пардон“ немного мрачно.

Никто понять меня не смог.
Никто не оценил свершенья.
Наверно отвернулся Бог,
Не внемля нуждам населенья.

В такой огромнейшей стране,
А может даже в целом мире
Интеллигенту места нет,
И я нашел его в трактире.

Жаркого сочного вулкан
Посыпал я лучком зеленым
И принял водочки стакан,
И хрустнул огурцом соленым.

Потом стаканчик под грибки,
Потом с блинами под икорку,
Потом, представьте, мужики,
С холодным пивом раков горку.

Как истинный интеллигент
Я в стельку пьян, и мне не стыдно,
Поскольку наступил момент,
Когда читателю завидно.

* * *

Я.К.

Вот ты поэт, волнами строф
Сердца людей тревожишь,
А вкус соленых огурцов
Ты описать не можешь.

* * *

Я.К.

Ну никак судьба подлянка
Не отпустит на покой.
Я и в пьянке и в болтанке
Все такой же, все такой.

Все ведет меня и крутит,
И подбрасывает ввысь.
Это черти воду мутят,
Видно крепко набрались.

И как малому ребенку
В лес уйти отрадно мне.
Там припав щекой к сосенке
Отдыхаю, как во сне.

* * *

Я.К. В наших тихих лесах и березовых рощах,
В этих солнцем обласканных травах хмельных
Сердца трепетный ропот острее и проще,
И наивны улыбки и руки сильны.

И желаннее губы, и слаше объятья,
И стремительней страсти, и ярче восторг,
И молочное тело под ситцевым платьем
Не отпустит, когда заалеет восток.

Лучезарным, задорным, сверкающим смехом
Заливаются русских русалок уста.
Он по рощам разносится тающим эхом,
И любовь и жадна, и проста, и чиста.

* * *

Я.К.

Стон любви в полях слышнее.
Смех любви звончей в ночи.
Тела аромат хмельнее.
Ярче звездные лучи.

Эти ласки откровенны,
Эти вздохи, как ожог,
Поцелуи вдохновенны
И объятья нежных ног.

* * *

Я.К.

Девчонка улыбается,
Купается в реке.
Жара не унимается
На легком ветерке.

На коже, как жемчужины
Лучи росы горят.
На отмелях запруженных
Цветут кувшинки вряд.

Красуется, купается
И прячется в цветы,
Она чуть-чуть стесняется
Девичьей полноты.

Девчонка деревенская —
Весенняя гроза,
И все уже в ней женское,
И детские глаза.

* * *

Я.К.

У красавицы Наташки
Вдохновительницы строк
По плечам бегут мурашки
И по коже стройных ног.

Хороша она и ладна.
Кожа на ночном ветру
И упруга, и прохладна,
Только голова в жару.

И губами в горьком хмеле
Я ищу в глухой ночи
Уголки на стройном теле,
Что влажны и горячи.

* * *

Я.К.

В черных глаз твоих оливки
Наглядеться не могу,
Тело белое, как сливки
Изласкаю я в стогу.

Грудь высокая трепещет,
Шепот быстрый и шальной.
Через край желанье плещет,
Только встретишься со мной.

Ты горишь в ночи светлее,
Чем пасхальная свеча.
Ни милее, ни честнее,
Ни стыдливей не встречал.

Ей в деревне вековухой
Полагалось отзвести.
Назовут соседки шлюхой,
Улыбнется и простит.

* * *

Я.К. Песни Леля по рощам разносятся,
Где тела словно ветви сплелись,
Там где травы веками не косятся,
Там где синяя звонкая высь.

Здесь любовь чистоструйная, прежняя,
Как доверчивых птиц голосок,
Не изнеженная, но нежная,
Как березовый розовый сок.

* * *

Я.К. Велите им меня не мучить!
Эй над березой, под звездою!
Пусть за меня побудет случай
И напоит живой водою.

Здесь за меня густые травы,
Поля, колодцы и проселки,
Тропинки, светлые дубравы,
И даже оборотни волки.

И только кто-то, сверху глядя,
Недобро, холодно, с издевкой,
Взахлест лупить меня наладил
По ребрам в латаной поддевке.

И кто меня все время гонит
То в иноки, то в атаманы?
И отчего так сердце стонет,
Хоть нет еще кровавой раны?

* * *

Я.К. Ох тоска моя кручина
Не измерить не понять.
Вроде не было причины
В зоревую благодать.

Как березы молодые
Суетятся на ветру,
Не распрабую воды я,
Студяной воды в жару.

Не боли мое сердечко.
С Богом близко не знаком,
С кислым яблоком на речку
Убегу я босиком.

* * *

Я.К. Добра сначала, после зла,
Не будет выше пьедестала,
Империя у нас была,
И ни ее, ни нас не стало.

Добро ли это, или зло
На все наверно Божья милость —
Тысячелетие ушло,
Тысячелетие сменилось.

И может быть пройдут века,
Придут аристократы духа.
Потом быть может, а пока
Безумье, пустота, разруха.

* * *

Я.К.

В садах вы топчите цветы
Инстинктом искренним влекомы.
Нет, господа, вы не скоты,
Вы — орды мелких насекомых.

Как не меняя ни страны,
Ни языка, ни крови в жилах,
Могли вы стадом стать свиным,
Создав свинарник на могилах?

Мой Бог! Я не могу понять,
Как после стольких достижений
Вы продали и честь, и стать,
И вкус, и искренность, и гений?

И ни ума нет, ни стыда.
Сужденья ваши столь наивны.
Вы примитивны, господа.
О Боже, как вы примитивны!

* * *

Я.К.

Мне жалко вас, вы все несчастны,
Больны, отвержены и нищи,
Бежите к жизни безучастны
Влекомы поисками пищи.

Я вас болезненно жалею
И самых злых, и самых гадких.
От этой жалости болею,
Теряю разума остатки.

Как часто у людей встречаю
Глаза больных собак и кошек,
Коров в классической печали
И птичек, переевших крошек.

В глазах у них непониманье:
„Что с ними? Как это случилось?“
И терпеливое страданье
В надежде на Господню милость.

И жадность ваша, и жестокость
Так инстинктивны, недалеки,
Вы камышами из потока
Сосете жизненные соки.

Встречаясь с вашею толпою,
В глазах я вижу ваши души.
Вопрос:

„А что это такое?“
И радость:
„Это можно скушать!“

Вам за наивность все простится,
Как простота родному краю,
И души ваши словно птицы
Под осень улетают к раю.

* * *

Я.К. Мы ходим светлыми лесами.
Мы пьем парное молоко.
Под голубыми небесами
Еще нам дышится легко.

И на крылечке, праздно сидя,
Смакуя сладкий банный дух,
Последние деревни видим
И лица добрые старух.

Как будто кто-то с небосвода
Безумцу крикнул:

„Разори!“
Вещей извечная природа
Меняется как цвет зари.

В итоге нашего призванья
Мы виноваты без вины.
Изменяется любовь, желанья,
Мечты и память, страх и сны.

Благословенно это время.
Нам много повидать дано,
И попрощаться, плача с теми,
Кому погибнуть суждено.

* * *

Я.К.

Россия — сказочное царство,
Кафтаны, гусли, терема,
Святых юродивых коварство
И светлых гениев тюрьма.

Непостижимая при жизни,
Теперь загадочней чем сны.
Мы называть своей отчизной
Историю обречены.

Пугала нас царева плаха
И то, что вождь в Сибирь сошлет.
Мы вырвались из царства страха
В небытия слепой полет.

* * *

Я.К.

Что будет здесь на этом месте,
Когда минует этот век?
Старуха лобик внуку крестит,
Не поднимая темных век.

Кто будет жить под этим небом?
И небо будет ли тогда ...
И молоко, и корка хлеба,
Роса, и талая вода?

И что у Бога мы просили
Я объяснить им не берусь.
Грусть об утраченной России
И по несбывшемуся грустью.

О доблести русских полков

А.Т.

I. О доблести русских полков
Поведают сжатые строки,
Проникнув в глубины веков,
Где памяти нашей истоки...

И павшие вновь оживут
В бреду колокольного звона...
И вновь переправы сожгут,
Испив из студеного Дона...

Смешаются небыль и быль,
В разлитом огне вдохновенья,
И скроет двух витязей пыль
В решающий миг столкновенья...

Насытится битвою день,
Что утро ему приготовит...
И лишь запоздалая тень
Кровавый тот спор остановит...

Но прежде, святые уста
Объявят под лавровым кровом,
Кому, не щадя живота,
На поле стоять Куликовом...

II. Радонежский игумен взволновано
Говорил свою главную речь...
И внимала толпа зачаровано
Каждой фразе, разящей как меч...

Сколько лет под монголо-татарами
Изнывает и сохнет земля...
Города полыхают пожарами,
И на шее тугая петля...

Сколько русских церквей испоганено,
Покалечено душ без вины...
Неужели слезой затуманена
Честь и гордость седой старины?

Нет, довольно бесчинствовать ворогам!
Пробил час им в лицо посмотреть...
Не почтенным отцам и не отрокам —
Вам на поле Судьба умереть...

Безысходность нависла и лопнула,
Князь московский коснулся седла...
На Орду Русь сердито притопнула
И под стяги полки собрала...

III. По трем дорогам рати шли,
Ожесточив сердца...
Их силы крепли и росли,
Им не было конца...

И только ветер со степей
Тревогою поил...
Там где-то храбрый Челубей
Мамая торопил...

В последний раз зардел закат,
И опустилась ночь...
В тиши начавшихся прохлад
Кому-то снилась дочь...

Кому-то грустный взгляд жены,
Томящейся в плену...
Не покидали эти сны
Глухую тишину...

Не спал угрюмый Пересвет,
Осяля — верный друг,
Напомнил княжеский совет
Найти коня к утру...

IV. ...И вот распался под лучами мрак,
Великой силой копий лес поднялся...
Напротив ждал нетерпеливый враг,
И Челубей презрительно смеялся...

Он в поединке предвкушал успех
И за исход ни чуть не опасался...
Но оборвался ядовитый смех,
Лишь Пересвет из строя показался...

Ордынец сразу инока узнал,
Баскаков проучившего однажды...
Тогда он в страхе трех коней загнал,
Кляня злой рок, и мучаясь от жажды...

...Они столкнулись, треснули щиты,
И мертвый Челубей упал на спину...
Копья, нас kvозь пронзившего, следы
Алели, обозначив середину...

Но не успел увидеть Пересвет,
Поверженного в схватке Челубея...
И из него, через такой же след,
Жизнь вытекала, яростью алея...

V. ...Пересвет на врага навалился,
И Ослябя рванулся вперед...
Он на помощь с мечом торопился
И не знал, что из первых умрет...

Стрелы острые сыпались градом,
Теснота не давала дышать...
Русский с нехристем падали рядом,
Оставаясь на месте лежать...

Но сквозь стоны и брань прорубались
Те, кто не был убит или смят...
В лужах пота и крови купались,
Защищая упорно свой ряд...

И, не выдержав ближнего боя,
Побежали мамаевы псы...
После, спавшего к вечеру зноя,
В пользу русских качнулись весы...

Много верст гнали конных и пеших,
В лавре Сергий замаливал грех...
И виднелась в проделанной бреши
Долгожданная воля для всех...

VI. Рубили Русичи дубы
Для знатных и достойных...
Вновь покрывались потом лбы
Людей на вид спокойных...

В колодах грубых, на плечах
Они несли по сменам,
С печалью светлою в очах,
Тела к московским стенам...

И низко кланялся народ
У каждого селенья,
Благословляя молча год,
Явивший избавленье...

В Москве остановилась рать,
Поход окончив славно...
Князь повелел векам предать
Оплаканных недавно...

И замерцали огоньки
По платиновым чашам,
Чтоб скорбь о павших, до тоски,
Хранила б память наша!

* * *

А.Т. Святая Русь поругана врагом,
В Москве засели наглые поляки...
Но в Нижнем шьют на всякий случай стяги,
И каждый жаждой мщения влеком...

Посадский староста, что городу знаком,
Собрал народ — стрельцы, купцы-трудяги,
Дворяне и последние бродяги,
Кто при ноже, кто с толстым кошельком,

Пришли на площадь и внимают речи...
О верности и предстоящей сече
Во имя обретения Москвы...

И в ларь казенный сыплются монеты,
И шапки дорогие с головы
Срывает знать, молясь на лик Победы!

* * *

А.Т. Русский Гамлет — Павел первый,
Принц малтийского креста,
Обнаживший меч и нервы
В ночь неправого суда...

Рыцарь Тени, рыцарь Света,
Павел-призрак, Павел-сон...
В черном саване поэта
Преклонил колено он...

На Холме, у Царской башни,
По щеке хлестнула сталь,

Отсекая век вчерашний,
И вчерашнюю печаль...

В мире зла и серой скуки
Посвященных узок круг...
Им открыты все науки,
То, что выше всех наук...

Рыцарь равный среди равных
Занял место, и вино
Зашипело в кубках славных,
Скрыв серебряное дно...

Неотправленное письмо

А.Т. Я решился составить письмо
Потому, что свиданья не будет...
На рассвете нас выстрелом будят,
В этом звуке — прощанье само...

Я прощаюсь. Получен приказ
Задержать наступленье Мюрат...
Вы о нем обронили когда-то
Пару ярких, восторженных фраз...

Я все помню, но право не время,
Повторять их. Натянуто стремя,
И наточена сабля Судьбы...

Да поможет нам Ваша молитва
Уцелеть среди частой пальбы...
...Год двенадцатый,

армия,
битва...

Еще одно...

А.Т. Еще одно письмо,
Еще одна надежда...
Расколото трюмо,
Разбросана одежда...

Я был тогда не прав,
Не прав наполовину...

Ушел, не доиграв,
Ты выстрелила в спину...

Своей Судьбе...
...Ну хватит о себе,
Ты до сих пор одна?
<12 мая 2004>

Последнее письмо

А.Т.

Я вспоминаю наши дни,
Наполненные знойным летом...
Я чувствовал себя поэтом,
На свете были мы одни...

Укрывшись от жары в тени,
Я разговаривал сонетом
И локон Ваш ловил при этом...
А вечерами на огни,

Мерцающие за рекою,
Смотрели мы. Тогда с другою
Представить счастья я не мог...

Но все не вечно под луною,
Теперь мне не хватает строк,
Прощайте... Я любим женою.
<17 мая 2004>

* * *

А.Т.

В пропахшем дымом кабаке,
Среди подвыпившего сброда...
Я забываю о тоске,
С ножом бросаясь на кого-то...

Здесь жизнь не стоит ни гроша,
Но обретает смысл мгновенно...
В двух сантиметрах от ножа,
Все прочее — второстепенно...

Порезы, битое стекло
Во взгляде ярость разжигают...

Юродивый хохочет зло,
И псы из лужи кровь лакают...

В пропахшем дымом кабаке,
Меня разыскивает Муза,
Чтоб увести на поводке
Подальше от дурного вкуса...

Чтоб с ангелочком на плече
В часы похмельного затишья,
При умирающей свече,
Я написал четверостишье...

И проорал его потом,
Как и положено поэту,
Хватая жадно воздух ртом,
Сядясь в больничную карету...

В пропахшем дымом кабаке,
Среди подвыпившего сброда...
Я вспоминаю о тоске,
Стихами мучая кого-то...

Они пульсируют в виске,
Пока не подступила рвота...

* * *

П.Б.

А.Т.
Хватит пить, ей богу, хватит...
Я глупею с каждым днем...
Только Пашка снова платит,
Пашка платит, значит пьем...

Водка — белая отрава
Хуже адского огня...
Что же ты, моя держава,
Наплевала на меня...

И на Пашку наплевала
И на пьющий наш народ...
Как ни пей, все будет мало...
Потому, что смысл не тот...

Потому, что жизнь без водки —
Запредельная тоска...

Идиоты, идиотки,
Детский пальчик у виска...

Наливай полнее, Пашка...
Я плачу сегодня долг.
В антикварном деда шашка...
За его геройский полк!

Вечное одиночество

А.Т.

Вечное одиночество
В мыслях моих живет...
Страшное как пророчество,
Призрачное как лед...

Скользкое настроение
Трудно преодолеть...
Выдав стихотворение,
Хочется заболеть...

Скомкана ночь, на столике
Киснет стакан вина...
Тихие алкоголики
Хуже дурного сна...

С ними не побеседуешь,
Утро не пропротрубишь...
Чертиков унаследуешь,
С ведьмою переспишь...

Вечное одиночество
Тайно живет во мне...
Имя сменив на отчество,
Мысли топлю в вине!!!

Бессмертье и яд

А.Т.

За бокалом вина
Сижу полчаса...
Предо мною она,
Туманны глаза...

Предо мною – Судьба,
Абсентовый взгляд...

Госпожа и раба,
Бассмертье и яд...

Ценитель абсента

А.Т. Я ценитель абсента,
Поэт есть поэт...
Не прошу комплимента,
Прощу пистолет...
После трети бокала

Меняется мир...
„Прежних истин не стало“ —
Шепнул мне Сатир —
Обожатель абсента...

Абсентовые очи...

А.Т. Я люблю абсентовые очи,
Я смотрю абсентевые сны,
Что душе страдания пророчат,
Для страданий все мы рождены...

Мне нужны абсентевые встречи,
Дорог мне абсентовый азарт...
В пламени зеленом тонут речи
И фигуры не крапленых карт,

Словно сахар тает месяц март...

* * *

А.Т. Стерта, из памяти стерта
Абсентовая весна...
К черту, все послано к черту,
Абсент мой выпит до дна...

Странны, во истину, странны
Встречи и их итоги...
Раны, душевные, раны
Лечат горькие строки...

Господа поэты

А.Т.

Скромный фрак,
Четыре ангелочка...
Бакенбарды, непременно трость...
Легкий шаг,
Трагическая строчка...
Ужин и к столу нежданный гость...

Клевета,
Две пары пистолетов...
Вечный снег и шубы на снегу...
Суeta —
Она не для поэтов,
Пуле подставляющих тоску...

Видит Бог —
Кто правый, кто неправый...
Лучших призывает он к себе...
Вот итог
Достойный, но кровавый,
Как пример растерянной толпе...

Трость, сюртук,
Прогулка под луною...
Встреча с незнакомкой, дивный сон...
Сладость мук,
Разбавленных виною,
С ледяной учтивостью поклон...

И опять
Две пары пистолетов...
Вечный снег и траурная шаль...
Не понять
Глупцам — господ поэтов,
Пулей изгоняющих печаль...

* * *

А.Т.

Стремена натянуты,
Меч над головой...
Мертвые помянуты
Чаркой и травой...

Будет сеча лютая,
 Рать пойдет на рать...
 Только Русь разутая
 Устоит опять!

* * *

А.Т. К черту! Хватит! Надоели!
 Эти рифмы, эта водка...
 Бестолковые дуэли,
 Похотливая красотка...

Я хочу один остаться,
 В разрушающемся доме...
 Скуке, может быть, предаться
 Или сладостной истоме...

Бросив вызов катаклизмам,
 Я хочу уткнуться взглядом
 В потолок... и с пессимизмом
 Пропитать сознанье ядом...

Я хочу шагнуть с балкона,
 Испытать восторг полета!
 До последнего патрона
 Бесов бить из пулемета...

Потому, что надоели
 Сволочные эти лица!!!
 Я один, лежу в постели,
 На Ульянова, в больнице...

Сонет 277

(под впечатлением заката
 по дороге из села Бол. Болдино)

А.Т. В закатном небе парусник Мечты
 Пересекает розовое море,
 С унылою действительностью споря,
 Как спорят с ней кленовые листы...

Те, что летят с закатной высоты
 И, пробуждая таинство во взоре,

Рассеивают маленько горе
По Болдинским законам Красоты...

...В погасшем небе — парусная тьма,
Сводящая действительность с ума,
Корабль мечты пиратским стал корветом...

С похищенною музой на борту,
Похищенной уже другим поэтом,
Восславившим полночную звезду...

Коней седлает русская дружина

А.Т. Коней седлает русская дружина,
Опять идет угроза со степей...
Из чаши, княже, храбрости испей,
Как гнев испил из черепа вражина...

Пусть льется кровь, и рвутся пусть кольчуги,
Была бы только вера спасена,
Святые раздавая имена,
Она к оружью приучила руки,
И посадила на коней она!

<1994>

* * *

А.Т. Дай силы нам, есенинская Русь,
Не променять дома на пепелище...
И стать душою, хоть немного, чище
Пусть даже через боль и через грусть...

Пока стихи мы помним наизусть,
Внимаем слову правды вместо пищи...
Пока бросаем милостыню нищим,
Ты не молчи, есенинская Русь!

Довольно жертв оплакано тобой,
Во имя невостребованной славы,
Но видно так назначено Судьбой,
Стирая ноги, крест нести кровавый...

То попирая облако стопой,
То хулиганя, в поисках забавы...
<1995>

Много лет назад
«Очи черные»

А.Т.

Много лет назад
Ангел Русь хранил...
Жили люди в лад,
Колокол звонил...
И, казалось, нет
Лучше той земли,
Где не знали бед,
И сады цвели...

„Очи черные, очи страстные“,
Отчего теперь мы несчастные?
Отчего теперь на душе печаль?
Неужели нам пропадать не жаль?

Православный храм
Погружен во мрак...
Пьян и дерзок хам
Все ему не так...
Голова гудит,
По спине озnob...
Ангел грех простит,
Водка вгонит в гроб...

„Очи черные, очи страстные“,
Отчего теперь мы несчастные?
Отчего теперь на душе печаль?
Неужели нам пропадать не жаль?

Пробудися, Русь,
Разожги рассвет...
Сгинет сумрак пусть
Да на сотни лет...
Верю, ты должна
Возродиться вновь...
Чем страшней вина,
Тем сильней любовь...

„Очи черные, очи страстные“,
Отчего теперь мы несчастные?
Отчего теперь на душе печаль?
Неужели нам пропадать не жаль?

<1993>

Мы все с «ВАРЯГА»

А.Т. Мы все с «Варяга», знайте, мы с «Варяга»!
Мы были там, в той жизни и мечтах...
В косых лучах андреевского стяга,
Мы умирали на своих крестах...

Впивались в борт тяжелые снаряды,
От грома содрогались небеса...
Но мы к России устремляли взгляды,
И мужество творило чудеса...

Пал миноносец, крейсеры разбиты,
Латать им долго рваную броню...
Японской кровью палубы залиты,
На радость орудийному огню...

Мы все с «Варяга», знайте, мы с «Варяга»!
В нас тот же дух и та же удаль в нас...
И праведность андреевского стяга,
И строгий свет непримиримых глаз...

Мы все с «Варяга»!!!

СТАРЕЦ И ГЕНИЙ**Поэма**

А.Т.

*Когда в Сарове, зажигая свечи,
Премудрый старец нес святой обет,
Лишь в ста верстах
(Для русских — недалече!)
В господском доме пробуждался свет.
Над Болдином дожди нещадно лили...
Но, чтобы мир России не потух,
Одновременно в тишине творили
Великий Разум и Великий Дух!
И Серафим в обители, в Сарове,
И Пушкин в кабинете у стола, —
То были братья, родичи по крови,
Два устремленных к вечности крыла.
В глухом глубинном уголке России,
Средь ночи, погруженной в тишину,
Они слова и думы возносили,
В тревоге за великую страну!
...На мокрых склонах умирало лето,
Во тьму ушла дорожная верста.
И Бог услышал исповедь поэта
И старца преподобного уста!*

Ю.А. Адрианов

- I. Великий Старец и Великий Гений
Искали встречи, просто верьте в это...
Они встречались! Никаких сомнений!
Набросок есть и есть строка Поэта...

Все было странно, в Болдинскую осень
Поэт то скучай жил, то вдохновеньем,
Когда явилась в сером небе просинь
Коротким, но решающим мгновеньем...

...Я вижу — Пушкин на коне крылатом
Спешит туда, где тихо и безлюдно...
Где не ведется счет унылым датам,
Душа в уединении — уютно...

Крылатый конь несет его свободно,
Не нужен повод, если крылья в силе...
Увы, Судьба давно не беззаботна,
И лоб печалят думы о могиле...

В грядущем — снег, дуэль на пистолетах
И очищенье, через муки плоти...
А ныне — смыслы, скрытые в приметах,
Молитвы Старца в скорби о народе...

...Молитвы Старца. Серафим Саровский —
Последний из заступников России,
Куда уже проник смешок бесовский,
Молился о пришествии Мессии...

...Дверь отворилась, Старец не поднялся,
Он даже жажду утолял капелью,
Потом поклоном с гостем обменялся
И пригласил в нетопленную келью...

Великий Старец и Великий Гений
Могли встречаться, только верьте в это...
...Беседа состоялась! Нет сомнений!
Рисунок есть, и есть стихи Поэта...

II. В нетопленной келье беседуют двое
Об избранных ими дорогах...
Монах говорит об извечных пороках
И смотрит в лицо неживое...

Лицо покрывает опасная бледность,
Во взоре погасшем — усталость...
Из тысяч желаний исполнилась малость —
Скандалная слава и бедность...

Внимает поэт рассудительной речи,
Одетого в белое Старца...
Не нужно ни славы, ни денег, ни царства
Тому, кто молитвами лечит...

...И радостей суэтных тоже не надо,
Едва ты приблизишься к Богу,
Себя обретешь и вернешься к истоку,
Под яблони райского сада...

...Немногие век посвящают молитвам,
Отвергнув мечты золотые...
Немногих потомки заносят в святые,
Отдав предпочтение битвам...

Охотней героям толпа рукоплещет,
Чьи руки забрызганы кровью...
Святых же порой подвергают злословью,
От страха никто не трепещет...

Страх смерти заблудшим и праздным не ведом,
Молитвы за них отправляют —
Посланники Божьи... слова исцеляют,
И горним становятся светом...

Толпа — не народ, не Россия, не вера,
Толпа злобным сплетням послушна...
Она ненасытна, она малодушна,
И ей не хватает примера...

Беседуют двое в нетопленной келье
Об избранных ими дорогах...
Поэт говорит о последних уроках
И больше не ищет веселья...

III. Обратный путь —
Путь самоосужденья...
Жжет крестик грудь,
Куда ни глянь — виденья...

То Старца лик,
То силуэт невесты...
То храм из книг,
То шумные аресты

Его друзей,
Бумаг, с его стихами...
Мелькнул лицей,
Неясными штрихами...

Конвой драгун,
Возок полувоенный...
...Вот кольца струн
На лире вдохновенной...

...Им не звучать,
Как в молодые лета...
Свинцом печать
На творчестве поэта...

Печать Судьбы,
Впитавшей кровь заката...
Вдоль верст — столбы...
В конце Пути — расплата?

Быть по сему...
Гимн Старцу Моему —
<6 26 июня 2004>

ПОСЛЕСЛОВИЕ

A.C. Пушкин

«Отцы-пустынники и жены непорочны,
Чтоб сердцем взлетать во области заочны,
Чтоб укреплять его средь дольних бурь и битв,
Сложили множество божественных молитв;
Но ни одна из них меня не умиляет,
Как та, которую священник повторяет
Во дни печальные Великого поста;
Всех чаще мне она приходит на уста
И падшего крепит неведомою силой:
Владыко дней моих! Дух праздности унылой,
Любоначалия, змеи сокрытой сей,
И празднословия не дай душе моей —
Но дай мне зреть мои, о Боже, прегрешенья,
Да брат мой от меня не примет осужденья,
И дух смирения, терпения, любви
И целомудрия мне в сердце оживи».

КОНЕЦ

„ИСКУССТВО —
ПОЧТИ ВСЕГДА
СУГГЕСТИЯ“

А.Н. Тремасов
канд. психол. наук, доцент НКИ

**ИССЛЕДОВАНИЕ СУГГЕСТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ
И ВОСПРИЯТИЯ РЕФЛЕКСИВНО-ПОЭТИЧЕСКОГО
ТРЕНИНГА РАЗЛИЧНЫМИ ВОЗРАСТНЫМИ
И СОЦИАЛЬНЫМИ ГРУППАМИ НА ПРИМЕРЕ
ИСТОРИЧЕСКИХ СПЕКТАКЛЕЙ ТЕАТРА ПОЭТОВ**

Тема предпринятого нами исследования безусловно нуждается в предварительном пояснении. Почему исследуется именно суггестивное воздействие и восприятие, что понимается под рефлексивно-поэтическим тренингом, наконец, почему поставленная проблема решается на примере исторических спектаклей Театра Поэтов Постараемся в общих чертах высказать наши соображения на этот счет.

Суггестивное воздействие и восприятие относится к эмоциональной сфере человеческого бытия. В той или иной степени человек — существо внушаемое и обладающее способностью внушать что-либо другому такому же существу. Именно, благодаря, этой своей способности, человеку пока удается оставаться человеком, хотя совершенно очевидно, что сохранять себя в том виде, в котором человечество существовало на протяжении многих тысячелетий, оказывается все труднее. Дар суггестивного воздействия и суггестивной восприимчивости, с одной стороны, открывает перед нами уникальную возможность к сопререживанию, взаимному проникновению в мир эмоций друг друга, радость межличностного общения, наконец, счастье любить и быть любимым. С другой стороны, непрерывное развитие научных и технологических программ, средств массовой информации, спутниковой, мобильной связи, выход в интернет, используя ту же самую способность

суггестивного воздействия и восприятия, ускоряет процесс унификации общества, если данный термин вообще употребим применительно к человечеству. Парадоксально, но в начале XXI века, именно процесс «обесчеловечивания» человека, превращение его в биомеханическую машину, действующую в рамках навязанных стереотипов, приобретает почти угрожающий характер. Таким образом, степень суггестивного восприятия каждого отдельного человека повышается, а степень его суггестивного воздействия неумолимо стремится к нулю. Мы сознательно не делаем акцент на тенденции постепенного интеллектуального истощения целых социальных групп, ограничившись только эмоциональной сферой человека, поскольку, на наш взгляд, именно к этой сфере относится такая психическая функция, как интуиция. Интуиция по Юнгу опирается на предшествующий опыт — опыт бывает положительным (радость), или отрицательным (огорчение). И то, и другое не что иное, как проявление эмоционального состояния. В скором времени, похоже, только интуиция будет оберегать наше личностное «Я» и, следовательно, наша способность к суггестивному воздействию и восприятию опирается на «интуэризм» (от латинского *intueor* — пристально смотрю), т. е. иными словами на интуицию. Теперь мы поясним, почему вводится сам термин «интуэризм». Рефлексивно-поэтический тренинг предполагает работу с поэтическим словом с целью раскрытия собственного творческого потенциала и достижения достаточно высокого результата каждым участником тренинга. Интуэризм (если быть более точным интуэризм идеальных форм) — новое направление в поэзии, возникшее на рубеже тысячелетий. Интуэризм (слово эра присутствует на наш взгляд не случайно) предлагает интуитивное построение образной системы стиха, при соблюдении идеальной формы (имеется в виду чувство ритма, рифмы и профессиональное владение словом). Данное направление гармонично сочетает в себе элементы романтизма, символизма и акмеизма. Основная цель интуэристической поэзии — создание действительно художественного произведения, отражающего крупицы вечности и напоминающее о не приходящих человеческих ценностях — красоте, любви, мудрости, душевной щедрости и благородной

добрести на которых, по сути, и держится этот непрочный мир. Именно напоминанием о существовании перечисленных выше ценностей всегда занималась и занимается настоящая поэзия, теперь в лице поэтов — интуристов. Театр Поэтов, на примере которого проводится наше исследование суггестивного воздействия и восприятия — театр интуристический, т.е. выступающий под девизом «Творчество бытия».

Творчество бытия — совершенно особый принцип жизни. Это способность «пристально смотреть», видеть окружающий мир не таким, каков он есть, а таким, каким он мог бы стать, если бы большинство людей обладало хотя бы поэтическим восприятием, не говоря уже о поэтическом даре. Да, большинство людей оценивает поэзию, интуитивно отличая вечное от мимолетного (летящего мимо). Но лишь немногие в мире реальном создают свои идеальные миры, в конечном итоге спасающие реальный мир.

Пожалуй, впервые искусство (в данном случае поэзия Театра Поэтов) является не предметом исследования, а средством, позволяющим исследовать феномен суггестивного воздействия на различные социальные группы. Театр Поэтов возник в 1995 году, как творческий эксперимент двух поэтов и ученых, чьи взгляды на уродливое и прекрасное оказались единым взглядом, обладающим способностью охватывать фантастические горизонты мироздания, проникать в далекое прошлое и даже заглядывать в будущее. За почти десятилетнюю историю своего существования Театр представил на суд зрителей более двадцати спектаклей, тексты большинства из них опубликованы в различных изданиях. Хронологически, перечень поэтических действ выглядит так: «Декаданс», «Пилигримы», «Рыцари», «Белая гвардия», «Любви мелодия нетленна» (1995 г.); «Золотая стрела мечты», «Шепот дьявола», «Голос Божий», «Скоморошина», «Дождливый день» (1996 г.); «Дворянское гнездо», «За кулисами шекспировского театра „Глобус“» (1997 г.); «Эхо Эллады», «Древний Рим», «Мансарда Духов» (1998 г.); «Стихи в альбом», «Египет — колыбель страха», «Аркаим» (1999 г.); «Галантный век» (2001 г.); «Орден Рыцарей Красоты» (2002 г.); «Третий Рим» (2003 г.). Театр Поэтов послужил

основой такого явления, как Холм Поэтов (Холм поэтов — место у Северной башни Нижегородского кремля). На Холме, как и на сцене Театра, с 1998 года проводятся поэтические действия и собираются люди (с каждым годом все больше), которые любят и понимают поэзию: «Слово с Холма», «Варфоломеевская ночь» (1998 г.); «Дуэли Пушкинского Века» (1999 г.); «Тени Великих», «Затмение» (2000 г.); «Посвящение в рыцари» (2001 г.); «Расстрел Поэта» (2002 г.); «Поединок», «Вальпургиева ночь» (2003 г.); «Мы все с Варяга» (2004 г.). Таким образом, эксперимент успешно продолжается. Создан круг единомышленников, с 1999 года издается поэтический журнал «Холм Поэтов», в 2002 году вышла библиотека журнала — это семь поэтических сборников разных авторов, постоянно печатающихся на страницах журнала (кстати, своя библиотека есть и у Театра Поэтов).

В чем же суть суггестивного воздействия и восприятия? Как уже говорилось выше, рефлексивно-поэтический тренинг предполагает работу с поэтическим словом. Иначе говоря, гуманитарные дисциплины (в частности историю) можно изучать не только опираясь на фактический материал, но и посредством погружения в мир исторических образов, ассоциаций и даже мистификаций, поскольку создание стихотворного произведения всегда сопровождается волей пророчества. Исторические спектакли Театра Поэтов (или их радио-версии) помогают прочувствовать атмосферу, колорит той или иной исторической эпохи. Как показывают итоговые тесты, в группах, где параллельно с традиционными методами изучения истории проводился рефлексивно-поэтический тренинг «погружения», знание предмета в процентном отношении оказалось более полным, значительно повысился интерес и изучаемой дисциплине и к поэзии вообще. Кроме того, у значительной части испытуемых возникла потребность в собственной творческой реализации. Многие пополнили ряды поэтов — интуэристов.

*В.М. Строгецкий,
доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой истории и культурологии
Нижегородского государственного лингвистического
университета имени Н.А. Добролюбова.*

**ПОСЛЕСЛОВИЕ
К КНИГЕ «ТЕАТР ПОЭТОВ»
А. ТРЕМАСОВА И Я. КАУРОВА**

Авторы книги А. Тремасов и Я. Кауров достаточно известные нижегородские поэты, собирающие на свои поэтические вечера весьма широкий круг интеллигенции. С 1999 года они издают поэтический журнал «Холм Поэтов», в 2002 году вышла библиотека журнала из семи поэтических сборников разных поэтов, печатающихся на страницах журнала. Опубликован ряд поэтических сборников и самими поэтами А. Тремасовым и Я. Кауровым.

Новая книга поэтов вобрала в себя лучшее, что ими написано за последние несколько лет. Все спектакли объединены единой темой поэтического восприятия истории, основанного на серьезном и глубоком понимании античной древности, европейского Средневековья, а также эпохи Возрождения и галантного XVIII века — эпохи Просвещения. Но с особенной любовью и с чувством искреннего, а не показного казенного патриотизма авторы стараются передать свое поэтическое восприятие российской культуры и истории.

Взгляд на историю сквозь призму искусства впервые выразил в своей «Поэтике» Аристотель. «Историю» Геродота называли поэзией в прозе. Известный исследователь Геродота А.И. Доватур даже выделил два языковых стиля у Геродота: повествовательный и научный. Фукидид, безусловно, превзошел Геродота в том, что касается научного объяснения исторических фактов и событий, поэтому он и утверждал, что свою историю он писал не для того,

чтобы услаждать слух читателя. Но последующие историки римской и средневековой эпох отдавали предпочтение Геродоту именно из-за его поэтического и образного восприятия исторических событий и фактов. Поэты эпохи Возрождения, начиная с Ф. Петрарки, считали поэзию наиболее подходящим средством передачи философских мыслей и исторических сюжетов, способным эмоционально воздействовать на читателя или слушателя. С каким упоением и замиранием души мы читаем или слушаем «Исторические хроники» У. Шекспира или «Бориса Годунова» А.С. Пушкина. Как поэтически образно и красиво излагали исторические события нашей страны российские историки, особенно В.О. Ключевский. Чтение исторических произведений, написанных таким образом, не только увлекают, но заставляют сопереживать вместе с автором и его персонажами.

Со второй половины XIX века позитивизм радикально изменил язык исторических сочинений. Он стал более рациональным и логико-детерминистическим. Возникший на волне позитивизма марксизм, особенно в той его догматической форме, которая утвердилась в Германии и России, окончательно выхолостил историческую науку, лишив ее свободы мышления, а также эстетичности и эмоциональной образности, столь необходимых для истории, которая среди гуманитарных наук весьма близка к искусству. Именно в этом нужно видеть одну из главных причин того, что в советской школе, к сожалению, сохраняющейся таковой и сегодня, лишь для немногих история становится любимым предметом, причем не благодаря, а вопреки бездушному, чрезмерно рационализированному, насыщенному казенными идеологическими и другими штампами языку учебников по истории или, нередко, сухому безликому рассказу учителя. Нелюбовь к истории как школьному предмету чревата опасными последствиями, которые в нашей стране уже становятся необратимыми. Это, прежде всего, неуважительное отношение к своему прошлому, а порой и его абсолютное незнание, грубое и варварское отношение к историческим, литературным и другим памятникам. Народ, лишенный эмоционально возвышенного, трепетного отношения к своему историческому прошлому,

не понимающий и не знающий его, не имеет будущего. Именно такие мысли возникают, когда читаешь сегодня многие не только книги, но и учебники по истории.

И вот перед нами книга поэтов А. Тремасова и Я. Каурова «Театр Поэтов. Всемирная история в поэтических спектаклях». Книга не является учебником или научным исследованием, но она стоит многих учебников. Авторы в стихотворной форме излагают свое понимание истории, начиная с древнего Египта и вплоть до России XX века. Взятый ими за основу цивилизационный подход вполне современен и отвечает поставленной цели: воздействовать на умонастроения молодых людей различных социальных групп с помощью рефлексивно-поэтического тренинга.

Цивилизационный подход иногда имеет определенный изъян, связанный с увлечением антикварным описанием исторических частностей. А. Тремасову и Я. Каурову удалось успешно избежать подобных ошибок. Каждая цивилизация имеет свою особенность и свою направленность развития. Первый спектакль называется «Египет — колыбель страха». Авторы совершенно правильно раскрыли сущность древнеегипетской цивилизации, возникшей в конце IV — начале III тысячелетия до Р.Х. Характерными чертами этой цивилизации, оформившимися к середине III тысячелетия, были теократия или господство жречества и деспотическая форма правления. Монументальные дворцы и пирамиды фараонов, статуи и храмы богов подавляли человека, вселяли в него вселенский страх перед богами, фараонами и беспощадными силами природы. Эту идею страха как важнейшей черты древнеегипетской цивилизации весьма образно передают авторы в следующих стихах:

В песках Египта обитает страх,
Его одели в камень фараоны...
А. Тремасов

или

Стихий могущество случайных,
Случайностей жестокий рок...
И в этом всем сокрыта тайна,
Что повторить боится слог.
Я. Кауров

А вот описание состояния обычного человека, стоящего у основании древнеегипетских пирамид:

У пустых пирамид
Ты ничтожен и глуп...
Ужас душу клеймит,
Он безжалостно груб...

Ужас смерти велик
И горяч как песок...

А. Тремасов

Любое стихотворение из этой серии, будь то рассказ о гибели Осириса, о кровавой богине Сохмет, о пирамидах Хеопса и Хефрена, о власти фараонов и коварстве Клеопатры заставляет задуматься о тайнах и загадках древнеегипетской цивилизации, побуждает узнать о ней более подробно.

Древнеегипетская цивилизация была следствием смешения культур северо-африканских народов и средиземноморского субстрата и африканских народов, относящихся к культуре «Негритюд». С середины II тысячелетия до Р.Х. древнеегипетская цивилизация получила значительный импульс со стороны семитских народов, так называемых гиксосов. Но в древности не только семитские, но и индоевропейские народы были создателями высоких культур и цивилизаций. В середине II тысячелетия, вслед за хеттами наиболее известной стала культура Ариев. Как считают некоторые археологи, открытый в южно-уральских степях Аркаим является одним из древнейших археологических памятников арийской культуры. Совершенно правильно указывают авторы книги, что древний Египет и арийский Аркаим — „два параллельных пути“ развития человечества (А. Тремасов). Второй спектакль посвящен мыслям, навеянным авторам книги тремя таинственными кругами стен Аркаима. Третий и четвертый спектакли посвящены Элладе и древнему Риму. Совершенно правильно авторы считают, что Эллада — родина демократии и агонального (состязательного) мышления, „край состязаний и споров“ (А. Тремасов), где „играют и смеются /Рядом смертные и боги“ (Я. Кауров). Не случайно привлекли внимание авторов книги

великолепные по красоте своего содержания и глубине философской мысли древнегреческие мифы, ведь мифы Эллады — это и почва, и арсенал общечеловеческой культуры.

С именем римлян перед нами встают образы патрициев, легионеров, юристов и гладиаторов. Все это символы римской цивилизации. Образам-символам авторы посвящают великолепные стихи. Вот гладиатор „Судьба у гладиатора такая, /Что и с мечом в руках свободы нет...“ (А. Тремасов), а вот болтает молодой патриций в бане, что „...новый цезарь — душегуб“ (Я. Кауров). Стихи настолько проникновенны, что позволяют читателю без какого-либо напряжения представить, как „Покрытый шрамами от ран... /Идет спокойный ветеран, /Убивший перса и германца“ (Я. Кауров).

Античность пала под натиском варваров, а новая религия Откровения затмила блеск древних богов. Наступила эпоха Средневековья. Если античность открыла путь Возрождению и Просвещению, то Средневековье пробудило Романтизм. Символом Романтизма стала рыцарская честь, чему и посвящен пятый спектакль. Каждый стих этого раздела пронизан духом романтики. Трудно выбрать и предпочтеть какой-нибудь один из них.

Шестой спектакль открывается серией стихов о пилигримах. Тяга к путешествиям сопровождает все цивилизации, начиная с древности. Но наибольшую славу о себе остались средневековые поэты-путешественники ваганты. Читатель легко представляет их именно такими, как они описаны в соответствующем стихотворении:

Со звучной лютней за спиной,
С потертым бубном и бутылкой,
Ваганты славят край родной,
Смирившись с добровольной ссылкой...

А. Тремасов

Седьмой спектакль включает в себя цикл стихов, написанных авторами в связи с шекспировским театром «Глобус». Как известно, развитие гуманизма в эпоху Возрождения было обусловлено ростом городской культуры, важнейшей чертой которой было возникновение сценического искусства. Выдающимся драматургом

эпохи Возрождения, являющимся образцом и для современной драматургии был У. Шекспир. Ему принадлежат слова: „Весь мир театр и люди в нем актеры“. Стихи, посвященные театру Шекспира, объединены этой идеей.

На смену Возрождению пришел галантный XVIII век — век Просвещения. Символом этой эпохи была Франция — законодательница мод. Авторы в своих стихах дали запоминающиеся образы маркиза де Воруака (Я. Кауров) и графа де Восамерта (А. Тремасов).

Далее авторы обращаются к истории России и ее православию. Спектакль «Голос Божий», предваряет поэтическое описание важнейших этапов Российской истории и культуры. Нельзя сказать, что Российская цивилизация изначально (имеется в виду Московская Русь) была цивилизацией религиозной, как пытаются это представить некоторые клерикально-националистически мыслящие публицисты. Тем не менее, ее развитие, начиная с XV века, находилось под непосредственным влиянием византийской православной идеологии. Другой вопрос насколько это влияние было позитивным для Руси. Если в IX—XI веках византийское влияние на Киевскую Русь было, безусловно, прогрессивным, так как и сама Византия переживала в это время расцвет, то после падения Константинополя в 1455 году, византийское православие фактически лишилось почвы, и византийское духовенство перешло к охранительной политике, стараясь и на Руси утвердить и закрепить свои консервативные идеи, абсолютно не отвечавшие потребностям времени. Это и было одной из главных причин, задержавших на несколько столетий развитие России, как в политическом, так и в социально-культурном отношении. Реформы Петра Великого и его последователей Елизаветы Петровны и Екатерины II, безусловно, привели к преодолению некоторых вопиющих черт дикости и варварства XVI—XVII веков. Однако вывести Россию из состояния отсталости с помощью этих реформ не удалось. Тем не менее, они способствовали проникновению в Россию европейской культуры и формированию сословия дворянства, которое на протяжении более чем двух столетий являлось символом российской цивилизации и творцом ее величайших достижений. Дворянские усадьбы были центрами

и источником формирования и распространения культурных традиций в различных регионах России в течение XIX и начале XX веков. О дворянском быте мы можем сегодня судить только по литературе, поэтому тем более важны те поэтические зарисовки, которые предлагают авторы книги. Благодаря им, читатель получает представление о жизни и быте дворянства:

Дворянские усадьбы — цветущие сады,
Стихи, балы, прогулки верховые...
<...>

Дворянские усадьбы — раздумья о любви,
Свидания в беседке под луною...
<...>

Дворянские усадьбы — охотничий азарт,
Библиотеки, строгие портреты...

А. Тремасов

Дворянская честь — верно служить царю и отечеству, поэтому много стихов авторы посвятили дворянской воинской доблести. Лучшие умы дворянства, доставившие победу России в войне с Наполеоном, понимали необходимость более последовательного проведения в России реформ. Их идеи отразились в документах декабристской эпохи. Попытка воплощения в жизнь идей декабристов обернулась трагедией для них самих и страны. Поэтому вместе с поэтом хочется вспомнить:

Где Вы, корнеты, французской войны,
Дети расстрелянной воли?

Где обожженные крылья знамен,
Эхо разбуженной славы?

Где Вы, поручики, грозных времен,
Юность Российской державы?»

А. Тремасов

Любовь во времена дворянской культуры была чистым и возвышенным чувством, незапятнанным простонародной грубостью. Это великолепно передает Я. Кауров в своих лирических стихотворениях, которые легко перелагаются на музыку. Не могу не привести

в подтверждение прекрасные строки из стихотворения «Пощадите корнета, графиня»:

Пощадите корнета, графиня,
Вы же видите — мальчик влюблен...
Засыпая, твердит Ваше имя,
И в слезах просыпается он...

...Полюбите корнета, графиня,
А не то, ускользая во тьму,
Перед смертью в бою, на чужбине,
Вспомнить нечего будет ему...

Я. Кауров

Но трагической оказалась судьба русского дворянства. Также, как в античные времена рабство развратило психологию свободолюбивых эллинов и римлян, так затянувшееся на долгие века крепостничество, привело к разложению и российского дворянства. Серебряный век русской культуры стал одновременно закатом дворянского века, что и привело к разнузданности толпы. Поэтому состояние кризиса и глубоких противоречий, пронизывавших российское общество с конца XIX и в начале XX веков, характеризуется емким словом декаданс, чему и посвящают цикл своих стихотворений авторы книги (двенадцатый спектакль). В них обнаруживается многозначность этого понятия. Это и:

Под светло-желтым капюшоном,
Усевшись на двадцатый ряд,
Дешевого одеколона
Вдыхать бесцветный аромат.

Я. Кауров

или:

Носить безвкусные костюмы
С лиловым бантом набекрень,
Смеяться над дельцом угрюмым
И выше мира ставить лень.

Я. Кауров

Декаданс — это и „стремиться, задыхаясь в никуда“ (Я. Кауров). Наконец декаданс — это символ „уходящего

века“, как „...Почерневший снег, /С пеплом смешанный,
/Ветер бешенный...“ (А. Тремасов). Декаданс стал предвестником гибели Российской державы и Российской культуры в бушующем пламени революционного насилия, вызванного экстремистскими вождями-демагогами, оседлавшими развращенную чернь. В стране начался разгул сатаны.

О трагедии, в которую ввергли Святую Русь в октябре 1917 года кроваво-красные приспешники дьявола повествуют стихи А. Тремасова и Я. Каурова из серии «Белая Гвардия». Об этих стихотворениях можно сказать, что они — великая сила, в них смелая правда повествования и спасительная вера, наполняющая наши сердца. Эти стихотворения — лучшее наставление для подлинного патриотического воспитания. Вот портрет России, истерзанной большевиками и НКВДэшниками:

Государев трон пустует,
Гибнет Русь от дураков...
Нечисть пришлая лютует,
Попирая прах веков...

Без заботы и без веры
В муках корчится народ...
Мысли страшны, лица серы,
Исцелится ли урод?

А. Тремасов

Столь же меткими и острыми являются стихотворные строки, бичующие властвующих временщиков России:

Под маской бронзовой мессии
Их прегрешенья велики.
Идут, ступают по России
Временщики, временщики!

Расчетом занятые скучным
Всем насладиться на веку,
Похрустывают равнодушно
По черепам, как по песку.

Любой ценою жаждут власти,
Богатства, женщин и жратвы
И вырастают на несчастье,
И не боятся злой молвы...

...Им не доступно состраданье,
Им не понятно слово — честь,
Они не ищут оправданья
И ценят то, что можно съесть...

И вновь в крови стоят по плечи,
Как в половодие реки...
И снова о свободе речи
Временщики, временщики!

Я. Кауров

Вслед за разгромом дворянской культуры в стране восторжествовала образованщина (меткое слово А.И. Солженицина):

От невидимых миру ран,
Защищаясь щитом Европы,
На культуру русских дворян
Наступают стеной холопы.

Зло витийствует, много ест,
Заседает, учит студентов,
Из местечек и узких мест
Племя новых интеллигентов...

Россиян, продав с молотка,
Словно подвигом Герострата,
На народ глядит свысока
Племя новых аристократов.

Из убийц и просто воров,
Из вождей подхалимской виты,
Из плебеев — ростовщиков
Вырастает эта элита.

Чуть презрительно глядя вокруг,
Над старинной смеясь культурой,
Восхищает ловкостью рук
И дебильной литературой...

Я. Кауров

Но поэты, авторы книги, не пессимисты. Они верят, что:

Не все распроданы иконы,
Еще тревожат память звоны
Колоколов минувших лет...

Еще в старинных песнях реет
Флаг Первозванного Андрея
И в них предчувствие побед!
А. Тремасов

Возродятся наследники Белой гвардии и Россия,
задавленная временщиками, станет восприемницей Свя-
той Руси Великой, и они снова с гордостью воскликнут:

Да, мы белые, господа!
Блещут золотом эполеты!
Да, мы белые. Навсегда!
Чище нет у России цвета.

Слава рыцарей всех времен
Светит снова на старом месте,
И вернуть государю трон
Для славян — это дело чести!

Я. Кауров

Четырнадцатый спектакль называется «Сказки» и содержит сказки, написанные А. Тремасовым и Я. Кауровым. Как и положено, в них речь идет о борьбе зла с добром и торжестве Света над Тьмой. Читатель, безусловно, с интересом прочитает «Взрослую сказку для детей» А. Тремасова и романтическую сказку «О принце Эвальде и королевской дочери Агнессе» Я. Каурова.

Следующий спектакль посвящен «Мелодиям не-
тленной любви». Здесь собраны сонеты, стихотворения
о красоте, которая в России несказана и в дождливую
пору. Во всех этих стихотворениях звучит голос русских
поэтов, в них „русский дух, в них Русью пахнет...“.

Завершая свое послесловие к книге двух удивитель-
ных поэтов и ученых А. Тремасова и Я. Каурова, хочется
сказать, что хотя мы живем в век «невежества и обмана»
и кажется, что люди потеряли веру в лучшие добрые
чувства, тем не менее, пока мы будем читать и помнить
эти стихи, Русь Пушкина и Есенина, Русь, хранящая
в памяти имена своих героических предков, никогда не по-
грузится в тот страшный вечный сон, который называется
смертью.

АЛФАВИТНЫЙ
УКАЗАТЕЛЬ
СТИХОТВОРЕНИЙ

Андрей Тремасов

17 декабря	157
А в Париже городе.....	103
Абсентьевые очи...	347
Акростих	122
«Алмазы сияют в небе...»	31
Ангел	169
Ангел смерти	102
«Ангел трубит...»	79
Ангел хранитель	172
Ангелы бездны.....	174
«Античные ветра...»	57
Арьергард	196
Аустерлиц	196
«Ах, эта мушка на груди...»	136
Баллада о борьбе со злом.....	80
Баллада о дружбе	77
«Белая гвардия честь и долг...»	218
Белый ворон	173
Бессмертье и яд	346
Благая весть	173
Благослови, Господь, Россию...	226
Божество	171
В атаку, господа!	221
В белом сне	103
«В бокале красное вино...»	210
«В бокале кровь, а не вино...»	158
«В вагоне тесно, сыро, душно...»	111
В грядущем святая Русь	219
В Дивеевском соборе...	170
«В камзоле восемнадцатого века...»	150
«В лесу любви так просто заблудиться...»	115
«В песках Египта обитает Страх...»	15
«В пропахшем дымом кабаке...»	344
«В сером плаще дождя...»	299
Ваганты	107
«Век быстрых денег, век интриг...»	150
Венок сонетов I	261
Венок сонетов III	273
Ветер	211
«Ветер, конь и звонкий меч...»	29
Вечное одиночество	346
Взгляд ловит взгляд	159
Взрослая сказка для детей	242
«Вином вдохновенья наполнен бокал...»	114

«Вихрем мчатся колесницы...»	33
Вместо предисловия	237
Воздушные замки	89
Воспоминание	181
Восторг самораспада	98
Бот он миг	159
«Вот опять хороводят листва за окном...»	301
«Все бессмысленно, стихи...»	143
«Все тайны слова разгадать...»	178
Вступление к третьей части	123
Вступление ко второй части	118
«Вся жизнь моя сплошная авантюра...»	135
«Вы слышите эхо Эллады...»	39
Вызов	161
Выкуп	210
«Гадает сентябрь по кленовой ладони...»	306
«Где вы, гусары счастливой поры...»	190
Гибель орла	222
«Глаза сиреневого цвета...»	192
«Голубые туманы...»	172
Господа поэты	348
«Государев трон пустует...»	222
Граф де Восамерт	133
«Дай силы нам, есенинская Русь...»	350
Дама пик	158
«Дворянские усадьбы цветущие сады...»	193
«Довольно уговаривать Судьбу...»	160
Долг	176
«Древний Египет и наш Аркаим...»	27
«Едет Рыцарь на коне...»	87
Еще одно...	343
«За рекою золотятся огни...»	207
«За улыбкой не спрячешь тоску...»	100
Завтрашний закат	100
«Занавес времени мы приоткроем...»	113
Запах серы	158
«Здравствуй край Хаджи Насредина...»	108
«Золотыми монетами...»	142
«Икара восславим...»	47
Инкуб	162
История шариковой ручки, или пролог	241
«К черту! Хватит! Надоели!..»	349
«Как это глупо с пеной у рта...»	183
«Камзолы, перья, треуголки...»	130
«Капитан, Вас угробит бутылка...»	218
«Карета по дороге катится...»	138

«Кивер съехал набекрень...»	192
«Кленовый лист к зонту прилип...»	304
«Клеопатра царица пустыни!...»	23
«Когда то здесь шли караваны...»	111
Коней седлает русская дружина.....	350
«Конь о землю бьет подковой...»	82
Крест и кинжал	173
«Кровью золото добыто...»	149
«Кто то трубит в рыцарский рог...»	82
Летний ветер	102
«Любовь заставила тебя...»	55
Магический кристалл	163
«Мадам, я пьян и даже выбрит плохо...»	223
Маятник ночи	99
«Меня гнетет одно воспоминанье...»	209
«Мне нравится беседовать с огнем...»	193
«Мне нравиться беседовать с огнем...»	159
«Мне очень хотелось...»	160
«Мне привиделись в белой метели...»	220
«Мне сегодня не живется и не дышится...»	208
Много лет назад	351
Моление	178
Молитва	171
Молитва на закате	174
Молодой кадет	225
Монолог Гамлета	119
Монолог змея	246
Мы все с «Варяга»	352
«На зубах скрипит песок...»	105
«На круглый стол положены мечи...»	80
«На шляпе бриллиантовая брошь!...»	191
«Над станцией свинцовый рассвет...»	224
«Надменный римлянин безжалостен к рабам...»	56
«Нам выпало с вами в России родиться...»	225
Наполню кубок не вином	215
«Не в первый раз король и королева...»	78
«Не приметный полустанок...»	109
Неотправленное письмо	343
Непорванные стихи	102
Неприятие жизни	214
«Неудавшийся портрет...»	301
«Никто из нас Судьбы не знает...»	116
О доблести русских полков	338
Образ	208
«Огненная корона...»	146
Ода вину	82

«Один король уже на склоне дней...»	123
«Она по узбекски простилась со мной...»	111
Оранжевый снег	210
«Орды варваров весело...»	57
Орифлама	85
«Осенний воздух холоден и чист...»	306
«Осталась ночь раздумий до дуэли...»	188
«От Египта остался чарующий страх...»	13
Офицерский вальс	217
Паж	78
«Парик, камзол, ореховая трость...»	131
Перепутались звезды	101
Перчатка Судьбы	84
Песенка змея	247
Песенка шкипера	106
«Пилигримы рыцари дорог...»	104
Письмо	84
Под Андреевским флагом	218
«Пока в бокалах пенится вино...»	145
Пока не скисло вино...	207
«Попарно проносятся кони...»	22
Посвящение	183
«Посейдон растревожил море...»	49
Последнее письмо	344
Последний пилигрим	106
Послесловие	127
Похищение	79
«Почему мы играем Спарту...»	46
«Поэзия вселенная любви!..»	147
Путешествие луны	206
«Разбитым ртом я улыбаюсь...»	147
Разгадка ночи	212
Райский луг	176
Распадается мир	221
Распятая мечта	175
«Ресница касается рассвет...»	117
«Римская монета...»	53
Россия стосковалась по царю	224
«Русский Гамлет Павел первый...»	342
Русским поэтам	198
Рыцари красоты	85
«Рыцарь преклонил колено...»	83
С неба ангел спустился	177
«С тебя сползает покрывало...»	214
Салон Литературного кафе	187
«Свечи серебряное пламя...»	192

«Святая Русь поругана врагом...»	342
«Священный город Бухара...»	110
«Сегодня их пришло на много больше...»	53
Сказка о мушкетерской стране	256
Сказка о принцессе и ее верных львах	238
Сказка о солнечном зайчике	237
Скучающий поэт	182
«Скучно, целюсь в даму пик...»	185
«Смотреть еще не значит видеть...»	303
«Собрав весь мусор общего вагона...»	110
Сон луны	211
Сонет 277	349
«Сpartанцы, вперед!..»	45
«Спелая гроздь винограда...»	40
«Среди богатых декораций...»	36
«Среди египетских песков...»	19
Старец и гений. Поэма	353
«Стерта, из памяти стерта...»	347
«Стертая монета...»	80
«Стихи как дар, и как проклятье...»	212
Странные люди	213
«Стремена натянуты...»	348
Суккуб	162
Сумасшествие	207
«Сходитесь! Сходятся... сейчас он упадет...»	188
Табу	161
Тайна	87
Тайна свечи	178
«Тайну смерти хранят пирамиды...»	16
Тайный свет молитвы	170
«Ташкент нас встретил камнем и угрозой...»	109
Тост	273
«Три истины тебе укажут путь...»	35
«Три круга стен оберегали смыслы...»	28
«Трубит рожок, из ножен вырван меч...»	86
«У подножья гор Чимганских...»	108
«У пустых пирамид...»	24
«Умирает лето, умирает...»	302
«Фермопилы вот место не равного боя...»	42
«Хватит пить, ей богу, хватит...»	345
«Холодные осенние дожди...»	306
«Холодный сентябрь произвел в адъютанты...»	302
Храни нас, Господи	179
«Цезарь ведет легионы...»	54
«Целую перекрестье меча...»	83
Ценитель абсента	347

«Чаша пенная по кругу...»	217
Черный цветок	209
«Чимганские горы...»	110
«Шепот дьявола нас отрывает от сна...»	157
Эполеты	188
«Я верю в одинокую звезду...»	105
Я ветрами крещен	104
«Я влюбился в сонет...»	125
Я годы рву	104
«Я иду по тропе мирозданья...»	44
«Я не стану говорить Прощай...»	108
«Я ощущаю вкус твоей помады...»	215
«Я повторяю, как молитву...»	118
«Я поисками утомлен...»	121
«Я проснулся в пирамиде!..»	18
«Я славлю гордую Элладу...»	50
«Я хотел бы в век чести жить...»	196
«Я хотел бы в век чести жить...»	222

Ярослав Кауров

Альба	65
Альба	115
«Ах, сударыня, как Вы не правы...»	182
Баллада	62
«Бледнеет сумерек слюда...»	194
«Бог, спустившийся с небес...»	13
«Бываают чувства в тишине...»	47
«Бьет набат на Руси святой...»	231
«В аллеях золотого парка...»	204
«В землянке темной светлым днем...»	330
«В любом сраженье встретите его...»	60
«В наших тихих лесах и березовых рощах...»	332
«В небе мечутся всполохи пламени...»	154
«В полете, все еще в полете...»	91
«В садах вы топчите цветы...»	336
«В сиренево лиловом небе...»	202
«В степях, оставленных когда то...»	27
«В ту ночь мы слишком задержались...»	318
«В черных глаз твоих оливки...»	333
«Вам не понять смиритесь, господа!..»	203
«Век галантных кавалеров...»	141
«Велите им меня не мучить!..»	334
«Вечер. Солнце отсияло...»	156
«Вечность на моих часах...»	20

«Вздыхало заспанное небо...»	116
«Власть, конечно, только власть...»	21
«Внимая приговора фразам...»	230
«Во мне, все во мне: и холод вершин...»	191
«Во первых строках моего письма...»	316
«Во флаконе из слюды...»	113
«Вокруг смеются над судьбой...»	117
«Вот древних римских башни отрада...»	53
«Вот ты поэт, волнами строф...»	331
«Всё из меня, ко мне вернётся...»	24
«Все несчастья, все удачи...»	300
«Все прошло, миновало прозрачное лето...»	299
«Все сверкает огнями...»	167
«Все тихо лишь коней бегущих храп...»	204
«Вход в подсознанье там...»	296
«Вы все мое творение...»	166
«Вы говорите „Пью без меры!..“»	319
«Галантный век, летят кареты...»	131
«Да, господа, всё это роскошь...»	72
«Да, мы белые, господа!..»	233
«Дай ты, Господи, нам любви...»	169
«Дай ты, Господи, нам любви...»	234
«Девчонка улыбается...»	333
«Добра сначала, после зла...»	335
«Драконом вечным выгнув спину...»	135
«Душа твоя твой дом...»	281
«Если будет король у страны силен...»	122
«Есть где то чудный сад любви...»	40
«Есть страна за облаками...»	41
«Ещё вина! Я ставлю сотню!..»	134
«Еще мгновенье, солнце скрылось...»	311
Жестокость	67
«Жизнь прошла, воспоминаний нет...»	304
«За горизонтом много стран...»	36
«За горизонтом много стран...»	93
«За окнами ветер и снег, или дождь...»	302
«Загадочность сцены...»	129
«Закончилась Эллады вечной драмы...»	51
«Зачем мы начали играть?..»	124
«И нежный голос, и напудренный парик...»	137
«Из засохшей сосенки...»	312
«Интрига королевская игра...»	138
«История, ещё история...»	33
«Кабак и воры в кабаке...»	326
«Кавказ за вольнодумие платы...»	181
Казачья	232

«Как в деревне своей я порядок навел...»	327
«Как во поле во поле...»	325
«Как золото блестает и лучится...»	25
«Как на масленице пьяной...»	315
«Как на юной на заре...»	321
«Как надоели глупые книги...»	153
«Как трудно в это все поверить вам...»	205
«Когда все чувствовали: скоро...»	30
«Кораллы, бирюза и золото...»	23
«Кто это путник, идущий по дикой равнине?...»	69
«Лежу под яблоней. Жара...»	328
«Лишь только глаза закроются...»	59
Маркиз де Воруак	132
«Меня суровый рок минует...»	56
«Мирры проходят сквозь миры...»	72
«Мне жалко вас, вы все несчастны...»	336
«Мне надоели эти люди...»	303
«Мне хватит в жизни терпения...»	165
«Многозначительные думы...»	201
«Мой милый солнечный зайчиконок...»	97
«Мой путь не важен по земле...»	31
«Мой путь не важен по земле...»	91
Молитвы красоте	280
«Морали, принципов и моды...»	15
«Мы готовы к судьбе каждый час...»	29
«Мы ходим светлыми лесами...»	337
«Мы шли весь день через леса...»	313
«Мы шли тускнеющим откосом...»	324
«На коне, покрытом сталью...»	74
«На Рейне или на Урале...»	70
«На склоне дня, уставший от работы...»	43
«Над темною рекой, на склоне...»	305
«Не надо больше плакать и молиться...»	118
«Невидимым бывает дождь...»	301
«Несется ратник на коне...»	76
«Нищий поэт как смешно!...»	203
«Ну никак судьба подлянка...»	332
«О несравненное дивное небо Эллады!...»	50
«О чём то давнем воспоминанье...»	186
«Облаков плывет гряда...»	328
«Огни взлетают фейерверками...»	153
«Одежды в складки собираются...»	155
«Он блещет золотом на латах...»	73
«Он возвратится в отчий дом...»	68
«Он возвратится в отчий дом...»	227
«От невидимых миру ран...»	229

Офицерский	227
«Ох загуляю я! Держись!..»	328
«Ох тоска моя кручина...»	335
«Пала тень кровавая...»	323
«Песни Леля по рощам разносятся...»	334
Пирамиды	18
Письмо (Поэма).....	267
«По велению магистра...»	75
«Под маской бронзовой мессии...»	228
«Пока сознанье бег не завершит...»	126
«Полные сладостной, чувственной лени...»	70
«Постой над великой рекой...»	37
«Пощадите корнета, графиня...»	189
«Поэт над миром вознесен...»	143
«Прекрасна жизнь философа в Элладе...»	46
«Признаются заслуги красоты...»	122
«Признаются заслуги красоты...»	304
«Просыпайся, просыпайся!..»	66
«Пылает синий небосвод...»	325
«Пьеро идет отвержено и сиро...»	202
«Пьяное отрепье...»	327
«Распались связи, рухнул город...»	232
«Рождаясь, не ведешь ты счет годам...»	125
«Розовый дым...»	205
«Россия сказочное царство...»	338
Ростовщик	66
Рыцарь красоты	60
«С печки на речку. С речки на печку...»	326
«Свет золотой, возьми меня...»	198
«Свет золотой, возьми меня...»	311
«Сегодня до чертей напьюсь...»	331
«Сегодня ты, а завтра я, но ты сегодня!..»	61
Скоморошина	320
«Славен и счастлив живущий под небом....»	44
«Следя за карточной игрой...»	64
«Следя за карточной игрой...»	114
«Собака, солнце и костер...»	314
«Солнышко, солнышко!..»	313
«Стон любви в полях слышнее...»	332
«Страстью безумною, радостью нежною...»	190
«Страх, власть и деньги...»	34
«Стучась в холодные стальные двери...»	94
«Стучась в холодные стальные двери...»	144
«Судьбой неведомой ведомый...»	184
«Судьбой неведомой ведомый...»	309
«Так много утекло песка...»	68

«Такое людям может лишь присниться...»	17
«То зябко, то жарко и душно...»	120
«Труден путь по острым камням...»	167
«Ты говоришь, мои стихи...»	147
«У вечера есть дивное мгновенье...»	205
«У вечной красоты...»	296
«У красавицы Наташки...»	333
«Увезите вы меня...»	317
Улица Ленина	307
«Утро цвета любви...»	94
«Холодной петербуржскою зимою...»	186
«Хочется чувствовать молодость...»	140
«Хочу напиться из колодца...»	320
«Хранятся в памяти виденья...»	32
Христос	168
«Что будет здесь на этом месте...»	338
«Чудный мерцающий лес...»	39
«Шлем раскаленный на висках...»	55
Эвальд и Агнесса	247
«Эллада пир богов под рокот моря...»	48
«Этот дождь на солнце благодатном...»	92
«Я вам не должен ничего...»	95
«Я вам не должен ничего...»	145
«Я вижу мир, я ухожу в него...»	71
«Я забыл. Я забыл. Я забыл...»	146
«Я мог бы Вам писать всю ночь...»	185
«Я мог бы Вам писать всю ночь...»	310
«Я научу Вас жизни высшей...»	148
«Я ненавижу лицемерие...»	155
«Я никогда не видел рая...»	197
«Я никогда не видел рая...»	310
«Я одинок. Без страха и без грусти...»	120
«Я плачу горькими слезами...»	316
«Я русский поэт, и знамение...»	198
«Я узнаю вас, облака...»	312
«Я ухожу. Не ждите, не звоните...»	97
Я хочу летать во сне	96
«Я человек, предпочитающий иллюзии...»	62
«Я, конечно, прощаю вас...»	185
«Я, конечно, прощаю вас...»	309
«Яблоки в России...»	329

СОДЕРЖАНИЕ

Обращение к читателю	3
Вместо вступления	5
Египет — колыбель страха	
Тремасов А. «От Египта остался чарующий страх...»	13
Кауров Я. «Бог, спустившийся с небес...»	13
Тремасов А. «В песках Египта обитает Страх...»	15
Кауров Я. «Морали, принципов и моды...»	15
Тремасов А. «Тайну смерти хранят пирамиды...»	16
Кауров Я. «Такое людям может лишь присниться...» ..	17
Тремасов А. «Я проснулся в пирамиде!..»	18
Кауров Я. Пирамиды	18
Тремасов А. «Среди египетских песков...»	19
Кауров Я. «Вечность на моих часах...»	20
Кауров Я. «Власть, конечно, только власть...»	21
Тремасов А. «Попарно проносятся кони...»	22
Тремасов А. «Клеопатра царица пустыни!..»	23
Кауров Я. «Кораллы, бирюза и золото...»	23
Тремасов А. «У пустых пирамид...»	24
Кауров Я. «Всё из меня, ко мне вернётся...»	24
Кауров Я. «Как золото блестает и лучится...»	25
Аркаим	
Тремасов А. «Древний Египет и наш Аркаим...»	27
Кауров Я. «В степях, оставленных когда то...»	27
Тремасов А. «Три круга стен оберегали смыслы...»	28
Кауров Я. «Мы готовы к судьбе каждый час...»	29
Тремасов А. «Ветер, конь и звонкий меч...»	29
Кауров Я. «Когда все чувствовали: скоро...»	30
Тремасов А. «Алмазы сияют в небе...»	31
Кауров Я. «Мой путь не важен по земле...»	31
Кауров Я. «Хранятся в памяти виденья...»	32
Тремасов А. «Вихрем мчатся колесницы...»	33
Кауров Я. «История, ещё история...»	33
Кауров Я. «Страх, власть и деньги...»	34
Тремасов А. «Три истины тебе укажут путь...»	35
Кауров Я. «За горизонтом много стран...»	36

Тремасов А. «Среди богатых декораций...»	36
Кауров Я. «Постой над великой рекой...»	37
Эхо Эллады	
Тремасов А. «Вы слышите эхо Эллады...»	39
Кауров Я. «Чудный мерцающий лес...»	39
Тремасов А. «Спелая гроздь винограда...»	40
Кауров Я. «Есть где то чудный сад любви...»	40
Кауров Я. «Есть страна за облаками...»	41
Тремасов А. «Фермопилы вот место не равного боя...»	42
Кауров Я. «На склоне дня, уставший от работы...»	43
Тремасов А. «Я иду по тропе мирозданья...»	44
Кауров Я. «Славен и счастлив живущий под небом...»	44
Тремасов А. «Сpartанцы, вперед!..»	45
Кауров Я. «Прекрасна жизнь философа в Элладе...»	46
Тремасов А. «Почему мы играем Спарту...»	46
Кауров Я. «Бывают чувства в тишине...»	47
Тремасов А. «Икара восславим...»	47
Кауров Я. «Эллада пир богов под рокот моря...»	48
Тремасов А. «Посейдон растревожил море...»	49
Кауров Я. «О несравненное дивное небо Эллады!..»	50
Тремасов А. «Я славлю гордую Элладу...»	50
Кауров Я. «Закончилась Эллады вечной драма...»	51
Древний Рим	
Тремасов А. «Римская монета...»	53
Тремасов А. «Сегодня их пришло на много больше...»	53
Кауров Я. «Вот древних римских бань отрада...»	53
Тремасов А. «Цезарь ведет легионы...»	54
Кауров Я. «Шлем раскаленный на висках...»	55
Тремасов А. «Любовь заставила тебя...»	55
Кауров Я. «Меня суровый рок минует...»	56
Тремасов А. «Надменный римлянин безжалостен к рабам...»	56
Тремасов А. «Орды варваров весело...»	57
Тремасов А. «Античные ветра...»	57
Рыцари	
Кауров Я. «Лишь только глаза закроются...»	59
Кауров Я. «В любом сраженье встретите его...»	60
Кауров Я. Рыцарь красоты	60
Кауров Я. «Сегодня ты, а завтра я, но ты сегодня!..»	61
Кауров Я. «Я человек, предпочитающий иллюзии...»	62
Кауров Я. Баллада	62
Кауров Я. «Следя за карточной игрой...»	64
Кауров Я. Альба	65
Кауров Я. «Просытайся, просытайся!..»	66

<i>Кауров Я.</i>	Ростовщик	66
<i>Кауров Я.</i>	Жестокость	67
<i>Кауров Я.</i>	«Так много утекло песка...»	68
<i>Кауров Я.</i>	«Он возвратится в отчий дом...»	68
<i>Кауров Я.</i>	«Кто это путник, идущий по дикой равнине?...»	69
<i>Кауров Я.</i>	«Полные сладостной, чувственной лени...» ..	70
<i>Кауров Я.</i>	«На Рейне или на Урале...»	70
<i>Кауров Я.</i>	«Я вижу мир, я ухожу в него...»	71
<i>Кауров Я.</i>	«Да, господа, всё это роскошь...»	72
<i>Кауров Я.</i>	«Миря проходят сквозь миры...»	72
<i>Кауров Я.</i>	«Он блещет золотом на латах...»	73
<i>Кауров Я.</i>	«На коне, покрытом сталью...»	74
<i>Кауров Я.</i>	«По велению магистра...»	75
<i>Кауров Я.</i>	«Несется ратник на коне...»	76
<i>Тремасов А.</i>	Баллада о дружбе	77
<i>Тремасов А.</i>	«Не в первый раз король и королева...» ..	78
<i>Тремасов А.</i>	Паж	78
<i>Тремасов А.</i>	«Ангел трубит...»	79
<i>Тремасов А.</i>	Похищение	79
<i>Тремасов А.</i>	«На круглый стол положены мечи...»	80
<i>Тремасов А.</i>	«Стертая монета...»	80
<i>Тремасов А.</i>	Баллада о борьбе со злом	80
<i>Тремасов А.</i>	Ода вину	82
<i>Тремасов А.</i>	«Кто то трубит в рыцарский рог...»	82
<i>Тремасов А.</i>	«Конь о землю бьет подковой...»	82
<i>Тремасов А.</i>	«Рыцарь преклонил колено...»	83
<i>Тремасов А.</i>	«Целую перекрестье меча...»	83
<i>Тремасов А.</i>	Перчатка Судьбы	84
<i>Тремасов А.</i>	Письмо	84
<i>Тремасов А.</i>	Рыцари красоты	85
<i>Тремасов А.</i>	Орифлама	85
<i>Тремасов А.</i>	«Трубит рожок, из ножен вырван меч...» ..	86
<i>Тремасов А.</i>	Тайна	87
<i>Тремасов А.</i>	«Едет Рыцарь на коне...»	87
<i>Тремасов А.</i>	Воздушные замки	89

Пилигримы

<i>Кауров Я.</i>	«В полете, все еще в полете...»	91
<i>Кауров Я.</i>	«Мой путь не важен по земле...»	91
<i>Кауров Я.</i>	«Этот дождь на солнце благодатном...»	92
<i>Кауров Я.</i>	«За горизонтом много стран...»	93
<i>Кауров Я.</i>	«Утро цвета любви...»	94
<i>Кауров Я.</i>	«Стучась в холодные стальные двери...» ..	94
<i>Кауров Я.</i>	«Я вам не должен ничего...»	95
<i>Кауров Я.</i>	Я хочу летать во сне	96

Кауров Я.	«Мой милый солнечный зайчонок...»	97
Кауров Я.	«Я ухожу. Не ждите, не звоните...»	97
Тремасов А.	Восторг самораспада	98
Тремасов А.	Маятник ночи	99
Тремасов А.	«За улыбкой не спрячешь тоску...»	100
Тремасов А.	Завтрашний закат	100
Тремасов А.	Перепутались звезды	101
Тремасов А.	Летний ветер	102
Тремасов А.	Непорванные стихи	102
Тремасов А.	Ангел смерти	102
Тремасов А.	А в Париже городе...	103
Тремасов А.	В белом сне	103
Тремасов А.	Я годы рву	104
Тремасов А.	«Пилигримы рыцари дорог...»	104
Тремасов А.	Я ветрами крещен	104
Тремасов А.	«На зубах скрипит песок...»	105
Тремасов А.	«Я верю в одинокую звезду...»	105
Тремасов А.	Последний пилигрим	106
Тремасов А.	Песенка шкипера	106
Тремасов А.	Ваганты	107
Тремасов А.	«Я не стану говорить Прощай...»	108
Тремасов А.	«У подножья гор Чимганских...»	108
Тремасов А.	«Здравствуй край Хаджи Насредина...»	108
Тремасов А.	«Не приметный полустанок...»	109
Тремасов А.	«Ташкент нас встретил камнем и угрозой...»	109
Тремасов А.	«Чимганские горы...»	110
Тремасов А.	«Собрав весь мусор общего вагона...»	110
Тремасов А.	«Священный город Бухара...»	110
Тремасов А.	«Она по узбекски простилась со мной...»	111
Тремасов А.	«Когда то здесь шли караваны...»	111
Тремасов А.	«В вагоне тесно, сырьо, душно...»	111
За кулисами шекспировского театра «Глобус»		
Тремасов А.	«Занавес времени мы приоткроем...»	113
Кауров Я.	«Во флаконе из слюды...»	113
Тремасов А.	«Вином вдохновенья наполнен бокал...»	114
Кауров Я.	«Следя за карточной игрой...»	114
Тремасов А.	«В лесу любви так просто заблудиться...» ..	115
Кауров Я.	Альба	115
Кауров Я.	«Вздыхало заспанное небо...»	116
Тремасов А.	«Никто из нас Судьбы не знает...»	116
Кауров Я.	«Вокруг смеются над судьбой...»	117
Тремасов А.	«Ресниц касается рассвет...»	117
Кауров Я.	«Не надо больше плакать и молиться...»	118
Тремасов А.	Вступление ко второй части	118
Тремасов А.	«Я повторяю, как молитву...»	118

<i>Тремасов А.</i>	Монолог Гамлете	119
<i>Кауров Я.</i>	«То зябко, то жарко и душно...»	120
<i>Кауров Я.</i>	«Я одинок. Без страха и без грусти...»	120
<i>Тремасов А.</i>	«Я поисками утомлен...»	121
<i>Кауров Я.</i>	«Признаются заслуги красоты...»	122
<i>Тремасов А.</i>	Акростих	122
<i>Кауров Я.</i>	«Если будет король у страны силен...»	122
<i>Тремасов А.</i>	Вступление к третьей части	123
<i>Тремасов А.</i>	«Один король уже на склоне дней...»	123
<i>Кауров Я.</i>	«Зачем мы начали играть?...»	124
<i>Тремасов А.</i>	«Я влюбился в сонет...»	125
<i>Кауров Я.</i>	«Рождаясь, не ведешь ты счет годам...»	125
<i>Кауров Я.</i>	«Пока сознанье бег не завершит...»	126
<i>Тремасов А.</i>	Послесловие	127

Галантный век

<i>Кауров Я.</i>	«Загадочность сцены...»	129
<i>Тремасов А.</i>	«Камзолы, перья, треуголки...»	130
<i>Кауров Я.</i>	«Галантный век, летят кареты...»	131
<i>Тремасов А.</i>	«Парик, камзол, ореховая трость...»	131
<i>Кауров Я.</i>	Маркиз де Воруак	132
<i>Тремасов А.</i>	Граф де Восамерт	133
<i>Кауров Я.</i>	«Ещё вина! Я ставлю сотню!...»	134
<i>Тремасов А.</i>	«Вся жизнь моя сплошная авантюра...»	135
<i>Кауров Я.</i>	«Драконом вечным выгнув спину...»	135
<i>Тремасов А.</i>	«Ах, эта мушка на груди...»	136
<i>Кауров Я.</i>	«И нежный голос, и напудренный парик...»	137
<i>Тремасов А.</i>	«Карета по дороге катится...»	138
<i>Кауров Я.</i>	«Интрига королевская игра...»	138
<i>Кауров Я.</i>	«Хочется чувствовать молодость...»	140
<i>Кауров Я.</i>	«Век галантных кавалеров...»	141
<i>Тремасов А.</i>	«Золотыми монетами...»	142
<i>Кауров Я.</i>	«Поэт над миром вознесен...»	143
<i>Тремасов А.</i>	«Все бессмысленно, стихи...»	143
<i>Кауров Я.</i>	«Стучась в холодные стальные двери...»	144
<i>Тремасов А.</i>	«Пока в бокалах пенится вино...»	145
<i>Кауров Я.</i>	«Я вам не должен ничего...»	145
<i>Тремасов А.</i>	«Огненная корона...»	146
<i>Кауров Я.</i>	«Я забыл. Я забыл. Я забыл...»	146
<i>Тремасов А.</i>	«Разбитым ртом я улыбаюсь...»	147
<i>Кауров Я.</i>	«Ты говоришь, мои стихи...»	147
<i>Тремасов А.</i>	«Поэзия вселенная любви!..»	147
<i>Кауров Я.</i>	«Я научу Вас жизни высшей...»	148
<i>Тремасов А.</i>	«Кровью золото добыто...»	149
<i>Тремасов А.</i>	«Век быстрых денег, век интриг...»	150
<i>Тремасов А.</i>	«В камзоле восемнадцатого века...»	150

Шепот дьявола

Кауров Я.	«Как надоели глупые книги...»	153
Кауров Я.	«Огни взлетают фейерверками...»	153
Кауров Я.	«В небе мечутся всполохи пламени...»	154
Кауров Я.	«Одежды в складки собираются...»	155
Кауров Я.	«Я ненавижу лицемерие...»	155
Кауров Я.	«Вечер. Солнце отсияло...»	156
Тремасов А.	«Шепот дьявола нас отрывает от сна...»	157
Тремасов А.	17 декабря	157
Тремасов А.	Дама пик	158
Тремасов А.	Запах серы	158
Тремасов А.	«В бокале кровь, а не вино...»	158
Тремасов А.	«Мне нравиться беседовать с огнем...»	159
Тремасов А.	Взгляд ловит взгляд	159
Тремасов А.	Вот он миг	159
Тремасов А.	«Довольно уговаривать Судьбу...»	160
Тремасов А.	«Мне очень хотелось...»	160
Тремасов А.	Табу	161
Тремасов А.	Вызов	161
Тремасов А.	Суккуб	162
Тремасов А.	Инкуб	162
Тремасов А.	Магический кристалл	163

Голос Божий

Кауров Я.	«Мне хватит в жизни терпения...»	165
Кауров Я.	«Вы все мое творение...»	166
Кауров Я.	«Труден путь по острым камням...»	167
Кауров Я.	«Все сверкает огнями...»	167
Кауров Я.	Христос	168
Кауров Я.	«Дай ты, Господи, нам любви...»	169
Тремасов А.	Ангел	169
Тремасов А.	Тайный свет молитвы	170
Тремасов А.	В Дивеевском соборе..	170
Тремасов А.	Молитва	171
Тремасов А.	Божество	171
Тремасов А.	Ангел хранитель	172
Тремасов А.	«Голубые туманы...»	172
Тремасов А.	Благая весть	173
Тремасов А.	Крест и кинжал	173
Тремасов А.	Белый ворон	173
Тремасов А.	Ангелы бездны	174
Тремасов А.	Молитва на закате	174
Тремасов А.	Распятая мечта	175
Тремасов А.	Райский луг	176
Тремасов А.	Долг	176
Тремасов А.	С неба ангел спустился	177

<i>Тремасов А.</i> Моление	178
<i>Тремасов А.</i> Тайна свечи	178
<i>Тремасов А.</i> «Все тайны слова разгадать...»	178
<i>Тремасов А.</i> Храни нас, Господи	179
Дворянское гнездо	
<i>Тремасов А.</i> Воспоминание	181
<i>Кауров Я.</i> «Кавказ за вольнодумие платы...»	181
<i>Тремасов А.</i> Скучающий поэт	182
<i>Кауров Я.</i> «Ах, сударыня, как Вы не правы...»	182
<i>Тремасов А.</i> «Как это глупо с пеной у рта...»	183
<i>Тремасов А.</i> Посвящение	183
<i>Кауров Я.</i> «Судьбой неведомой ведомый...»	184
<i>Кауров Я.</i> «Я, конечно, прощаю вас...»	185
<i>Кауров Я.</i> «Я мог бы Вам писать всю ночь...»	185
<i>Тремасов А.</i> «Скучно, целюсь в даму пик...»	185
<i>Кауров Я.</i> «О чем то давнем воспоминанье...»	186
<i>Кауров Я.</i> «Холодной петербуржскою зимою...»	186
<i>Тремасов А.</i> Салон Литературного кафе	187
<i>Тремасов А.</i> «Осталась ночь раздумий до дуэли...»	188
<i>Тремасов А.</i> «Сходитесь! Сходятся... сейчас он упадет...»	188
<i>Тремасов А.</i> Эполеты	188
<i>Кауров Я.</i> «Пощадите корнета, графиня...»	189
<i>Тремасов А.</i> «Где вы, гусары счастливой поры...»	190
<i>Кауров Я.</i> «Страстью безумною, радостью нежною...» ..	190
<i>Кауров Я.</i> «Во мне, все во мне: и холод вершин...» ..	191
<i>Тремасов А.</i> «На шляпе бриллиантовая брошь!...»	191
<i>Тремасов А.</i> «Глаза сиреневого цвета...»	192
<i>Тремасов А.</i> «Кивер съехал набекренъ...»	192
<i>Тремасов А.</i> «Свечи серебряное пламя...»	192
<i>Тремасов А.</i> «Мне нравится беседовать с огнем...»	193
<i>Тремасов А.</i> «Дворянские усадьбы цветущие сады...»	193
<i>Кауров Я.</i> «Бледнеет сумерек слюда...»	194
<i>Тремасов А.</i> «Я хотел бы в век чести жить...»	196
<i>Тремасов А.</i> Аустерлиц	196
<i>Тремасов А.</i> Арьергард	196
<i>Кауров Я.</i> «Я никогда не видел рая...»	197
<i>Кауров Я.</i> «Свет золотой, возьми меня...»	198
<i>Тремасов А.</i> Русским поэтам	198
<i>Кауров Я.</i> «Я русский поэт, и знамение...»	198
Декаданс	
<i>Кауров Я.</i> «Многозначительные думы...»	201
<i>Кауров Я.</i> «Пьеро идет отвержено и сиро...»	202
<i>Кауров Я.</i> «В сиренево лиловом небе...»	202
<i>Кауров Я.</i> «Вам не понять смирайтесь, господа!...» ...	203

<i>Кауров Я.</i>	«Нищий поэт как смешно!..»	203
<i>Кауров Я.</i>	«Все тихо лишь коней бегущих храп...» .	204
<i>Кауров Я.</i>	«В аллеях золотого парка...»	204
<i>Кауров Я.</i>	«У вечера есть дивное мгновенье...»	205
<i>Кауров Я.</i>	«Как трудно в это все поверить вам...»	205
<i>Кауров Я.</i>	«Розовый дым...»	205
<i>Тремасов А.</i>	Путешествие луны	206
<i>Тремасов А.</i>	«За рекою золотятся огни...»	207
<i>Тремасов А.</i>	Пока не скисло вино...	207
<i>Тремасов А.</i>	Сумасшествие	207
<i>Тремасов А.</i>	Образ	208
<i>Тремасов А.</i>	«Мне сегодня не живется и не дышится...»	208
<i>Тремасов А.</i>	«Меня гнетет одно воспоминанье...»	209
<i>Тремасов А.</i>	Черный цветок	209
<i>Тремасов А.</i>	«В бокале красное вино...»	210
<i>Тремасов А.</i>	Оранжевый снег	210
<i>Тремасов А.</i>	Выкуп	210
<i>Тремасов А.</i>	Сон луны	211
<i>Тремасов А.</i>	Ветер	211
<i>Тремасов А.</i>	«Стихи как дар, и как проклятье...»	212
<i>Тремасов А.</i>	Разгадка ночи	212
<i>Тремасов А.</i>	Странные люди	213
<i>Тремасов А.</i>	«С тебя сползает покрывало...»	214
<i>Тремасов А.</i>	Неприятие жизни	214
<i>Тремасов А.</i>	Наполню кубок не вином	215
<i>Тремасов А.</i>	«Я ощущаю вкус твоей помады...»	215
Белая гвардия		
<i>Тремасов А.</i>	Офицерский вальс	217
<i>Тремасов А.</i>	«Чаша пенная по кругу...»	217
<i>Тремасов А.</i>	«Капитан, Вас угробит бутылка...»	218
<i>Тремасов А.</i>	«Белая гвардия честь и долг...»	218
<i>Тремасов А.</i>	Под Андреевским флагом...	218
<i>Тремасов А.</i>	В грядущем святая Русь	219
<i>Тремасов А.</i>	«Мне привиделись в белой метели...»	220
<i>Тремасов А.</i>	Распадается мир...	221
<i>Тремасов А.</i>	В атаку, господа!	221
<i>Тремасов А.</i>	Гибель орла	222
<i>Тремасов А.</i>	«Я хотел бы в век чести жить...»	222
<i>Тремасов А.</i>	«Государев трон пустует...»	222
<i>Тремасов А.</i>	«Мадам, я пьян и даже выбрит плохо...»	223
<i>Тремасов А.</i>	Россия стосковалась по царю...	224
<i>Тремасов А.</i>	«Над станцией свинцовый рассвет...»	224
<i>Тремасов А.</i>	«Нам выпало с вами в России родиться...» .	225
<i>Тремасов А.</i>	Молодой кадет	225
<i>Тремасов А.</i>	Благослови, Господь, Россию...	226

392 *А.Тремасов, Я.Кауров* ТЕАТР Поэтов

<i>Кауров Я.</i>	«Он возвратится в отчий дом...»	227
<i>Кауров Я.</i>	Офицерский	227
<i>Кауров Я.</i>	«Под маской бронзовой мессии...»	228
<i>Кауров Я.</i>	«От невидимых миру ран...»	229
<i>Кауров Я.</i>	«Внимая приговора фразам...»	230
<i>Кауров Я.</i>	«Бьет набат на Руси святой...»	231
<i>Кауров Я.</i>	«Распались связи, рухнул город...»	232
<i>Кауров Я.</i>	Казачья	232
<i>Кауров Я.</i>	«Да, мы белые, господа!...»	233
<i>Кауров Я.</i>	«Дай ты, Господи, нам любви...»	234
Сказки		
<i>Тремасов А.</i>	Вместо предисловия	237
<i>Тремасов А.</i>	Сказка о солнечном зайчике	237
<i>Тремасов А.</i>	Сказка о принцессе и ее верных львах	238
<i>Тремасов А.</i>	История шариковой ручки, или пролог... ..	241
<i>Тремасов А.</i>	Взрослая сказка для детей	242
<i>Тремасов А.</i>	Монолог змея	246
<i>Тремасов А.</i>	Песенка змея	247
<i>Кауров Я.</i>	Эвальд и Агнесса	247
<i>Тремасов А.</i>	Сказка о мушкетерской стране	256
Любви мелодия нетленна		
<i>Тремасов А.</i>	Венок сонетов I	261
<i>Кауров Я.</i>	Письмо (Поэма)	267
Орден рыцарей красоты		
<i>Тремасов А.</i>	Тост	273
<i>Тремасов А.</i>	Венок сонетов III	273
<i>Кауров Я.</i>	Молитвы красоте	280
<i>Кауров Я.</i>	«Душа твоя твой дом...»	281
<i>Кауров Я.</i>	«Вход в подсознанье там...»	296
<i>Кауров Я.</i>	«У вечной красоты...»	296
Дождливый день		
<i>Тремасов А.</i>	«В сером плаще дождя...»	299
<i>Кауров Я.</i>	«Все прошло, миновало прозрачное лето...»	299
<i>Кауров Я.</i>	«Все несчастья, все удачи...»	300
<i>Тремасов А.</i>	«Неудавшийся портрет...»	301
<i>Кауров Я.</i>	«Невидимым бывает дождь...»	301
<i>Тремасов А.</i>	«Вот опять хороводит листва за окном...» ..	301
<i>Тремасов А.</i>	«Умирает лето, умирает...»	302
<i>Кауров Я.</i>	«За окнами ветер и снег, или дождь...»	302
<i>Тремасов А.</i>	«Холодный сентябрь произвел в адъютанты...»	302
<i>Кауров Я.</i>	«Мне надоели эти люди...»	303
<i>Тремасов А.</i>	«Смотреть еще не значит видеть...»	303

Кауров Я.	«Жизнь прошла, воспоминаний нет...»	304
Кауров Я.	«Признаются заслуги красоты...»	304
Тремасов А.	«Кленовый лист к зонту прилип...»	304
Кауров Я.	«Над темною рекой, на склоне...»	305
Тремасов А.	«Гадает сентябрь по кленовой ладони...»	306
Тремасов А.	«Холодные осенние дожди...»	306
Тремасов А.	«Осенний воздух холоден и чист...»	306
Кауров Я.	Улица Ленина	307
Третий Рим (стихи о России)		
Кауров Я.	«Судьбой неведомой ведомый...»	309
Кауров Я.	«Я, конечно, прощаю вас...»	309
Кауров Я.	«Я мог бы Вам писать всю ночь...»	310
Кауров Я.	«Я никогда не видел рая...»	310
Кауров Я.	«Свет золотой, возьми меня...»	311
Кауров Я.	«Еще мгновенье, солнце скрылось...»	311
Кауров Я.	«Я узнаю вас, облака...»	312
Кауров Я.	«Из засохшей сосенки...»	312
Кауров Я.	«Мы шли весь день через леса...»	313
Кауров Я.	«Солнышко, солнышко!..»	313
Кауров Я.	«Собака, солнце и костер...»	314
Кауров Я.	«Как на масленице пьяной...»	315
Кауров Я.	«Я плачу горькими слезами...»	316
Кауров Я.	«Во первых строках моего письма...»	316
Кауров Я.	«Увезите вы меня...»	317
Кауров Я.	«В ту ночь мы слишком задержались...» ...	318
Кауров Я.	«Вы говорите „Пью без меры!..»	319
Кауров Я.	«Хочу напиться из колодца...»	320
Кауров Я.	Скоморошина	320
Кауров Я.	«Как на юной на заре...»	321
Кауров Я.	«Пала тень кровавая...»	323
Кауров Я.	«Мы шли тускнеющим откосом...»	324
Кауров Я.	«Пылает синий небосвод...»	325
Кауров Я.	«Как во поле во поле...»	325
Кауров Я.	«С печки на речку. С речки на печку...»	326
Кауров Я.	«Кабак и воры в кабаке...»	326
Кауров Я.	«Пьяное отрепье...»	327
Кауров Я.	«Как в деревне своей я порядок навел...» ...	327
Кауров Я.	«Ох загуляю я! Держись!..»	328
Кауров Я.	«Облаков плывет гряда...»	328
Кауров Я.	«Лежу под яблоней. Жара...»	328
Кауров Я.	«Яблоки в России...»	329
Кауров Я.	«В землянке темной светлым днем...»	330
Кауров Я.	«Сегодня до чертей напьюсь...»	331
Кауров Я.	«Вот ты поэт, волнами строф...»	331
Кауров Я.	«Ну никак судьба подлянка...»	332

<i>Кауров Я.</i>	«В наших тихих лесах и березовых рощах...»	332
<i>Кауров Я.</i>	«Стон любви в полях слышнее...»	332
<i>Кауров Я.</i>	«Девчонка улыбается...»	333
<i>Кауров Я.</i>	«У красавицы Наташки...»	333
<i>Кауров Я.</i>	«В черных глаз твоих оливки...»	333
<i>Кауров Я.</i>	«Песни Леля по рощам разносятся...»	334
<i>Кауров Я.</i>	«Велите им меня не мучить!..»	334
<i>Кауров Я.</i>	«Ох тоска моя кручина...»	335
<i>Кауров Я.</i>	«Добра сначала, после зла...»	335
<i>Кауров Я.</i>	«В садах вы топчите цветы...»	336
<i>Кауров Я.</i>	«Мне жалко вас, вы все несчастны...»	336
<i>Кауров Я.</i>	«Мы ходим светлыми лесами...»	337
<i>Кауров Я.</i>	«Россия сказочное царство...»	338
<i>Кауров Я.</i>	«Что будет здесь на этом месте...»	338
<i>Тремасов А.</i>	О доблести русских полков	338
<i>Тремасов А.</i>	«Святая Русь поругана врагом...»	342
<i>Тремасов А.</i>	«Русский Гамлет Павел первый...»	342
<i>Тремасов А.</i>	Неотправленное письмо	343
<i>Тремасов А.</i>	Еще одно...	343
<i>Тремасов А.</i>	Последнее письмо	344
<i>Тремасов А.</i>	«В пропахшем дымом кабаке...»	344
<i>Тремасов А.</i>	«Хватит пить, ей богу, хватит...»	345
<i>Тремасов А.</i>	Вечное одиночество	346
<i>Тремасов А.</i>	Бессмертье и яд	346
<i>Тремасов А.</i>	Ценитель абсента	347
<i>Тремасов А.</i>	Абсентовые очи...	347
<i>Тремасов А.</i>	«Стерта, из памяти стерта...»	347
<i>Тремасов А.</i>	Господа поэты	348
<i>Тремасов А.</i>	«Стремена натянуты...»	348
<i>Тремасов А.</i>	«К черту! Хватит! Надоели!..»	349
<i>Тремасов А.</i>	Сонет 277	349
<i>Тремасов А.</i>	Коней седлает русская дружина	350
<i>Тремасов А.</i>	«Дай силы нам, есенинская Русь...»	350
<i>Тремасов А.</i>	Много лет назад	351
<i>Тремасов А.</i>	Мы все с «Варяга»	352
<i>Тремасов А.</i>	Старец и гений. Поэма	353

„Искусство — почти всегда суггестия“

<i>Тремасов А.</i>	Исследование суггестивного воздействия и восприятия рефлексивно поэтического тренинга различными возрастными и социальными группами на примере исторических спектаклей театра поэтов	358
--------------------	--	-----

<i>Строгецкий В.М.</i> Послесловие к книге «Театр поэтов» А. Тремасова и Я. Каурова	362
Алфавитный указатель стихотворений	
<i>Андрей Тремасов</i>	374
<i>Ярослав Кауров</i>	379
Содержание	384

Библиотека журнала «Холм Поэтов»

**ТРЕМАСОВ Андрей Николаевич
КАУРОВ Ярослав Валерьевич**

ТЕАТР ПОЭТОВ
ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ
В ПОЭТИЧЕСКИХ СТИХОТВОРЕНИЯХ
МОНОГРАФИЯ

Журнал «Холм Поэтов»

Издается с 1999 г.

**Главный редактор А.Н. Тремасов
Компьютерная верстка О.В. Сидоров**

Издание подготовлено к печати ЗАО «Деловая книга НН».
603006, Н. Новгород, Ковалихинская, 33,
тел.: (8312) 19-85-27, 19-84-76, E-mail: dbook@nts.ru

Подписано в печать 19.07.2004. Формат 60x90/16.
Гарнитура Школьная. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 24,75. Уч.-изд. л. 17,4.